

ГАМЛЕТЪ
ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ

В. Шекспира.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

П. П. Гнѣдича.

Съ сокращеніями согласно требованіямъ сцены.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Товарищества И. Н. Кушнеровъ и К^о,

Пименовская ул., собственный домъ.

1892.

[ОСР Бычков М. Н.](#)

Дозволено цензурою. Москва октябрь 1892 г.

Къ постановкѣ трагедіи „Гамлетъ“.

Бутафорскій реквизитъ.

Актъ первый.

За кулисами: колоколъ башенныхъ часовъ.

Режиссеру — пѣтухъ для пѣнія.

По рукамъ: *Франциско* — мечъ, копье и щитъ.

Бернардо |
| } — мечи крестовики и копя.

Марцелло |
Гораціо — мечъ-крестовикъ и кинжалъ.

Духу — жезлъ, щитъ, мечъ, кинжалъ, шлемъ съ забраломъ.

Гамлету — черный мечъ, кинжалъ, записную таблетку съ карандашемъ, медальонъ на цѣпи.

Королю — мечъ и цѣпь съ драгоценными каменьями; корона.

Королеви — цѣпь съ драгоценными каменьями, корона, медальонъ.

Полонію — цѣпь съ каменьями; такой-же посохъ. Пергаментъ.

Лаэрту — мечъ и кинжалъ.

Вольтиманду |
| } — мечи.

Корнелиусу |
20—40 вельможамъ и сановникамъ — мѣчи.

20—50 солдатамъ — копя, мечи, щиты.

6 солдатамъ — полные рыцарскіе доспѣхи; закрытыя забрала, наколѣнники, латы. (Разставить по бокамъ трона и у дверей.)

Во второй картинѣ перваго акта — два тронныхъ кресла и третье, ступеню ниже, для принца.

Въ третьей картинѣ — три кресла и столъ въ комнатѣ Полонія.

Въ четвертой картинѣ: било для пушечныхъ выстрѣловъ за кулисами.

Актъ второй.

Во второй картинѣ — два кресла для короля и королевы и третье — возлѣ стола съ противоположной стороны.

По рукамъ: *Полонію* — два свитка писемъ; распечатанное письмо.

Гамлету — книгу въ кожаномъ переплетѣ.

Розенкранцу |
| } — мечи.

Гильденстерну |
Рейнальдо — вязаный кошель съ деньгами.

Актъ третій.

По рукамъ: *Офелии* — евангеліе въ бархатномъ переплетѣ.

3-му комедіанту — кубокъ съ ядомъ.

1-му комедіанту — корону.

2-му комедіанту — женскую корону.

Четыремъ пажамъ — зажженные факелы.

Восьми флейщикамъ — флейты

Зажженная люстра и свѣтильники возлѣ сцены во время представленія.
Лампа висячая спиртовая въ комнатѣ королевы.

Въ сценѣ представленія: ложе на сценѣ; два тронныхъ кресла; одно кресло, на которое садится Полоній послѣ отказа Гамлета; одиннадцать табуретовъ для придворныхъ дамъ. Подушка бархатная для Гамлета.

Молельня короля: кресло, столикъ и аналой.

Комната королевы: два кресла и столъ.

Актъ четвертый.

По рукамъ: *Офелии* — разные полевые цвѣты; на голову — вѣнокъ; водяныя лиліи; крапива.

Слугъ — три свитка. Въ двухъ — текстъ по пьесѣ.

На сценѣ: три кресла и столъ.

Актъ пятый.

За кулисами: гробъ черный, покрытый чернымъ бархатомъ; на крышкѣ — два бѣлыхъ вѣнка; колоколь для погребальнаго звона.

На сценѣ: въ могилѣ три черепа и мокрый песокъ.

По рукамъ: *Могильщикамъ* — двѣ лопаты, фонарь зажженный, два полотенца.

Королевъ — вѣнокъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ.

Дамамъ сопровождающимъ гробъ — бѣлые вѣнки и букеты.

8-ми факельщикамъ — факелы.

Послѣдняя картина.

По рукамъ: *Гамлету* — распечатанныя письма.

Нѣсколькимъ придворнымъ — бархатныя подушки съ рапирами.

Четыремъ судьямъ (въ томъ числѣ Озрику) — золотыя жезлы.

1-му пажу: подносъ съ серебрянымъ кубкомъ, украшеннымъ камнями.

2-му пажу: подносъ съ золотымъ кувшиномъ и двумя золотыми кубками.

Свитъ Фортинбраса — походное вооруженіе, знамя, носилки изъ трехъ щитовъ, положенныхъ на копьѣ.

Озрику — мечъ-крестовикъ.

Фортинбрасу — мечъ, кинжалъ, цѣпь съ камнями.

На сценѣ: два кресла для короля и королевы.

За сценой: било для пушечныхъ выстрѣловъ.

Замѣтки для режиссера

Актъ первый.

Сцена первая.

Ночь. Лунный свѣтъ. — Въ концѣ картины — розоватый тонъ разсвѣта.

Сцена вторая.

До поднятія занавѣса — датскій маршъ. Сцена освѣщена возможно ярче.
— При уходѣ двора, за кулисами — маршъ.

Сцена четвертая.

За кулисами- вѣтеръ. Пушечные выстрѣлы. Имъ предшествуетъ труба и барабанная дробь, но въ отдаленіи. — Лунное освѣщеніе.

Сцена пятая.

Предъ-утренняя розовая дымка. Въ концѣ картины — яркая заря.
Примѣчаніе. Желательно, между 4-й и 5-й картиной чистая перемѣна, или облачная завѣса, которая шла-бы на первомъ планѣ внизъ.

Актъ второй.

Сцена вторая.

За кулисами — трубный сигналъ о прибытіи комедіантовъ.

Актъ третій.

Сцена вторая.

Передъ выходомъ короля — датскій маршъ. — Въ окнѣ, откуда Гамлетъ показываетъ облако Полонію, — луна.

Актъ четвертый.

Передъ выходомъ Лаэрта — шумъ за кулисами, — звонъ оружія, крики. Шумъ все увеличивается: имя Лаэрта, восклицанія; „Лаэртъ-король!" слышнѣе другихъ. Все время шумомъ за кулисами поддерживается впечатлѣніе народнаго бунта. Король окруженъ своей свитой, которая вбѣгаетъ одновременно съ придворнымъ, возвѣщающимъ о бунтѣ. Свита остается свидѣтелями первой сцены съ Лаэртомъ.

Актъ пятый.

Сцена первая.

Вечерняя заря. Ко времени процессіи — лунная ночь. Для ослабленія тяжелаго впечатлѣнія похоронъ и опусканія въ могилу гроба, можно, какъ это практиковалось въ Москвѣ, окружить могилу сплошнымъ кольцомъ подругъ Офеліи и придворныхъ. Подруги — въ бѣлыхъ платьяхъ съ горящими свѣчами. Лѣвую половину сцены занимаетъ могила; правая — переполнена эльсинорскими жителями, — стариками, солдатами, женщинами и дѣтьми. Въ этой толпѣ — Гамлетъ (не въ своемъ обычномъ платьѣ — а въ томъ, которое онъ досталъ въ рыбацкѣй деревушкѣ, куда его высадили пираты).

Сцена вторая.

Требуется точное соблюденіе словъ короля: „Пусть барабанъ оповѣститъ трубъ"... и проч. Поэтому послѣ его тоста — барабанная дробь, труба, — и затѣмъ выстрѣлъ съ батареи. Маршъ Фортинбраса раздается послѣ словъ Гораціо — „Здѣсь осталось еще немного въ кубкѣ", — но онъ едва слышенъ въ началѣ. Когда Фортинбрасъ говоритъ: „На катафалкѣ пусть принца вознесутъ, какъ рыцаря" и проч., — трупъ Гамлета поднимается на щиты. Фортинбрасъ обнажаетъ мечъ, знамя преклоняется, свита салютуетъ, звучитъ похоронный маршъ; Гамлета несутъ, высоко поднявши надъ головами.

Общія примѣчанія.

Актъ первый.

Сцена первая.

1. Появляется *Духъ*.

Переводчикомъ поставлено наименованіе *Духъ* вмѣсто обычнаго *Тѣнь*, такъ какъ, съ одной стороны, на жаргонѣ спиритовъ слово *Духъ* давно получило право гражданства, а съ другой — болѣе чѣмъ странно, когда про величавый призракъ короля говорятъ: „вотъ она".

2. *Гораціо, ты человекъ ученый —*

Попробуй съ нимъ заговорить...

Чтобы говорить съ загробнымъ жителемъ, по народнымъ повѣрьямъ, надо было знать языкъ заклинаній — т. е. латинскій. Вообще, Шекспиръ строго придерживается народныхъ повѣрій: привидѣніе является у него послѣ полуночи, исчезаетъ при пѣніи пѣтуха и пр. Что касается повѣрія о рождественской ночи, то Прудонъ думаетъ, что Шекспиръ смѣшалъ въ данномъ случаѣ Рождество съ Воскресеньемъ Христовымъ.

3. *На немъ достѣхи боевые,*

Въ которыхъ онъ съ норвежцемъ Фортинбрасомъ
Когда-то бился...

Спрашиваютъ, какъ Гораціо, однолѣтокъ Гамлета, могъ помнить, въ какихъ доспѣхахъ быть король, тридцать лѣтъ назадъ убившій норвежца? Но почему-же подвигъ короля не могъ быть увѣковѣченъ въ произведеніи живописи, а оружіе его не могло храниться въ арсеналѣ замка, какъ реликвія побѣды, давшей большія выгоды Даніи?

Сцена вторая.

4. Первая фраза Гамлета, съ созвучіями словъ *kin* и *kind* бесконечно варіировалась комментаторами. — Игра такого созвучія имѣла мѣсто въ трагедіяхъ до-шекспировскаго періода. Въ трагедіи Gorboduc 1561 года имѣется каламбуръ именно такого рода. Тождество англійскаго *kin* съ нѣмецкимъ *Kind*, какъ это предлагаетъ Джонсонъ, едва-ли выдерживаетъ критику. Вѣрнѣе принять *Kind* въ смыслѣ прилагательнаго — доброжелательный.

5. Ясное созвучіе *son* и *sun* во второй фразѣ принца не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что желалъ сказать Шекспиръ. Но иные видятъ въ этомъ отвѣтѣ Гамлета прямое отношеніе къ старой англійской поговоркѣ: „*up of heaven's blessing into the warm sun*\". —

6. Знаменитое восклицаніе принца: „*Frailty, thy name is woman!*\" едва ли переводимо на русскій языкъ. „*Frailty*\" — соотвѣтствуя латинскому „*fragilitas*\", французскому „*fragilite*\" — не имѣетъ соотвѣтствующаго русскаго термина. „Ломкость\", „хрупкость\", „непрочность\", — все это только отчасти передаетъ должное значеніе, сущность котораго заключается въ опредѣленіи отсутствія устойчивости въ предметѣ.

7. Въ описаніи сдѣланномъ Гораціо — появленія духа короля — кроются драгоцѣнныя указанія для режиссера постановки этого появленія. Духъ проходитъ всего на разстояніи жезла, что у него въ рукѣ; онъ въ оружіи съ головы до ногъ, походка его медленна и торжественна; лицо блѣдно и печально; борода сѣдая съ просѣдью — и пр;

Сцена третья.

8. Многіе видятъ въ совѣтахъ Полонія, преподаваемыхъ Лаэрту, воспроизведеніе десяти правилъ лорда Burghley, хорошо извѣстныхъ во времена Шекспира. Но еще болѣе интересно сближеніе монолога Полонія съ завѣщаніемъ короля Якова I его сыну: „не будь ни спѣсивымъ, ни наглымъ; сохраняй важность, но *sine factu*; будь рѣшительный, но не упрямъ; выбирай себѣ въ товарищи по веселью только людей порядочныхъ\" и пр.

Сцена четвертая.

9. Первая фраза Гамлета указываетъ на позднее время года. Начало трагедіи совпадаетъ съ осенью. За два мѣсяца до свадьбы король спалъ въ

саду,— что смѣло могло соответствовать августу мѣсяцу. Поэтому зимняя декорация не противорѣчитъ тексту.

10. *Сегодня ночь неистовой попойки* и пр.

Въ переводѣ, приуроченномъ къ современнымъ требованіямъ сцены, странно было бы останавливаться на детальномъ выясненіи наиболѣе темныхъ мѣстъ текста. Но нельзя не указать на слово *up-spring* подвергшееся всевозможнымъ толкованіямъ. Иные видятъ въ немъ синонимъ „*up-start*“, т. е. „выскачка“; другіе говорятъ — что этимъ именемъ назывались гуляки и бражники; третьи видятъ въ этомъ родѣ танца, нѣмецкій *Hüp-fauf*. — Нужно ли говорить, какое ничтожное значеніе имѣетъ *up-spring* въ сценическомъ текстѣ трагедіи?

Сцена пятая.

11. Какимъ ядомъ отравилъ Гамлета коварный братъ? Иные желаютъ видѣть въ словѣ *hebenon* — плоды черного дерева — *ebony*. Но плоды черного дерева вовсе не ядовиты. О беленъ-же влитой въ ухо писалъ еще Плиній (XXV, 4), увѣрявшій, что отъ этого мутится въ человѣкѣ разумъ.

12. *Гамлетъ*: — *О, ужасъ! ужасъ! ужасъ!*

Нерѣдко эта фраза приписывается Духу. Но, идя по традиціямъ Гаррика и Сальвини, переводчикъ скорѣе готовъ приписать эту фразу Гамлету: не даромъ пользовались ею два вышеназванные гениальные создатели роли принца. Они превосходно разчленили этимъ восклицаніемъ томительный монологъ Духа на двѣ половины.

13. *Гораціо*. — *... Тутъ нѣтъ*

И тѣни оскорбленія...

Здѣсь игра на значеніи слова *offence*, — оскорбленіе и преступленіе. Въ томъ же смыслѣ играетъ Гамлетъ этимъ словомъ въ сценѣ спектакля, когда король спрашиваетъ его о содержаніи пьесы.

14. Вся сцена клятвы на мечахъ, по мнѣнію иныхъ изслѣдователей Шекспира, цѣликомъ заимствована изъ старой трагедіи того-же названія. Едва ли это предположеніе выдерживаетъ критику, хотя безспорно, сцена клятвы на мечѣ, и обращеніе къ „старому кроту“ занимаетъ по оригинальности тона исключительное мѣсто въ трагедіи.

Актъ второй.

Сцена первая.

15. Почему послѣ разсказа Офеліи о появленіи у нея Гамлета въ такомъ неопрытномъ видѣ, Полоній восклицаетъ: „Да, это бредъ любви“? — Отвѣтомъ на это можетъ служить дошедшее до насъ свѣдѣніе о принятой въ царствованіи Елизаветы модѣ — ходить влюбленнымъ неряхами. — Въ комедіи Шекспира „*As you like it*“ (III, 2) подробно описывается такой обычай.

Сцена вторая.

16. *Гамлетъ:... ты торгуешь живою рыбой.*

Въ подлинникѣ — „you are a fishmonger". — Переводить „fishmonger" словомъ рыбникъ, а тѣмъ болѣе рыбака едва-ли возможно. — Несомнѣнно принцъ намекаетъ на желаніе Полонія примирить его во что-бы то ни стало съ Офеліей. Изъ дальнѣйшаго разговора выясняется мысль принца, которая можетъ показаться безумной развѣ одному Полонію.

17. *Полоній. Что вы читаете, принцъ?*

Нѣкоторые исполнители Гамлета берутъ для этой сцены книгу съ крестомъ на переплетѣ, желая этимъ показать, что принцъ ищетъ поддержки въ религіи. — Но религіозный Гамлетъ не можетъ въ такомъ случаѣ сказать, что въ книгѣ только „слова, слова и слова", и назвать автора плутомъ-сатирикомъ. Вѣрнѣе — у него въ рукахъ философскій трактатъ классическаго автора.

18. *Гамлетъ. Когда-же дуетъ съ юга — я отличаю сокола отъ цапли...*

Фраза, чрезвычайно смутно воспринимаемая современной публикой, и совершенно ясная для современниковъ Шекспира. Успѣхъ соколиной охоты зависитъ отъ вѣтра — и судя по тому летятъ-ли птицы, руководствуясь вѣтромъ, къ солнцу, или отъ солнца — охотникъ отличаетъ добычу отъ своего сокола.

19. *Гамлетъ. Когда еще въ Римѣ былъ Росцій актеромъ.*

Эта строка, точно такъ-же, какъ и послѣдующія строки о Іеѳѣ — *пѣсни*, а потому исполнитель роли принца обязанъ ихъ *пѣть*, а не *говорить*.

20. Обращеніе Гамлета къ примадоннѣ — обращеніе къ юношѣ актеру. При Шекспирѣ женскія роли игрались мальчиками.

21. *Гамлетъ. Ты явился въ Данію кичиться своей бородкой.*

И далѣе —

...*Кто оскорбитъ*

Меня рѣшится — раскроитъ мнѣ черепъ

Рванутъ за бороду...

Все это ясно указываетъ на гримъ исполнителя. Безбородое лицо принца ничѣмъ не можетъ быть мотивировано. Въ сценѣ съ могильщиками есть два указанія на лѣта принца: могильщикъ говоритъ, что онъ взялся за свое ремесло въ день рожденія принца, тридцать лѣтъ назадъ, а самъ Гамлетъ говоритъ, что помнитъ Юрика, двадцать три года тому назадъ умершаго.

Актъ третій.

Сцена первая.

22. Монологъ „*Быть или не быть*".

Переводчика усиленно обвиняли нѣкоторыя газеты за то, что слово *bodkin* переведено имъ словомъ шило, а не кинжалъ. Но несмотря на газетные доводы, переводчикъ не можетъ согласиться съ возможностью поставить кинжалъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ униженныхъ и оскорбленныхъ, „потѣющихъ подъ грузомъ

жизни", о тѣхъ пасынкахъ природы, у которыхъ шило или простая шпилька скорѣе будетъ подъ рукой, чѣмъ рыцарскій стилетъ. Основательность своего положенія переводчикъ подтверждаетъ первоначальной редакціей монолога „Быть или не быть" полный переводъ которой читатели найдутъ въ книгѣ г. Чуйко „Шекспиръ". — Въ монологѣ этомъ переводчикъ тоже не нашелъ возможнымъ перевести *bodkin* иначе, какъ словомъ шило.

Сцена вторая.

23. *Полоній... Я изображалъ Юлія Цезаря; я былъ звѣрски убитъ въ Капитоліѣ...*

Спектакли въ университетѣ нерѣдко давались въ эпоху Шекспира, и Елизавета удостоивала ихъ своимъ присутствіемъ. Въ 1582 г. въ Оксфордскомъ университетѣ давали латинскую трагедію „Цезарь". Очевидно, въ ней была та же авторская ошибка, въ которую впалъ и Шекспиръ въ своемъ „Цезарѣ" — Юлія убивали въ Капитоліѣ.

24. *Представленіе „Мышеловки".*

Гдѣ-же въ текстѣ «Мышеловки» находятся стихи, которые обѣщаль актерамъ вставить Гамлетъ? По превосходной трактовкѣ этой сцены Сальвини, они помѣщаются въ тѣхъ строкахъ, которые даютъ реплику восклицаніямъ Гамлета.

25. *Гамлетъ:... видите вы то облако, какъ оно похоже на крота и пр.*

Въ подлинникѣ поставлены: верблюдъ, хорекъ и китъ. Но на англійскаго зрителя гораздо болѣе дѣйствуютъ созвучія наименованій этихъ животныхъ «camel, weasel, whale», чѣмъ ихъ образы. По этому переводчикъ рѣшилъ замѣнить ихъ «кротомъ, китомъ и котомъ».

Сцена четвертая.

26. Нужны-ли портреты королей-братъевъ къ комнатѣ королевы? Въ прежнее время, ихъ вѣшали на боковой или на задней стѣнѣ декораціи. Но артисту нѣтъ никакого расчета вести столь важную сцену профилемъ, и тѣмъ паче спиной къ публикѣ. Нѣкоторые исполнители поэтому обратились къ двумъ медальоннымъ изображеніямъ. Но трудно себѣ представить, какъ миниатюра можетъ передать «осанку и поступь». Эрвингъ, играющій «Гамлета» въ оригиналѣ, ведетъ всю сцену безо всякихъ портретовъ, рисуя ихъ передъ мысленнымъ взоромъ королевы. Эрвингъ особенно въ этомъ случаѣ опирается на непосредственный смыслъ фразы: — «look you now what follows», которая была бы слишкомъ чужда духу англійскаго языка, если бы дѣло шло о живописныхъ изображеніяхъ. — Сальвини заимствовалъ отъ англійскаго трагика тотъ-же приѣмъ игры.

27. *Гамлетъ: Что тамъ такое — крыса?*

Рѣшительно непонятно, почему русскіе переводчики съ особеннымъ упорствомъ переводили *rat* словомъ мышь. Жирный, толстый, полупьяный, неопрятный король, какимъ онъ рисуется авторомъ, какъ нельзя болѣе удачно

можетъ быть сравненъ съ крысой, а ужъ никакъ не съ юркой, маленькой мышью.

Актъ четвертый.

Сцена третья.

28. *Входитъ Офелія.*

Выходъ сумасшедшей Офеліи, къ сожалѣнію, до сихъ поръ играетъ съ сохраненіемъ нелѣпыхъ традицій. вмѣсто того чтобы явиться въ придворномъ платьѣ и шляпѣ, дочь камергера приходитъ во дворецъ въ какомъ-то бѣломъ балахонѣ, съ распущенными волосами. Небрежность костюма, криво надѣтый, измятый, разорванный лифъ — представляется рискованнымъ для исполнительницъ. Къ счастью, бессмысленное пѣніе подъ аккомпанементъ оркестра практикуется теперь только по провинціальнымъ заходустьямъ.

29. *Офелія.* — Она вошла, потомъ ушла, —
Дѣвицы нѣтъ теперь...

Переводчикомъ нѣсколько смягченъ текстъ подлинника. Интересно сравнить это мѣсто, съ пѣсней Мефистофеля въ гетевскомъ Фаустѣ, почти дословно передающей тотъ же эпизодъ. Въ старой французской пѣснѣ, конца XVI столѣтія, тоже есть строки:

Elle y entra purcelle,
Grossette elle sorta...

30. *Офелія... дочь булочника обратилась въ сову...*

Извѣстный апокрифъ, въ которомъ рассказывается, какъ Христось зашелъ въ пекарню, и дочь булочника пожалѣла ему хлѣба, за что м была превращена въ сову.

Актъ пятый.

Сцена первая.

31. Небезынтересно опредѣлить, сколько времени проходитъ между актами Гамлета. Первое дѣйствіе захватываетъ одни сутки — отъ начала одной ночи, до ночи и разсвѣта слѣдующаго дня. Между первымъ и вторымъ дѣйствіемъ проходитъ около двухъ мѣсяцевъ. Посольство успѣваетъ возвратиться изъ Норвегіи. Согласно разсказу Полонія, помѣшательство принца развивалось медленно, у всѣхъ на глазахъ. Въ первомъ дѣйствіи принцъ говоритъ, что со дня кончины отца прошло два мѣсяца. Въ третьемъ дѣйствіи, которое происходитъ на другой день послѣ втораго (пріѣздъ актеровъ и приказаніе *завтра* играть «Убіиство Гонзаго»), — Офелія говоритъ, что прошло уже четыре мѣсяца со времени смерти короля. — Въ четвертомъ актѣ Гамлетъ уѣзжаетъ въ Англію и видитъ высадку войскъ Фортинбраса. Затѣмъ

происходит столкновение корабля съ пиратами, высадка принца на берегъ, отправка матросовъ съ письмами къ Горацио. Все это занимаетъ столько времени, что Лаэртъ успѣваетъ возвратиться изъ Парижа, — а Фортинбрасъ къ концу пятого дѣйствія — покорить Польшу. Если предположить, что король умеръ въ августѣ (онъ спалъ въ фруктовомъ саду), то первое дѣйствіе происходитъ въ ноябрѣ, — что соотвѣтствуетъ восклицанію Гамлета о холодѣ; второе — въ концѣ декабря, что опять таки имѣетъ основаніе въ замѣчаніи Полонія: Принцъ, не довольно-ли вы были на воздухѣ». Въ четвертомъ дѣйствіи — ранняя весна, что соотвѣтствуетъ Валентинову дню, о которомъ поетъ Офелія, — и что совпадаетъ съ появленіемъ цвѣтовъ.

32. *Могильщикъ... Я молодъ былъ, любилъ и пр.*

Сравните пѣсню лемуровъ въ послѣдней части Фауста Гете, — она почти дословно передаетъ шекспировскій текстъ: «Wie jung ich war und lebt' und liebt»...

33. *Гамлетъ: — ... Я.*

Гамлетъ, наслѣдникъ датскаго престола... Восклицаніе понятное, если вспомнимъ, что Гамлетъ былъ *нагой* высаженъ на берегъ и явился въ Эльсиноръ въ платьѣ простолюдина. Онъ опасается (какъ осужденный на смерть) войти до наступленія тьмы въ замокъ, — потому и бродитъ по кладбищу. Стража, загородившая ему доступъ къ мѣсту, гдѣ стоитъ король, легко вызываетъ вышеприведенное восклицаніе.

34. *Гамлетъ... пить уксусъ, крокодиловъ ѣсть и проч.*

Слово *eisel* одни принимаютъ въ смыслѣ уксусъ, другіе — увѣряютъ, что это рѣка *Yssel* — притокъ Рейна. Послѣднее толкованіе крайне нелѣпо. Причемъ тутъ *Yssel* — и почему эту рѣчку зналъ Шекспиръ? Между тѣмъ пить уксусъ съ горя, чтобы получить чахотку и умереть — это издавна было повѣріемъ въ Англіи.

35. Заключительный монологъ Гамлета будетъ понятенъ только въ томъ случаѣ, если первая фраза будетъ отнесена къ Лаэрту, сравненіе съ кошкой — къ матери, а съ собакой — къ королю.

36. *Могильщики* въ сценѣ на кладбищѣ — въ сущности шуты. Они такъ и называются въ текстѣ *Clowns*.

Сцена вторая.

37. *Озрикъ... Лаэртъ изъ двѣнадцати схватокъ уступитъ вамъ болѣе трехъ ударовъ...*

Такъ какъ Лаэртъ несравненно лучшій боецъ чѣмъ принцъ, то условіе поединка уравнины: изъ двѣнадцати схватокъ Лаэртъ увѣренъ въ десяти ударахъ съ своей стороны, а король считаетъ, что Гамлетъ нанесетъ болѣе трехъ ударовъ и такимъ образомъ выиграетъ закладъ. На уравнины силъ бойцовъ указываютъ слова принца — „при условіяхъ имъ предложенныхъ я выиграю“, и слова короля: „Лаэртъ учился и теперь еще прекраснѣе фехтуетъ, потому условія ваши уравнины“.

Поединокъ не долженъ быть скомканъ, — всѣ семь схватокъ должны быть сдѣланы неторопливо. По шекспировской ремаркѣ оба противника готовятся къ бою, то есть, снимаютъ плащи, лишнее оружіе, подтягиваютъ пояса, пробуютъ шпаги и т. д. Послѣ салюта королю, начинается бой. Первый ударъ наноситъ Гамлетъ. Озрикъ говоритъ: „ударъ, ударъ, и очень ясный". Вторая схватка начинается послѣ словъ Гамлета — „Поставьте кубокъ въ сторону". Ударъ снова наносится принцемъ. Лаэртъ сознается, что его задѣли. — Третья схватка идетъ послѣ шутливаго подстреканья принца: „Ну, на третій разъ, Лаэртъ!" — Эта схватка „въ ничью", согласно экспертизѣ Озрика. Послѣ словъ Озрика бойцы разгорячаются. Въ пятой схваткѣ, Лаэртъ ранитъ принца: она оканчивается восклицаніемъ Лаэрта: „Теперь попалъ". Согласно лучшимъ традиціямъ исполнителей, Гамлетъ, почувствовавъ въ груди незатупленный конецъ, а острие, — внезапно догадывается объ измѣнѣ. Онъ въ шестой схваткѣ, горячо наступая на Лаэрта, заботится только о томъ, чтобъ вышибить шпагу у противника. Лаэртъ — совершившій уже преступленіе — теряется, и поневолѣ беретъ предложенную рапиру противника. — Седьмая схватка на сторонѣ Гамлета: Лаэртъ, видя, что онъ дерется противъ отравленнаго оружія, окончательно теряетъ самообладаніе и позволяетъ нанести себѣ ударъ.

Сцена дуэли, прекрасно поставленная на сценѣ Малаго театра, именно своей торжественностью и реализмомъ усугубляла впечатлѣніе царственной драмы.

38. *Выходъ Фортинбраса* необходимъ для равновѣсія авторскаго замысла. Мысль о молодомъ норвежскомъ принцѣ — послѣдняя мысль Гамлета. Еще въ четвертомъ актѣ, глядя на его войска, онъ думаетъ:

Быть истинно-великимъ, — не возстать
Безъ повода великаго, — и биться
На смерть, изъ-за соломенки ничтожной.
Когда задѣта честь...

И теперь, умирая, онъ говоритъ:

Я предрекаю выборъ Фортинбраса
На нашъ престоль, ему передаю
Я свой предсмертный голосъ...

Фортинбрасъ — однолѣтокъ Гамлету, даже старше его, такъ какъ отецъ его былъ убитъ тридцать лѣтъ назадъ. — Эпитетъ „young" — означаетъ скорѣй младшій, чѣмъ молодой, — въ отличіе отъ отца Фортинбраса-старшаго. Эпитеты, примѣняемые и въ наше время къ царствующему дому.

Въ „Гамлетѣ" поставлено три сверстника — три представителя молодаго поколѣнія: Гамлетъ, Фортинбрасъ и Лаэртъ. Всѣ трое въ одинаковомъ положеніи: у нихъ убитъ отецъ, и они горятъ желаньемъ мести. Торжествуетъ одинъ Фортинбрасъ, у котораго мысль и дѣло — одно и то же. Поэтому онъ, какъ достойнѣйшій, и занимаетъ мѣсто представителя власти.

П. Гнѣдичъ.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Эльсиноръ. Терраса передъ замкомъ.

Франциско *на стражъ.*

Бернардо *входитъ.*

Бернардо.

Кто тамъ?

Франциско.

Стой! Кто идетъ? откликнись!

Бернардо.

Да здравствуетъ король!

Франциско.

Бернардо?

Бернардо.

Онъ.

Франциско.

Вы во-время пришли.

Бернардо.

Ужь полночь било, —

Ступай, ложись.

Франциско.

Благодарю за смѣну: —

Ужасно холодно и на душѣ такъ жутко

Сегодня...

Бернардо.

Все благополучно было
Въ твой караулъ?

Франциско.

И мышъ не пробѣжала.

Бернардо.

Покойной ночи! Если по дорогѣ
Гораціо съ Марцелло встрѣтишь ты:
Они сегодня тоже въ караулъ —
Сюда ихъ посылай.

Входятъ Гораціо и Марцелло.

Франциско.

Да вотъ они!

Стой! Кто идетъ?

Гораціо.

Свои...

Марцелло.

Датчане!

Франциско.

Доброй ночи!

Марцелло.

Прощай, мой милый. Кто тебя смѣнилъ?

Франциско.

Бернардо. Доброй ночи!

Марцелло.

Эй, Бернардо!

Бернардо.

Ты здѣсь, Гораціо?

Гораціо.

Я за него. —

Бернардо.

Ну, очень радъ. Марцелло добрый, здравствуй.

Марцелло.

Ну, что-жь, видѣніе являлось нынче?

Бернардо.

Я не видалъ...

Марцелло.

Гораціо не вѣритъ:

Онъ говоритъ, что это — бредъ пустой,
Что дважды здѣсь являвшаяся тѣнь —
Лишь плодъ больной фантазіи — не больше.
Я убѣдилъ его сюда придти,
Провести всю эту ночь на стражѣ съ нами,
И если призракъ явится опять,
Пусть убѣдится онъ, что мы не лгали,
Пусть съ нимъ заговорить.

Гораціо.

Пустыя бредни! —

Не явится...

Бернардо.

Гораціо, — присядь...

Въ послѣдній разъ мою послушай повѣсть
О томъ, чему подъ-рядъ двѣ эти ночи
Живыми мы свидѣтелями были...

Гораціо.

Я сълъ,— сижу. Рассказывайте сказки.

Бернардо.

Минувшей ночью, въ часъ какъ та звѣзда,
Отъ полюса на западъ, яркимъ блескомъ
Сіяла тамъ, гдѣ и теперь сіяетъ,
Я и Марцелло, только что на башнѣ
Пробило часъ... *)

{*} Ударъ колокола за сценой.}

Марцелло.

Тсъ!.. замолчи, опять

Явился онъ.

(Является Духъ).

Бернардо.

То онъ — король покойный...

Марцелло.

Гораціо,— ты человекъ ученый:
Попробуй съ нимъ заговорить...

Бернардо.

Ну, развѣ
Съ покойнымъ королемъ не схоже «это»?

Гораціо.

О, сходство страшное!.. Холодный трепетъ
Всего меня охватываетъ.

Бернардо.

Онъ
Желаетъ, чтобы съ нимъ заговорили.

Марцелло.

Заговори, Гораціо...

Гораціо.

Кто ты,
Пріявшій короля чудесный обликъ?
Зачѣмъ ты здѣсь въ таинственную полночь
Въ воинственно-прекрасномъ облаченьѣ
Блуждаешь... отвѣчай! во имя неба
Тебя я заклинаю...

Марцелло.

Оскорбился
Твоею рѣчью онъ...

Гораціо.

Стой, заклинаю!
Отвѣть, отвѣть мнѣ...
(*Духъ исчезаетъ*).

Марцелло.

Онъ исчезъ, не хочетъ
Намъ отвѣчать.

Бернардо.

Ты блѣдень, ты дрожишь,
Гораціо... Что? это вѣдь побольше
Фантазіи болѣзненной?... Ты какъ
Теперь объ этомъ думаешь?

Гораціо.

Клянусь — я не повѣрилъ бы разсказу,
Самъ не увидѣвши...

Марцелло.

Что — развѣ не похоже
На короля?

Гораціо.

Какъ ты на самого
Себя! На немъ доспѣхи боевые,

Въ которыхъ онъ съ норвежцемъ Фортинбрасомъ
Когда-то бился...

Марцелло.

Вотъ въ такомъ же видѣ, —
Два раза онъ, въ безмолвный часъ полночи,
Воинственною поступью проходитъ
Предъ нашей стражей...

Гораціо.

Право, я не знаю
Что думать... Но явленіе такое,
Мнѣ кажется, должно знаменоватъ
Переворотъ грядущій въ государствѣ.

Марцелло.

Присядемте, друзья. Скажите мнѣ, —
Что значатъ эти всѣ приготовления:
Усиленный наборъ, литье снарядовъ
И пушекъ; безконечные обозы
Припасовъ боевыхъ, возня на верфяхъ,
Не знающая праздниковъ и ночи?..
Что это значитъ?...

Гораціо.

Я тебѣ могу
Лишь повторить тѣ слухи, что идутъ
Среди датчанъ... Гамлетъ — король покойный,
Чей образъ только что являлся намъ,
Былъ Фортинбрасомъ, королемъ норвежскимъ,
На поединокъ вызванъ... Нашъ король
Былъ храбростью своей извѣстенъ міру...
Норвежца онъ убилъ на поединкѣ,
И Фортинбрасъ съ своей земною жизнью
Земныя проигралъ свои владѣнья, —
Таковъ былъ ихъ взаимный договоръ,
Печатами и клятвами скрѣпленный.
И вотъ теперъ наслѣдникъ Фортинбраса,
Отвагой необузданной пылая,
Набралъ войска бездомныхъ смѣльчаковъ,
Съ морскихъ прибрежій жалкое отрепье —
И хочетъ силой возвратитъ владѣнья,

По договору отданныя намъ. —
Вотъ это все — и есть главнѣйшій поводъ
Воинственныхъ приготовленій нашихъ
И безпокойствъ и этихъ карауловъ...

Бернардо.

Да, это такъ, — зловѣщій призракъ въ полномъ
Вооруженьѣ — подтверждаетъ ясно
Разсказъ Гораціо... король покойный —
Главнѣйшій поводъ будущей войны.

Гораціо.

О, этотъ призракъ, — какъ пылинка въ глазъ
Мнѣ въ душу заронень, — и не могу
Теперь смотрѣть на міръ я также ясно...

(Духъ появляется).

Тс!.. Снова онъ... Смотрите... Вновь явился!

Остановись, обманчивая тѣнь!

Когда тебѣ дарована способность

Произносить слова, то говори...

Скажи!..

Быть можетъ, подвигъ искренній добра

Освободитъ блуждающую душу?

Скажи!

Быть можетъ, Даніи грозятъ несчастья,

Приходишь ты, чтобъ ихъ предотвратить?

Скажи!

Иль, можетъ быть, ты гдѣ сокрылъ богатства,

Неправедно добытыя при жизни, —

И потому на муку осуждены?..

Скажи!..

(Поетъ пѣтухъ).

Остановись и отвѣчай!...

Останови его Марцелло. —

Марцелло.

Ударить

Его копьемъ?...

Бернардо.

Когда не хочетъ онъ

Остановиться, то ударь. —

Марцелло.

Онъ здѣсь!

Бернардо.

Онъ здѣсь!

Гораціо.

Исчезъ! мы дурно поступили
Съ великимъ духомъ. — Грубое насилие
Надъ нимъ напрасно было, — это призракъ:
Какъ воздухъ, онъ неуязвимъ, — удары
Копья, — насмѣшка злая для него...

Марцелло.

Пѣтухъ запѣлъ, — и онъ исчезъ мгновенно;
Сказанье есть, что въ ночь на Рождество
Пѣвецъ зари поетъ всю ночь до утра, —
И въ тѣ часы видѣнья не блуждаютъ, —
Святая ночь безвредна и тиха...

Гораціо.

Такъ говорятъ... и я, пожалуй, вѣрю
Теперь всему... Однако, вотъ и день.
Оставимъ карауль. И мой совѣтъ:
Все видѣнное нами рассказать
Гамлету молодому *). Я увѣренъ,
Что этотъ духъ, нѣмой для насъ, — съ Гамлетомъ
Заговорить, — какъ думаете вы?..
Любовь и долгъ обязываютъ насъ
Такъ поступить...

{*} Въ смыслѣ младшему. Отца звали такъ-же какъ его.}

Марцелло.

Да, непременно, такъ.

Я знаю, гдѣ удобнѣе всего
Поговорить сегодня можно съ принцемъ!...

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Тронный залъ.

**Король, Королева, Гамлетъ, Полоній, Лаэртъ, Корнелиусъ,
Вольтимандъ,—Свита *).**

{*} До поднятія занавѣса на сценѣ датскій маршъ. Занавѣсъ поднимается при послѣднихъ тактахъ. Король и королева стоятъ на тронѣ. Послѣ словъ „Благодаримъ за все“, королевская чета и принцъ садятся.}

Король.

Хотя свѣжа у насъ въ воспоминаньѣ
Гамлета смерть, — возлюбленнаго брата, —
Хотя прилично намъ и государству
Носить печаль на сердцѣ, слезы лить, —
Но все же въ насъ побѣду одержало
Благоразумье надъ природой, — грусть
Разумнѣй стала: думая о братѣ,
Мы, въ то же время, мыслимъ о себѣ: —
И посему любезную сестру, —
А нынѣ королеву, вмѣстѣ съ нами
Дѣлящую труды правленья, мы
Съ подавленнымъ восторгомъ, улыбаясь
Сквозь слезы, веселясь на погребеньѣ,
На свадьбѣ плача, радости и горе
Одною мѣрой мѣряя, пріяли
Себѣ въ супруги; не гнушались мы
Совѣтовъ вашихъ. Столь охотно вы
Одобрили нашъ бракъ. Благодаримъ
За все. —

Теперь о Фортинбрасѣ рѣчь
Мы поведемъ. Онъ слишкомъ мало цѣнитъ
Особу нашу, мнитъ, что брата смерть
Всю Данію разстроила и смуты
Въ ней поселила. Увлеченный бредомъ
Нелѣпныхъ правъ, онъ утруждать насъ вздумалъ
Посланиемъ о сдачѣ тѣхъ земель,
Которыя нашъ храбрый братъ, Гамлетъ,
На поединкѣ выигралъ съ его
Отца, закладъ поставивши взаимный;
Но дѣло не о немъ. Мы васъ собрали
Сегодня вотъ зачѣмъ. Мы шлемъ письмо
Больному дядѣ Фортинбраса (онъ
Не покидаетъ ложа, и едва-ли

Ему извѣстно, что творить племянникъ),
Мы требуемъ, чтобъ онъ остановилъ
Дальнѣйшее движеніе набора:
Въ его владѣньяхъ дерзкій Фортинбрасъ
Вербуетъ ополченье для похода...
И вотъ мы васъ, Корнелиусъ любезный
И Вольтимандъ, назначили послами
Въ Норвегію. Дальнѣйшихъ полномочій
Для личнаго веденья съ королемъ
Переговоровъ, кромѣ тѣхъ статей,
Которыя означены въ посланьѣ —
Вы не имѣете. — Прощайте: скорый путь
Пусть будетъ вамъ путемъ къ наградѣ.
(Корнелиусъ и Вольтимандъ уходямъ.)

Ну, Лаэртъ,
Что ты сказать хотѣлъ? Ты говорилъ,
Что у тебя есть просьба къ намъ — какая?
Что можешь ты просить, Лаэртъ, чего бы
Заранѣ тебѣ не обѣщали
Исполнить мы... Отецъ твой близокъ къ трону,
Какъ къ сердцу умъ, къ устамъ рука: чего-же
Желаешь ты отъ насъ?

Лаэртъ.

Я, государь,
У васъ просить осмѣлюсь дозволенья
Во Францію вернуться. Добровольно
Оттуда я пріѣхалъ, чтобъ свой долгъ
Святой исполнить въ день коронованья...
Теперь — оконченъ долгъ — и я сознаюсь:
Опять мои и мысли и желанья
Во Францію летятъ, и молятъ васъ
Объ отпускѣ...

Король

Имѣешь ты согласье
Отца, Лаэртъ? — Что говоритъ Полоній?

Полоній.

Онъ этотъ отпускъ выжалъ изъ меня
Своими приставаньями, — и я
Печатью неохотнаго согласья

Его желанье нынѣ утвердилъ.
Къ его мольбамъ я свой прибавлю голосъ, —
Позвольте, государь, — пусть онъ уѣдетъ.

Король.

Ну, если такъ, Лаэртъ, — ты можешь ѣхать, —
Счастливымъ путь! Располагай своимъ
Досугомъ какъ угодно...

Ну, а ты,
Возлюбленный нашъ сынъ и братъ по роду?

Гамлетъ (*про себя*).

И сынъ, и братъ — но не твоей породы!

Король.

Все хмуришься отъ тучъ тяжелыхъ скорби?..

Гамлетъ.

О, нѣтъ — стою я слишкомъ близко къ солнцу.*)
{*} Въ подлинникѣ неперевожимая игра созвучій — sun — солнце и son — сынъ.}

Королева.

Забудь печаль и сумрачныя тѣни,
Гамлетъ мой милый, — дружелюбнымъ взоромъ
Взгляни на нашъ престоль. Тебя мы любимъ,
Не вѣчно же искать, потупивъ очи,
Во прахѣ схороненнаго отца...
Вѣдь это такъ естественно и просто:
Все умираетъ, въ вѣчность переходить...

Гамлетъ.

Да, королева, это очень просто! *).
{*} *Common* — имѣетъ двойное значеніе: обыкновенный, простой — и пошлый, плоскій.}

Королева.

А если это такъ, то почему же
Тебѣ все это кажется такъ страннымъ?

Гамлетъ.

Мнѣ *кажется?* нѣтъ! Такъ оно и есть!
Я никакого *кажется* не знаю...
Ни черный плащъ мой, матушка, ни трауръ,
Ни вздохи сердца, ни потоки слѣзъ
Обильные, ни видъ лица унылый,
Ничто изъ этихъ формъ и знаковъ горя
Понятія не дастъ вамъ обо мнѣ...
Вѣдь это все сыграть весьма не трудно,
И это все *казаться* тоже будетъ:—
Во мнѣ есть то — что выше знаковъ скорби
И больше этихъ траурныхъ одеждъ!..

Король.

Прекрасный и похвальный скорби долгъ
Вполнѣ присущъ, Гамлетъ, твоей натурѣ;
Но вспомни: вѣдь и твой отецъ когда-то
Лишился своего отца, который
И въ свой чередъ когда-то хоронилъ
Родителя... *) Оставшійся въ живыхъ
Обязанъ, долгъ сыновній исполняя,
Носить на сердцѣ скорбную печаль.
Но долгое, упрямое упорство
Въ такой печали — это грѣхъ безспорный!
Такое горе — недостойно мужа,
Такое горе — означаетъ прямо
Небесной волѣ непокорство, сердце
Нетвердое, строптивый духъ, разсудокъ
Неразвитой и слабый. Ну зачѣмъ,
Изъ вздорнаго упрямства, принимать
Такъ близко къ сердцу то, что неизбежно,
Что такъ обыкновенно, и такъ просто?..
Стыдись, Гамлетъ! — вѣдь это грѣхъ предъ Богомъ,
Грѣхъ предъ усопшимъ, грѣхъ передъ природой,
Безуміе! Вѣдь здравый смыслъ мирился
Съ потерею отцовъ всегда — и каждый
Рѣшалъ — отъ первой смерти на землѣ
До трупа охладѣвшаго сегодня: —
Такъ должно быть! Отбрось же эти вздохи,
Взгляни на насъ, какъ на отца, — пусть знаетъ
Весь міръ, что ты ближайшій въ мірѣ къ трону,
Что мною ты любимъ такой любовью,

Какою любить лишь отецъ нѣжнѣйшій
Родного сына... Ты желаешь снова
Поѣхать въ Виттенбергъ и вновь учиться...
Но это несогласно нашимъ мыслямъ:
Тебя мы просимъ здѣсь, у насъ, остаться,
На радость намъ, — лицомъ ближайшимъ къ трону,
Какъ нашъ любезный братъ и милый сынъ...
(* Прямо можно переходить къ фразѣ: „Отбрось же эти вздохи“.)

Королева.

Не заставляй себя просить напрасно
Меня, родную мать... Тебя прошу я:
Останься съ нами — въ Виттенбергъ не ѣзди...

Гамлетъ.

Я буду вамъ во всемъ повиноваться...
По мѣрѣ силъ...

Король.

Вотъ это — превосходный
Отвѣтъ! подобно намъ, полезнымъ будь
Для Дани!.. Пойдемте, королева!
Отвѣтъ Гамлета радуетъ намъ сердце,
И потому, пусть каждый гость заздравный,
Предложенный на пирѣ королемъ,
До облаковъ несется съ громомъ пушекъ,
А облака отгрянуть громъ земной...
(Уходятъ всѣ, кромѣ Гамлета).

Гамлетъ.

О, если-бъ это мясо, эти кости —
Здоровыя и крѣпкія — могли
Расплавиться, растаять и росую
Исчезнуть въ воздухъ... Зачѣмъ Господь
Намъ запретилъ самоубійство? Боже!
О, Боже! какъ томительно, уныло,
Какъ гадко, плоско на землѣ... Вокругъ
Поля заглохшія, гдѣ сорнымъ травамъ
Лишь мѣсто есть, — гдѣ грубый произволъ,
Какъ тернь, глушитъ хорошіе посѣвы...
Чтобъ до того дойти! Со дня кончины

Всего два мѣсяца... нѣтъ, даже меньше —
Не два, а меньше... Дивный образецъ
Правителя-монарха, — Аполлонъ —
Въ сравненіѣ съ этой гадиной... Такъ страстно
Онъ мать мою любилъ: онъ вѣтерку
Не позволялъ ея лица касаться...
Опять встають воспоминанья эти...
Зачѣмъ, зачѣмъ?

А какъ она

Его любила... съ каждымъ днемъ ея
Любовь росла, росла пышнѣй и шире...
И вдругъ — спустя лишь мѣсяць... Нѣтъ, не надо,
Не надо думать!.. О, — непостоянство —
Вотъ имя женщинъ!...
Какой-нибудь одинъ короткій мѣсяць...
Не износились башмаки, въ которыхъ
Она за прахомъ бѣднаго отца
Въ слезахъ, какъ Ніобея, шла... Зачѣмъ же,
Зачѣмъ она?.. О, Боже, — тварь безъ чувства —
И та грустила-бъ долѣе!.. Она
За дядей замужемъ!.. — за братомъ моего
Отца... Онъ такъ походитъ на него,
Какъ я на Геркулеса!.. Въ тотъ же мѣсяць!
Недавнихъ слезъ слѣды еще остались
Въ ея глазахъ — она — супруга дяди!..
Такъ радостно навстрѣчу преступленью
Самой спѣшить! Чего же ждать въ грядущемъ?
Скорби, душа, но все сноси безмолвно!..
(Входятъ Гораціо, Марцелло и Бернардо.)

Гораціо.

Имѣю честь представиться...

Гамлетъ.

Я радъ

Васъ видѣть, господа... Кого я вижу?
Гораціо!.. Ужель я ошибаюсь?..

Гораціо.

Онъ самый, принцъ, всегдашній вашъ слуга...

Гамлетъ.

Скажи: «мой добрый другъ», — и я тебѣ
Отвѣчу тѣмъ же... Для чего ты здѣсь,
Зачѣмъ оставилъ Виттенбергъ?... Марцелло?

Марцелло.

Принцъ!

Гамлетъ.

Очень радъ тебѣ! Бернардо,
Здорово! Нѣтъ, серьезно: что тебя
Заставило покинуть Виттенбергъ?

Гораціо.

Лѣнь, дорогой мой принцъ.

Гамлетъ

Я не желалъ-бы,
Чтобы и недругъ твой сказать рѣшился
Такую вещь при мнѣ, — и я тебѣ
Не вѣрю: ты клеветцешь на себя; —
Гораціо, — вѣдь ты не изъ лѣнивыхъ....
Какія у тебя дѣла быть могутъ
Здѣсь, въ Эльсинорѣ? Мы тебя научимъ
Запоемъ пить — и только.

Гораціо.

Я пріѣхалъ
На похороны вашего отца.

Гамлетъ.

Прошу, не издѣвайся надо мною,
Мой школьный другъ: я знаю, ты пріѣхалъ
На свадьбу матери моей....

Гораціо.

Да, принцъ: —
Дѣйствительно, одно вослѣдъ другому

Такъ быстро шло....

Гамлетъ.

Разсчесть, расчесть, мой другъ:

Осталось отъ похоронныхъ блюдь
Кусковъ холодныхъ много — ихъ и съѣли
На свадебномъ обѣдѣ... Я скорѣе
Готовъ бы злѣйшаго врага увидѣть
Въ раю, чѣмъ эту свадьбу пережить...
Отець!... Мнѣ кажется, отца я вижу....

Гораціо.

Гдѣ, принць?

Гамлетъ.

Въ очахъ моей души....

Гораціо.

Его

Мнѣ приходилось видѣть, это былъ
Прекраснѣйшій монархъ.

Гамлетъ.

О, человекъ

Онъ былъ во всемъ значеньѣ слова... Мнѣ
Ужъ не видать подобнаго ему.

Гораціо.

Мнѣ кажется, его я видѣлъ, ваше
Высочество, вчерашней ночью.

Гамлетъ.

Видѣлъ?

Кого?

Гораціо.

Я видѣлъ вашего отца,
Покойнаго монарха....

Гамлетъ.

Какъ? Отца

Покойнаго?...

Гораціо.

Умѣрьте изумленье

На время, принцъ, — и со вниманьемъ полнымъ
Послушайте рассказъ объ этомъ чудѣ, —
И вотъ они — свидѣтели живые....

Гамлетъ.

О, говори, скорѣе говори!

Гораціо.

Двѣ ночи кряду, стоя въ караулѣ,
Среди невозмутимой тишины,
Бернардо и Марцелль имѣли встрѣчу:
Предъ ними вдругъ является видѣнье,
Въ оружїи отъ головы до ногъ
И схожее съ покойнымъ королемъ....
Оно идетъ торжественно предъ ними,
Всего на разстоянїи жезла,
Что у него въ рукѣ... Три раза мимо
Величественно, медленно оно
Идетъ... Они, подавленные страхомъ,
И съ ужасомъ глядя на привидѣнье,
Ни слова передъ нимъ не проронили....
Таинственный рассказъ объ этомъ чудѣ
Былъ ими, наконецъ, повѣданъ мнѣ; —
На третью ночь я самъ пошелъ на стражу —
И ихъ рассказъ буквально, слово въ слово,
Былъ подтвержденъ: въ урочный часъ явилось
Видѣнїе... Я вашего отца
Знавалъ: вотъ эти двѣ руки не больше
Одна съ другою схожи....

Гамлетъ.

Гдѣ все это

Происходило?

Марцелло.

На террасѣ, принцѣ, —
Тамъ мы стояли стражей.

Гамлетъ.

Говорили
Вы съ нимъ?

Гораціо.

Я говорилъ съ нимъ, принцѣ,
Но онъ молчалъ. — Однажды, мнѣ казалось,
Что, голову поднявъ, онъ собирался.
Заговорить, — но вдругъ запѣлъ пѣтухъ, —
И онъ исчезъ при первомъ звукѣ пѣнья...

Гамлетъ.

Все это странно....

Гораціо.

Принцѣ, все это правда,
Какъ правда то, что я живу... И мы
Сочли себя обязанными вамъ
Все передать объ этомъ....

Гамлетъ.

Да... конечно...
Но это такъ меня смутило... Вы
Сегодня снова въ карауль идете?...

Всѣ.

Да, принцѣ, идемъ....

Гамлетъ.

Онъ былъ вооруженъ?

Всѣ.

Вооруженъ.

Гамлетъ.

Отъ ногъ до головы?

Всѣ.

Отъ головы до ногъ.

Гамлетъ.

Его лица

Вы, значить, не видали?...

Гораціо.

Нѣтъ, его

Мы видѣли: забрало шлема было
Приподнято.

Гамлетъ.

Что, онъ смотрѣлъ угрюмо?

Гораціо.

Его лицо скорѣе выражало
Печаль, а не суровость....

Гамлетъ.

Былъ онъ блѣдень,

Иль нѣтъ?

Гораціо.

Ужасно блѣдень.

Гамлетъ.

И все время

Смотрѣлъ на васъ?

Гораціо.

Все время.

Гамлетъ.

О, зачѣмъ

Меня тамъ не было!

Гораціо.

Видѣнье это

Васъ ужаснуло бы.

Гамлетъ.

Весьма возможно,

Весьма возможно... Долго передъ вами
Оно стояло?

Гораціо.

Медленно считая,

До сотни можно было-бъ насчитать.

Марцелло и Бернардо.

Нѣтъ, дольше, дольше.

Гораціо.

Въ этотъ разъ, при мнѣ,

Не дольше...

Гамлетъ.

Борода его какая

Была: сѣдая, или нѣтъ?

Гораціо.

Такая

Какъ и при жизни: темная, но въ ней
И сѣдина какъ соболю серебрилась....

Гамлетъ.

Сегодня я пойду на стражу съ вами, —
Быть можетъ, снова онъ придетъ...

Гораціо.

Навѣрно!

Гамлетъ.

И если снова приметъ этотъ духъ
Покойнаго отца прекрасный обликъ, —
Я съ нимъ заговорю — и цѣлый адъ,
Своей кромѣшной пастью не заставитъ
Меня умолкнуть. — Я прошу васъ всѣхъ:
Когда вы до сихъ поръ хранили тайну
Видѣнія — храните также свято
И въ будущемъ, — и, что бы ни случилось
Сегодня ночью, — думайте объ этомъ
Все, что угодно вамъ, но никому
Ни слова... Я сумѣю отплатить
За дружбу... До свиданья... Такъ смотрите...
Въ двѣнадцатомъ часу я буду тамъ.

Всѣ.

Примите уваженье...

Гамлетъ.

Нѣтъ — любовь —

Я за нее любовью вамъ отвѣчу....

(Всѣ, кромѣ Гамлета, уходятъ).

Отца вооруженный призракъ!... О, —

Зловѣщая, мучительная тайна!...

Скорѣй бы ночь, скорѣй бы ночь настала!..

Ты, сердце, тише, тише, — преступленье, —

Хоть будь оно сокрыто въ преисподней,

Когда-нибудь да выползетъ на свѣтъ!...

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Комната въ домѣ Полонія.

Входятъ Лаэртъ и Офелія.

Лаэртъ *).

На корабль багажъ мой. Ну, прощай,
Сестрица... При попутномъ вѣтеркѣ
Пиши ко мнѣ, и не лѣнись....
(* Дорожный плащъ и шляпа.)

Офелія.

Ужели

Ты сомнѣваешься?...

Лаэртъ.

Что до Гамлета,

И до его любовныхъ изліяній —
Смотри на это все, какъ на игрушку,
На мимолетную забаву, вспышку крови,
Какъ на весеннюю роскошную фіалку,
Душистую и нѣжную на мигъ,
На мигъ одинъ, — не болѣе.

Офелія.

На мигъ, —

Не болѣе?

Лаэртъ.

Офелія, повѣрь

Тому, что я скажу. Тебя, быть можетъ,
И любить онъ теперь, и никакихъ
Намѣреній и помысловъ дурныхъ
Нѣтъ у него, — но все-жъ остерегайся!
Ты помни: санъ его высокъ, онъ волей
Своей располагать не властенъ, — онъ
Рабъ своего высокаго рожденья
Не можетъ онъ, какъ каждый смертный, просто
Устраивать судьбу, — его женитьба —
Покой и благоденствіе для края.

Невѣсты выборъ отъ народной воли
Зависѣть долженъ, сообразоваться
Съ ея желаньемъ... Если будетъ онъ
Въ любви тебѣ признанья дѣлать, — вѣрь
Ему, насколько можетъ онъ исполнить,
Какъ принцъ и представитель высшей власти,
Свои обѣты, — а они въ предѣлахъ
Народной воли. Ты подумай только,
Какъ пострадаетъ честь твоя, когда
Ты склонишься довѣрчиво на клятвы,
Что онъ тебѣ нашептывать начнетъ....
Ты сердце разобьешь себѣ, утратишь
Ты чистоту свою, его порывамъ
Отдавшись необузданнымъ... Сестра,
Офелія!... Остерегайся, другъ мой!
Подалѣе отъ этой страсти!... помни,
Что страхъ — вотъ лучшая твоя защита,
Что наша молодость сама себѣ
Опаснѣйшимъ врагомъ бываетъ часто.

Офелія.

Твои совѣты добрые, Лаэртъ,
Моей души хранителями будутъ....
(Полоній входитъ.)

Полоній.

Ты здѣсь еще, Лаэртъ? Стыдись, стыдись!
На палубу, на палубу скорѣй,
Ужъ раздуваетъ вѣтеръ паруса,
Готово все!... Да будетъ надъ тобой
Мое благословенье. (*Кладетъ руку на голову сына.*)

Запиши

Ты въ памяти своей мои совѣты....
О томъ, что думаешь, ни слова никому
Не говори; — но все, что хочешь сдѣлать,
Взвѣсь и обдумай прежде хорошенько.
Со всѣми ласковъ и любезень будь;
Испытаннаго друга тѣсной дружбой
Ты можешь смѣло приковать къ себѣ;
Но всякой встрѣчной и случайной дружбѣ
Не слѣдуетъ протягивать объятія.
Ссоръ избѣгать старайся сколь возможно, —
Но разъ вступивши въ споръ, — держися твердо: —

Пусть знает твой противникъ, съ кѣмъ ему
Пришлось поссориться... Всѣхъ слушать можешь,
Но говори съ немногими; совѣты
Отъ всѣхъ бери — самъ не давай. Старайся
Рядиться, — сколько позволяютъ средства,
Но безъ претензій — пусть костюмъ твой будетъ
Скорѣй богатъ, чѣмъ пестръ... По платью часто
Въ иныхъ странахъ встрѣчаютъ человѣка;
Во Франціи всѣ высшія сословья
Глубоко понимаютъ толкъ въ нарядахъ.
Долговъ не дѣлай, не давай займы, —
Ты съ деньгами и друга потеряешь.
Заемъ собьеть расчетъ въ твоёмъ хозяйствѣ.
И главное: будь вѣренъ самъ себѣ.
А будешь вѣренъ, — слѣдствіе отсюда
Прямое выйдетъ, — ясное, какъ то,
Что день идетъ за ночью, — передъ всѣми
Ты будешь правъ всегда!.. Прощай, мой другъ.
Да укрѣпитъ мое благословеніе
Совѣты эти...

Лаэртъ.

Я отъ всей души
За нихъ благодарю васъ... До свиданья.

Полоній.

Ну, время, время! Торопись, мой другъ,
Тебя ждутъ слуги!

Лаэртъ.

Ну, прощай, сестрица:
Не забудь, что я сказалъ тебѣ....

Офелія.

Твои слова въ моемъ замкнуты сердцѣ, —
Отъ сердца ключъ увозишь ты съ собой.

Лаэртъ.

Прощайте!

(Уходитъ.)

Полоній.

Что такое
Онъ говорилъ, Офелія, тебѣ?

Офелія.

О принцѣ разговоръ.

Полоній.

А! кстати! Мнѣ
Передавали, будто онъ нерѣдко
Свободные часы съ тобою вмѣстѣ
Проводитъ, будто на свиданья эти
Ты очень и щедра и благосклонна....
Ну, если это правда (мнѣ сказали,
Чтобы предостеречь меня, не больше),
То я тебѣ замѣтитъ принуждень,
Что ты не понимаешь, какъ держаться
Прилично дочери моей, и каждой
Порядочной дѣвицѣ... Говори
Всю правду: что такое между вами?

Офелія.

Онъ мнѣ въ любви признанье сдѣлалъ.—

Полоній.

Вотъ что!
Признаніе! А ты дѣвченкой глупой
И уши распустила на его
Признанье?..

Офелія.

Я теперь не знаю, право,
Что думать мнѣ.

Полоній.

Такъ я тебѣ скажу,
Что надо думать: ты, грудной младенецъ,
Его слова за чистую монету

Берешь? Повѣрь, что это не червонцы!
Признание!.. Одно ты признавать
Должна въ себѣ: достоинство свое, —
Не то... (вотъ слово-то пришлось кстати!)
Не то, — меня признають дуракомъ...

Офелія.

Но онъ такъ скромно, такъ прилично мнѣ
Свою любовь высказывалъ.

Полоній.

Да, знаемъ
Мы эту скромность... Дальше!

Офелія.

Онъ, вѣдь, клятвой,
Онъ клятвой подтверждалъ свои слова!...

Полоній.

Силки для перепелокъ!.. Знаю я,
Когда ключемъ кипить и бьется кровь,
На клятвы расточителенъ языкъ...
Все это — вспышки, дочь моя, — онъ,
Повѣрь, хоть ярко свѣтятъ, да не грѣютъ,
И гаснутъ въ самый мигъ возникновенья...
Будь съ этихъ поръ скупѣе на свиданья,
Цѣни себя дороже просьбъ его...
Еще онъ молодъ, — привязь, на которой
Гуляетъ онъ, куда твоей длиннѣе...
Все сводится, Офелія, къ тому, —
Чтобъ ты не уступала клятвамъ принца:
Ихъ цѣль — обманъ. — И вотъ въ концѣ концовъ
Тебѣ мое рѣшенье: не желаю
Я вашихъ встрѣчъ съ Гамлетомъ; и минуты
Съ нимъ потерять на разговоръ не смѣй!..
Я такъ хочу!.. Ты слышала? Довольно —
Иди!..

Офелія.

Я повинуюсь вамъ. (Уходятъ.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Терраса.

*Входятъ Гамлетъ, Гораціо и Марцелло *).*

{*} До ихъ выхода на башнѣ бьетъ полночь. За сценой вѣтеръ.}

Гамлетъ.

А воздухъ щиплется... Ужасный холодъ.

Гораціо.

Да, рѣзкій вѣтеръ...

Гамлетъ.

А который часъ

Теперь?

Гораціо.

Двѣнадцатый въ исходѣ...

Марцелло.

Ужъ полночь било.

Гораціо.

Да? А я не слышалъ...

Такъ, значитъ, близокъ часъ явленья духа?

(За сценой трубы и пушечный выстрѣлъ.)

Что это, принцъ?

Гамлетъ.

Король не спитъ:

Сегодня — ночь неистовой попойки...

Едва онъ отхлебнетъ глотокъ рейнвейна

Какъ новый громъ изъ пушекъ и литавръ

Его триумфъ надъ кубкомъ возвѣщаетъ.

Гораціо.

Таковъ обычай?

Гамлетъ.

Чортъ возьми, обычай!

Хоть я датчанинъ, — но скажу открыто:
Его забыть честнѣе, чѣмъ хранить...
Пирушки эти намъ худую славу
Доставили повсюду: въ самомъ дѣлѣ,
Вѣдь эти кутежи пятнають страшно
Всѣ подвиги, всѣ доблести датчанъ...
(*Является Духъ.*)

Гораціо.

Вотъ онъ, смотрите, принцъ!..

Гамлетъ.

О, силы неба, защитите насъ!
Ты — чистый духъ, или проклятый демонъ,
Явился-ль ты посломъ зловѣщимъ ада
Иль вѣстникомъ небесъ, но въ образъ чудный
Облекся ты; — тебя я называю
Отцомъ, — Гамлетомъ, Даніи владыкой...
О, отвѣчай, — въ мучительномъ сомнѣнѣ
Не оставляй меня... Скажи, зачѣмъ
Твой прахъ святой, опущенный въ могилу,
Покровы гробовые разорвалъ?..
Зачѣмъ ты снова, трупъ оледенѣлый,
Закованный въ доспѣхи боевые,
Стоишь въ лучахъ мерцающей луны, —
Ты ужасами эту ночь наполнилъ,
И мы, глупцы, трепещемъ и не знаемъ,
Что думать... Отвѣчай — зачѣмъ? Къ чему,
Что дѣлать намъ?

Гораціо.

Онъ васъ зоветъ къ себѣ,
Зоветъ идти за нимъ, онъ хочетъ съ вами
Наединѣ бесѣдовать...

Марцелло.

Смотрите,
Какъ ласково зоветъ онъ васъ съ собою, —

Но не ходите, принцъ...

Гораціо.

Нѣтъ, не ходите!

Гамлетъ.

Онъ здѣсь не хочетъ говорить, — за нимъ я
Пойду...

Гораціо.

Принцъ, не ходите, — умоляю...

Гамлетъ.

Чего бояться мнѣ? — за жизнь мою?..
Мнѣ эта жизнь противна и ничтожна, —
А что моей душѣ онъ сдѣлать можетъ,
Когда она безсмертна, какъ онъ самъ!..
Меня онъ вновь зоветъ — и я иду...

Гораціо.

Но если онъ заманитъ васъ на море,
На ту вершину дикую скалы... *).

{*} На основаніи этихъ словъ Гораціо, многіе полагаютъ, что духъ
завелъ принца именно на скалу. Но Шекспиръ точно опредѣляетъ
послѣдующее мѣсто дѣйствія: A more remote part of the Platform.}

Гамлетъ.

Онъ все зоветъ? Ступай! Я за тобою. —

Марцелло.

Вы не пойдете, принцъ...

Гамлетъ.

Прочь руки, прочь...

Гораціо.

Послушайтесь, останьтесь!

Гамлетъ.

Нѣтъ и нѣтъ!

Я слышу зовъ судьбы моей! Я мощень,
Я львиной силы полонъ... Онъ манить...
Прочь руки!.. прочь!.. Клянусь, я превращу
Васъ тоже въ призраковъ... Дорогу мнѣ, дорогу!
Иди... я слѣдую... (*Уходитъ*)

Гораціо.

Идемъ за нимъ!

Бернардо.

Идемъ! (*Уходятъ.*)

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Болѣе отдаленное мѣсто террасы *).

{*} Желательно, ради экономіи времени, чистая перемѣна, или хотя-бы *облачная занавѣсь.*}

Входятъ Духъ и Гамлетъ.

Гамлетъ.

Куда ведешь меня?.. Отвѣтъ — я дальше
Нейду...

Духъ.

Внимай!

Гамлетъ.

Я слушаю...

Духъ.

Ужъ близокъ

Тотъ часъ, когда я долженъ возвратиться
Въ мучительный и сѣрный пламень ада...

Гамлетъ.

О, бѣдный духъ!

Духъ.

Не нужно сожалѣній, —
Внимай тому, что я скажу тебѣ...

Гамлетъ.

О, говори!.. Тебя я долженъ слушать...

Духъ.

И долженъ отомстить, услышавъ...

Гамлетъ.

Какъ?

Духъ.

Я — твоего отца несчастный духъ, —
Я осужденъ блуждать ночной порою,
А днемъ томиться въ пламенномъ жерлѣ,
Пока грѣхи мои перегорятъ,
И тѣмъ очистятъ душу... Если-бъ тайны
Моей тюрьмы я могъ тебѣ повѣдать,
Твоя душа отъ одного бы слова,
Разорвалась, застыла-бъ въ жилахъ кровь,
Но нѣтъ: картины этихъ вѣчныхъ тайнъ
Не для земного слуха... Но внимай,
Внимай, Гамлетъ, внимай!.. И если ты
Когда-нибудь любилъ отца...

Гамлетъ.

О, Боже!

Духъ.

Отмсти убійство подлое.

Гамлетъ.

Убійство?

Духъ.

Гнуснѣйшее! О, каждое убійство,
Конечно, гнусно... но убійство это
Неслыханно, чудовищно, ужасно!

Гамлетъ.

Скорѣ говори, — быстрѣ мысли,
Быстрѣ помысловъ любви безумной,
Я къ мести полечу.

Духъ.

Да, ты отмстишь!..
Внимай, Гамлетъ!.. Коварный слухъ распущень,
Что я во время сна, въ саду плодовомъ
Змѣею былъ ужалень; слухомъ этимъ
Вся Данія обманута была...
Знай, благородный мой Гамлетъ, змѣя,
На смерть меня ужалившая, — нынѣ
Въ моемъ вѣнцѣ надъ Даніей царить.

Гамлетъ.

Мое пророческое сердце! — дядя?

Духъ.

Онъ чарами ума и дарованій
(Проклятіе уму и дарованьямъ
Рожденнымъ для соблазна!) онъ привлекъ
Къ позорному желанью своему,
Кровосмѣситель гнусный, — королеву!..
Она такой всегда казалась чистой!..
Гамлетъ, Гамлетъ, — какое это было
Паденіе!.. Моя любовь была
Такъ искренна, такъ свято-неразлучна
Съ обѣтомъ, даннымъ мной предъ алтаремъ...
Унизиться до этого злодѣя,
Столь бѣднаго природными дарами
Въ сравненіи со мною!..
Но вѣтерокъ пахнулъ... Разсвѣтъ сильнѣе...
Я принужденъ свою окончить повѣсть...
Я спалъ въ саду, и пользуясь затишьемъ,

Твой дядя, къ сонному съ отравой адской
Подкравшись, влилъ отраву эту въ ухо. —
Во мнѣ свернулась кровь, корою струпьевъ
Покрылся я, какъ язвой пораженный,
И разомъ, въ мигъ одинъ, рукою брата
Я былъ лишень и жизни, и вѣнца,
И королевы... Смерть меня скосила
Въ цвѣту грѣховъ, я не готовъ былъ къ ней,
Не причащень, не освящень елеемъ,
Я, не сведя свои земные счеты,
Къ небесному отчету призванъ былъ...
Со всѣми прегрѣшеньями моими...

Гамлетъ.

О, ужась! ужась! ужась!

Духъ.

Когда въ тебѣ хоть капля чувства есть,
Ты не потерпишь, чтобъ кровосмѣшенье
Подъ царскою порфиною гнѣздилось...
Но, начиная мстить, — своей души
Не погуби напраснымъ преступленьемъ:
Не трогай мать, — повѣрь, ее накажетъ
И Богъ и совѣсть...
Востокъ горитъ, — прощай, Гамлетъ, прощай
И помни обо мнѣ!

(Исчезаетъ.)

Гамлетъ.

О, силы неба и земли!.. Ну, что-же?
Ужь за одно взывать и къ безднѣ адской!
О, тише, сердце, тише...
Вы, нервы, не слабѣйте, поддержите
Меня теперь... Мнѣ помнить о тебѣ? —
Пока есть въ черепѣ моемъ сознанье, —
Тебя, несчастный духъ, я не забуду!..
Мнѣ помнить о тебѣ?.. Да, я сотру,
Я сглажу все въ моемъ воспоминаньѣ,
Всѣ юности завѣтныя мечты,
Весь книжный вздоръ учености моей,
И только твой завѣтъ въ мозгу моемъ,
Лишь онъ одинъ царить всевластно будетъ, —

Я въ этомъ здѣсь свидѣтельствуюсь Богомъ!
О, женское коварство!.. О, злодѣй,
Злодѣй съ улыбкой на устахъ проклятыхъ...
Гдѣ записная книжка? Запишу
Что иногда возможно улыбаться,
Да! улыбаться — и злодѣемъ быть...
По крайней мѣрѣ, въ Даніи, у насъ
Возможно... Ну, теперь, мой милый дядя,
Ты здѣсь... Еще его слова замѣчу:
«Прощай, прощай и помни обо мнѣ»!
Я въ этомъ ужь поклялся...

Гораціо (*за сценой*),

Гдѣ вы, принцъ?

Марцелло (*за сценой*).

Принцъ, принцъ Гамлетъ.

Гораціо.

Да защититъ васъ Богъ!

Гамлетъ.

Аминь!

Марцелло.

Да гдѣ-жъ вы, принцъ!

Гамлетъ.

Сюда,

Сюда, мой соколъ милый!

(**Гораціо и Марцелло** *входятъ*)

Марцелло.

Что же, ваше

Высочество?..

Гораціо.

Что съ вами было, принцъ?

Гамлетъ.

О, чудеса!

Гораціо.

Да? расскажите, принцъ.

Гамлетъ.

Вы разболтаете!

Гораціо.

О, нѣтъ, клянусь вамъ.

Марцелло.

Я я клянусь вамъ въ томъ-же...

Гамлетъ.

Ну, такъ знайте:—

И кто-бы могъ подумать!.. Но вѣдь вы
Все это въ тайнѣ будете держать?..
Не правда-ли?

Гораціо и Марцелло.

Клянемся Богомъ, принцъ...

Гамлетъ.

Нѣтъ въ Даніи презрѣннаго холопа,
Который не былъ бы мерзавцемъ подлымъ..

Гораціо.

Для новостей такихъ серьезныхъ, принцъ,
Не стоитъ мертвецамъ вставать изъ гроба.

Гамлетъ.

Пожалуй, что и такъ... Да, да — вы правы!
И потому, чтобъ разговоръ покончить,

Дадимъ другъ другу руки и простимся...
Вы отправляйтесь по своимъ дѣламъ, —
У всѣхъ свои влеченья и дѣла...
А бѣдный принцъ теперь пойдетъ молиться..

Гораціо.

Но это все безсвязныя слова...

Гамлетъ.

Мнѣ очень жаль, что вы за оскорбленье
Ихъ приняли... Мнѣ очень жаль...

Гораціо.

Тутъ нѣтъ

И тѣни оскорбленія.

Гамлетъ.

О, есть!

И оскорбленье страшное, мой другъ!...
А эта тѣнь, — повѣрьте, это честный,
Правдивый духъ, достойный уваженья....
Ну, а желанье ваше разузнать,
Что было между нами, — подавляйте
По мѣрѣ силъ... Теперь, мои друзья,
(Вѣдь вы друзья, — не правда ли?) — теперь,
Вы, какъ мои товарищи по школѣ,
Какъ рыцари — исполните мое
Ничтожное желаніе.

Гораціо.

Какое?

Скажите, принцъ, мы выполнимъ его. .

Гамлетъ.

Ни слова никому и никогда
О томъ, что видѣли сегодня ночью.

Гораціо и Марцелло.

Мы будемъ нѣмы, принцъ.

Гамлетъ.

Нѣтъ, поклянитесь!

Гораціо.

Клянусь вамъ честію моею. —

Марцелло.

Я тоже:

Клянусь вамъ честью, принцъ.

Гамлетъ.

Моимъ мечемъ

Клянитесь...

Марцелло.

Мы ужъ дали клятву, принцъ.

Гамлетъ.

Нѣтъ, на мечъ моемъ!..

Духъ (подъ землею).

Клянитесь!

Гамлетъ.

А!

Ты требуешь того же, мой пріятель!

Вы слышите его: онъ здѣсь въ подвалѣ...

Ну, что-жь — клянитесь...

Гораціо.

Говорите клятву.

Гамлетъ.

Клянитесь — никому не говорить

О томъ, что здѣсь вы видѣли.

Духъ.

Клянитесь!

Гамлетъ.

Nic et ubique! Перемѣнимъ мѣсто!
Здѣсь, господа... Кладите ваши руки
Опять на этотъ мечъ... Клянитесь вновь
Не говорить о слышанномъ ни слова...
Давайте клятву на моемъ мечѣ!

Духъ.

Давайте клятву на его мечѣ!

Гамлетъ.

Такъ, старый кротъ! Ты роешься отлично, —
Ты — землекопъ чудесный! Ну, еще разъ...
Сюда, друзья мои, сюда...

Гораціо.

Все это
И странно такъ, и ново для меня...

Гамлетъ.

Гораціо, повѣрь: есть въ мірѣ много
Чудесъ такихъ, которыхъ и во снѣ
Философы земные не увидятъ!
Ну, перейдемте. Здѣсь, друзья мои,
Вы повторите клятву, — и Господь
Поможетъ вамъ сдержать ее... Клянитесь,
Что если вы замѣтите меня
Разстроеннымъ и страннымъ, (я, быть можетъ,
Впослѣдствіи прикинусь сумасшедшимъ)
То разводить не станете руками,
Вотъ такъ, и головой качать вотъ этакъ,
И говорить таинственныя фразы:
— «Ну, да — мы знаемъ»... «Если-бъ только мы
Хотѣли — то могли бы», — «О, когда бы
Мы смѣли говорить»... «Да, люди есть,

Которые кой-что, быть может, знают...»
Или инымъ двусмысленнымъ намекомъ
Давать понять, что про меня извѣстно
Вамъ что-нибудь... Вотъ въ этомъ и клянитесь!..
Клянитесь милосердемъ Провидѣнья
И помощью его въ предсмертный часъ...

Духъ.

Клянитесь!

Гамлетъ.

Успокойся, успокойся,
Мой бѣдный духъ... Итакъ, друзья, —
Теперь я вашъ всѣмъ сердцемъ и душою,
И всѣмъ, чѣмъ можетъ доказать любовь
Такой бѣднякъ, какъ я, — онъ вамъ докажетъ..
Теперь домой... Ни слова, ради Бога...
Разстроены миръ, все спуталось — хаосъ
Объялъ вселенную... Проклятье, о, проклятье
Судьбѣ, затѣмъ меня призвавшей къ жизни,
Чтобъ это все исправить и связать...
Ну, что-жь, друзья, — идемъ! —
(Уходятъ.)

Актъ второй.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната въ домѣ Полонія *). Полоній и Рейнальдо.

{*) Можно соединить первую сцену со второй, начавъ ее съ выхода Офеліи.}

Полоній.

Ты передашь ему вотъ эти деньги
И письма...

Рейнальдо.

Слушаю-сь. —

Полоній.

Ты очень хорошо
Поступишь, добрый мой Рейнальдо, если

До встрѣчи съ нимъ развѣдаешь, какъ онъ
Ведеть себя...

Рейнальдо.

Я такъ и думаль.

Полоній.

Да,
Да, пожалуйста... Ты разузнай сперва,
Кто изъ датчанъ живетъ теперь въ Парижѣ,
И кто, и какъ, и на какія средства,
И гдѣ проводятъ время, съ кѣмъ, и сколько
Кто тратить денегъ. Разузнавъ обходомъ,
Случайными разспросами, что знаютъ
Они Лаэрта, — подойди поближе,
Вдавайся въ частности, — ну, намекни,
На нѣкоторое знакомство, — напримѣръ,
Скажи: «его отца, друзей я знаю,
Да и его отчасти»... Понимаешь?

Рейнальдо.

Да-съ, понимаю.

Полоній.

«И его отчасти, —
«Но (можешь ты прибавить) очень мало,
«И если это тотъ — онъ очень вѣтренъ,
«Онъ преданъ вотъ тому-то и тому-то»...
И тутъ ты что-нибудь соври, — но только
Не что-нибудь позорное, такое
Чтобы безчестило его, — о, нѣтъ!
Такъ что-нибудь, обычные грѣшки,
Интрижки, что-ли, вѣтренность — все то,
Съ кѣмъ юность неразлучна.

Рейнальдо.

Иль игра
Азартная?...

Полоній.

Да! — Ну — дуэль, попойка,
Ругательство, пожалуй, волокитство, —
Все это можно....

Рейнальдо.

Но, быть может, это
Его и обезчестить?...

Полоній.

О, нисколько!

Все это въ слабой степени ты можешь
Представить, не трубить на перекресткахъ,
Что онъ — распутникъ, — я тебѣ не это
Хочу сказать; ты долженъ ловко такъ
Его ошибки выставить, какъ будто
Онъ — лишь пятна на его свободѣ....

Рейнальдо.

Но...

Полоній.

Зачѣмъ тебѣ все это дѣлать?

Рейнальдо.

Да,

Хотѣлось-бы мнѣ это знать.

Полоній.

А вотъ

Какая мысль моя, — уловка эта
Мнѣ кажется практичной. На Лаэрта
Ты легкую набросишь тѣнь, какъ будто
Немного онъ запятнень: понимаешь?
Твой собесѣдникъ (у кого ты хочешь
Все вывѣдать) онъ — если замѣчалъ
Грѣшки въ томъ юношѣ, который служить
Предметомъ разговора, онъ, повѣрь,
Рѣчь заключить подобнымъ заключеньемъ:
«Да, сударь мой», — или «почтенный другъ мой»,
Или «любезнѣйшій» — ну, словомъ, такъ,
Какъ говорить привыкъ онъ, какъ у нихъ
Въ странѣ ведется....

Рейнальдо.

Хорошо-сь.

Полоній.

Да.... Ну, такъ
Онъ вотъ что сдѣлаеть... Онъ... что хотѣлъ я?
Сказать? Вѣдь что-то я хотѣлъ сказать....
На чемъ остановился я?

Рейнальдо.

На томъ,
Какъ рѣчь онъ «заключеньемъ заключить».

Полоній.

Какъ «заключеньемъ заключить»? Ахъ, да!
Онъ заключить съ тобою такъ: «да, знаю,—
«Я съ этимъ молодцомъ знакомъ. Его
«Вчера я видѣлъ, или, тамъ, на дняхъ,
«Или тогда-то и тогда-то, съ тѣмъ-то
«И тѣмъ-то... Это правда: онъ какъ разъ
«Игралъ тогда въ азартную игру,
«Иль пьянствовалъ, иль ссорился съ друзьями,
«Иль заходилъ куда, иль въ этомъ родѣ
Тамъ что-нибудь... Ну, видишь ты теперъ —
Твоя приманка лжи тебѣ поймаетъ
Добычу истины?... Мы осторожно,
Какъ умные, практическіе люди,
Путемъ окольнымъ истину отыщемъ,
И ты, моимъ совѣтамъ и урокамъ
Благодаря, узнаешь о Лаэртѣ
Все, что намъ нужно... Понялъ ты? Все понялъ?

Рейнальдо.

Все понялъ.

Полоній.

Ну, храни тебя Господь,—
Прощай...

Рейнальдо.

Я, сударь....

Полоній.

Да и самъ за нимъ

Присматривай, — что онъ и какъ...

Рейнальдо.

Замѣчу...

Полоній.

Пусть самъ свою онъ музыку покажетъ...

Рейнальдо.

Исполню все....

Полоній.

Ну, будь здоровъ, мой другъ. —
(Входитъ **Офелія**, **Рейнальдо** уходитъ).
Что ты, Офелія? что, что случилось?

Офелія.

Ахъ, мой отецъ, — я такъ перепугалась.....

Полоній.

Что ты, Господь съ тобой!

Офелія.

Я у себя

Сидѣла въ комнатѣ и шила... Вдругъ
Вошелъ Гамлетъ... Камзолъ его разстегнуть,
Безъ шляпы самъ, чулки его спустились
До щиколокъ, подвязокъ нѣтъ, — онъ блѣденъ
Какъ полотно, колѣни другъ о друга
Стучать, — такъ жалобно, печально смотреть, —
Сталь предо-мною....

Полоній.

Отъ любви къ тебѣ
Онъ помѣшался?

Офелія.

Я не знаю, право, —
Боюсь, что такъ.

Полоній.

Ну, что-жь онъ говорилъ?

Офелія.

Онъ взялъ мнѣ руку, крѣпко-крѣпко стиснулъ,
Потомъ на всю длину своей руки
Онъ отступилъ, держа другую руку
Такъ, надъ глазами, и лицо мнѣ началъ
Разсматривать, какъ будто собирался
Писать портретъ съ меня... И долго-долго
Онъ такъ стоялъ, — потомъ, пожавъ мнѣ руку,
И головою трижды покачавъ,
Вздохнулъ такъ жалостно и такъ глубоко,
Что мнѣ казалось, этотъ вздохъ разрушитъ
Все существо его, — послѣднимъ будетъ,
Предсмертнымъ вздохомъ... Отпустивъ меня,
Онъ обернулся, сталъ черезъ плечо
Смотрѣть, дошелъ до двери, вышелъ, — все
Не глядя подъ ноги, — но не спуская
Лучистый взоръ съ меня...

Полоній.

Пойдемъ со мной!

Я къ королю иду, — да, это бредъ
Любви! Ея порывы ей самой
Смертельны, — и они приводятъ волю
Къ отчаяннымъ поступкамъ, — на землѣ
Любовь — ужаснѣйшая страсть... Да, очень
Его мнѣ жаль... Не говорила-ль ты
Съ нимъ слишкомъ рѣзко эти дни?...

Офелія.

О, нѣтъ,

Я вашу волю только исполняла:
Не принимала писемъ, и его
Къ себѣ не допускала...

Полоній.

Ну, вотъ это

Его съ ума, конечно, и свело.
Жаль, очень жаль, что я не наблюдалъ
За нимъ серьезнѣе: я все боялся,
Что шутить онъ, что онъ тебя намѣрень
Лишь погубить... О, это подозрѣнье
Проклятое! У стариковъ, ей Богу,
Заходитъ умъ за разумъ, — это такъ же
Намъ свойственно, какъ людямъ молодымъ —
Отсутствіе разсудка... Ну, пойдёмъ,
Однако, къ королю... Необходимо
Все сообщить, — все о любви сказать, —
Скрывать гораздо хуже...

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната въ замкѣ.

Король, Королева, Розенкранцъ, Гильденстернь, придворные.

Король.

Добро пожаловать, любезный Розенкранцъ
И Гильденстернь... Мы такъ желали васъ
Скорѣ видѣть: дѣло очень важно, —
А потому мы васъ сюда поспѣшно
И вызвали. Вы слышали, конечно,
О превращеньи съ принцемъ, — мы иначе
Какъ превращеньемъ и назвать не можемъ
Случившееся съ нимъ... Мы просимъ васъ, —
(Гамлету вы товарищами были,
И въ раннемъ дѣтствѣ, и потомъ, когда
Онъ юношею былъ, вамъ такъ извѣстенъ
Его характеръ), — просимъ здѣсь остаться
На время, при дворѣ — вы, можетъ быть,
Заставите его опять вернуться
Къ веселію; при случаѣ, быть можетъ,
Узнаете, что такъ его смущаетъ;
Быть можетъ, мы, узнавъ болѣзни тайну
Невѣдомую, вылѣчимъ его...

Королева.

Да, господа, онъ много говорилъ
Про васъ, и я увѣрена, что нѣтъ
На свѣтѣ никого, къ кому бы больше
Онъ былъ привязанъ. Если вы настолько
Добры и благородны, что на время
Останетесь при немъ, надежду нашу
Поддержите, — получите отъ насъ
Награду королевскую.

Розенкранцъ.

О, ваше
Величество, своей монаршей властью,
Вы волю августѣйшую свою
Скорѣй приказомъ выразить могли-бы
Чѣмъ просьбою.

Гильденстернь.

Повиноваться мы
Во всемъ готовы, сколько хватить силъ;
Мы приказанья ждемъ...

Король.

Благодаримъ
Васъ, Розенкранцъ и добрый Гильденстернь.

Королева.

Да, Гильденстернь и добрый Розенкранцъ,
Благодаримъ васъ... Я бы попросила
Васъ тотчасъ къ бѣдному пойти Гамлету...
Какъ онъ перемѣнился!.. Кто-нибудь!..
Къ его высочеству сведите этихъ
Господъ.

Гильденстернь.

Пусть нашъ прїѣздъ Всевышній
Благословитъ, и сдѣлаетъ его
Прїятнымъ и полезнымъ...

Розенкранцъ, Гильденстернь и нѣкоторые придворные уходятъ.

Входитъ Полоній.

Полоній.

Мой государь, съ пріятными вѣстями
Вернулись изъ Норвегіи послы.

Король.

Ты былъ всегда посломъ вѣстей пріятныхъ.

Полоній.

Да, государь, — могу сказать я смѣло,
Что соблюдаю долгъ свой такъ же свято,
Какъ собственную душу: я и Богу,
И королю — равно служу. И если
Мой мозгъ не потерялъ еще способность
Соображать, то я нашель, быть можетъ,
Причину помѣшательства Гамлета.

Король.

О, расскажи скорѣй, я жажду знать...

Полоній.

Сперва аудіенцію посламъ
Вамъ должно дать... И мой рассказъ вамъ будетъ
Десертомъ послѣ пышнаго обѣда.

Король.

Ты самъ имъ сдѣлай честь, — введи сюда.

(Полоній уходитъ.)

Онъ говоритъ, что найдена причина
Безумья сына нашего, мой другъ...

Королева.

Я сомнѣваюсь, чтобъ была иная
Причина, кромѣ смерти короля, —
Да, нашъ поспѣшный бракъ...

Король.

А вотъ узнаемъ. —

(Входятъ Полоній, Вольтимандъ и Корнеліусъ.)

Добро пожаловать, мои друзья.
Ну, Вольтимандъ, какой намъ посылаетъ
Отвѣтъ Норвежець?

Вольтимандъ.

Онъ на вашъ привѣтъ
Вамъ шлетъ привѣтъ и пожеланья дружбы
Тотчасъ-же по приѣздѣ нашемъ, онъ
Остановилъ наборы Фортинбраса.
Ему казалось, будто противъ Польши
Идутъ приготовленья. Убѣдившись,
Что противъ васъ задуманы походы,
Онъ, возмущенный тѣмъ, что такъ сумѣли
Воспользоваться старостью, болѣзнью,
Безсиліемъ его, — арестовалъ
Племянника; онъ долженъ былъ отъ дяди
Нравоученье выслушать и клятву
Дать въ томъ, что никогда не будетъ болѣ
На Данію оружья поднимать.
Старикъ-король обрадовался очень
Такому обороту дѣлъ, назначилъ
Три тысячи дукатовъ годового
Ему дохода, а солдатъ, которыхъ
Собралъ онъ, приказалъ вести походомъ
Противу Польши, — здѣсь въ бумагахъ этихъ
(Подаетъ свитокъ.)

Онъ проситъ вашего благоволенья, —
Перевести чрезъ Данію войска,
На тѣхъ условіяхъ вознагражденья
И гарантіи, о которыхъ здѣсь
Изложено...

Король.

Исходъ благопріятный!

Мы во время прочтемъ его посланье,
Отвѣтимъ и подумаемъ о дѣлѣ.
Пока мы очень васъ благодаримъ
За ваше, столь удачное, посольство, —
Подите, отдохните: нынче ночью

Мы вмѣстѣ попируемъ... Очень рады,
Мы снова видѣть васъ въ владѣнняхъ нашихъ
(Вольгимандъ и Корнелиусъ уходятъ.)

Полоній.

Ну-съ, это дѣло кончено. Теперь, —
Король и королева! Объяснятъ
Чѣмъ власть монарха быть должна, что — долгъ, —
Что день — есть день, ночь — ночь, и время — время, —
Вѣдь это убивать и ночь, и день,
И время. Краткость есть душа ума,
Растянutosть — лишь внѣшнія прикрасы.
Я буду кратокъ. Благородный сынъ вашъ
Помѣшанъ. Говорю «помѣшанъ», ибо
Что помѣшательство такое, если
Не помѣшательство?... Но это мы
Оставимъ...

Королева.

Да, — нельзя-ли безъ прикрасъ,
Скорѣе къ дѣлу...

Полоній.

Я готовъ поклясться,
Что отъ прикрасъ далекъ въ своемъ разказѣ...
Что онъ помѣшанъ — это правда; правда
И то, что это жалко, — да, и жалко,
Что это правда... Глупый оборотъ!
Но Богъ съ нимъ; эти всѣ прикрасы я
Отброшу въ сторону... Положимъ, принцъ
Ума лишился... Что-жъ намъ остается, —
Намъ остается отыскать причину
Присутствія подобной вещи въ принцѣ, —
Или вѣрнѣй — отсутствія... Вѣдь это
Отсутствіе присутствія имѣетъ
Причину несомнѣнно... Что же намъ
Теперь осталось? Вотъ извольте видѣть:
Я дочь имѣю, — я имѣю дочь,
Пока она при мнѣ. И вотъ она,
По долгу дочери и послушанью,
Передала, замѣтьте, — вотъ что... Ну-съ,
Теперь внимайте и судите...

(Читаетъ) «Небесной, божеству души моей, наивосхитительнѣйшей Офеліи». Скверное выраженіе, неудачное выраженіе! «Наивосхитительнѣйшей» — неудачное выраженіе! Но дальше послушайте: «На чудную, нѣжную грудь, на эти... Ну, и прочее»...

Королева.

И это ей писалъ Гамлетъ?

Полоній.

Позвольте

Немного, королева, — объяснится
Все очень скоро *(Читаетъ)*
«Не вѣрь тому, что звѣзды изъ огня,
«Не вѣрь, что солнце по небу идетъ,
«Не вѣрь, что истина всечасно лжетъ,
«Но вѣрь тому, что я люблю тебя!

«Дорогая Офелія, — меня такъ затрудняютъ «эти стихи: не слагаются въ нихъ мои вздохи, — но что я люблю тебя больше всего, дорогая моя, — повѣрь мнѣ! Прощай. Твой навсегда, моя радость, пока бьется сердце. — «Гамлетъ».

Изъ послушанья дочь моя мнѣ это
Письмо вручила. Болѣе того:
Она передала мнѣ всѣ его
Признанія, которыя онъ дѣлалъ, —
Когда, и какъ, и гдѣ...

Король.

Но какъ она
Ихъ приняла?

Полоній.

А за кого меня
Вы принимаете?

Король.

За честнаго, —
И вѣрнаго слугу.

Полоній.

Такимъ на дѣлѣ,
Всегда я быть хочу. Но что бы вы

Подумали, когда, замѣтивъ этотъ
Полець любви горячей и безумной,
(Ее замѣтилъ, надо вамъ сказать,
Я прежде, чѣмъ мнѣ дочь о ней сказала)
Что-бъ вы могли, иль вотъ супруга ваша,
Ея величество, могли подумать,
Когда бы я сыгралъ лишь роль конторки
Иль папки для записокъ, самъ себѣ
Подмигивалъ, не говорилъ ни слова,
Или смотрѣлъ сквозь пальцы? Что бы вы
Подумали? Нѣтъ, — я взялся за дѣло!
Красавицѣ своей я объявилъ:
«Принцъ — это принцъ, — онъ не изъ нашей сферы!
«Не нужно этого!» И наставленье
Ей далъ: отнюдь не допускать къ себѣ, —
Его, его пословъ, его подарковъ.
Я такъ сказалъ, — совѣтъ мой плодотворный
Она исполнила, — и принцъ Гамлетъ,
Отверженный (я сокращаю повѣсть
Мою), впалъ въ грусть; потомъ утратилъ онъ
Свой аппетитъ, потомъ — лишился сна,
Потомъ ослабъ, потомъ его разсудокъ
Сталъ путаться, и такъ — за шагомъ — шагъ
Все понижаясь, онъ достигъ того
Безумія, которое такъ страшно
Перемѣнивъ его, повергло насъ
Въ жестокую печаль.

Король.

Какъ ваше мнѣнье?
Возможно это?

Королева.

Очень можетъ быть,
Все это вѣроятно.

Полоній.

Я бы сильно
Желалъ узнать, случилось-ли когда,
Чтобъ я сказалъ: да, — это такъ, а вышло
Потомъ не такъ?..

Король.

Нѣтъ, не случилось...

Полоній (*показывая на голову и шею.*)

— Ну,

Снимите-жь это съ этого, когда
Невѣрно это... Если надо что
Открыть, такъ я до правды доберусь,
Хоть будь она въ землѣ...

Король.

Но какъ бы намъ
Продолжить наблюденія твои?

Полоній.

Вы знаете, онъ бродитъ иногда
По галлерей цѣлыми часами?

Королева.

Да, правда.

Полоній.

Ну-съ, — вотъ въ это время, я
Устрою встрѣчу между нимъ и ею,
А вы, со мною ставши за ковры,
Увидите ихъ встрѣчу: если онъ
Ее не любитъ, если не любовь
Заставила его сойти съ ума, —
То пусть не въ государственномъ совѣтѣ
Мнѣ мѣсто, — а среди коровъ, на скотномъ
Дворѣ, межъ водовозовъ...

Король.

Хорошо,
Мы испытаемъ...
(*Входитъ Гамлетъ съ книгой.*)

Королева.

Посмотрите: — онъ
Идетъ сюда, какъ грустно, какъ печально
Его лицо!.. Читаетъ онъ...

Полоній.

Уйдите,
Уйдите оба, умоляю васъ —
Я тотчасъ приступлю къ нему.
(Король, Королева, придворные уходятъ.)

Какъ ваше здоровье, мой добрый принцъ Гамлетъ?

Гамлетъ. Слава Богу, хорошо.

Полоній. Знаете вы меня, ваше высочество?

Гамлетъ. Отлично: ты торгуешь живою рыбой.

Полоній. Я?.. Помилуйте, принцъ.

Гамлетъ. Ну, такъ я бы желалъ, чтобы ты былъ такъ-же честень...

Полоній. Честень, ваше высочество?

Гамлетъ. Да, — государь мой, — вѣдь отъ сотворенія міра такъ ведется: быть честнымъ, значить быть выбраннымъ изъ десяти тысячъ.

Полоній. О, это правда, принцъ!

Гамлетъ. Вѣдь, если солнце зарождаетъ червей въ дохлой собакѣ, если могучее свѣтило міра оплодотворяетъ падаль... Есть у тебя дочь?

Полоній. Есть, ваше высочество.

Гамлетъ. Пусть она не подходитъ близко къ свѣтилу. Плодородіе — благодать... Но если твоя дочь... будь осмотрительнѣй!...

Полоній. Что вы этимъ хотите сказать? (Про себя.) Все бредитъ о моей дочери. Однако, онъ меня сперва не узналъ: сказалъ, что я торгую живностью... Онъ совсѣмъ, совсѣмъ спятилъ... Сказать правду, я самъ во дни моей молодости страстно любилъ, — былъ очень близокъ къ такому помѣшательству... Заговорю съ нимъ опять. — (Вслухъ.) Что вы читаете, принцъ?

Гамлетъ. Слова, слова, слова.

Полоній. А гдѣ же смыслъ?

Гамлетъ. У кого?

Полоній. Я хочу сказать — какой смыслъ въ этой книгѣ?

Гамлетъ. Злословіе! Этотъ плуть-сатирикъ говоритъ здѣсь, что у стариковъ сѣдыя бороды, что ихъ лица морщинисты, — изъ глазъ течетъ густой янтарь и вишневый клей, что у нихъ обильное... отсутствіе разсудка и весьма жидкія икры. Все это, государь мой, я считаю совершенно справедливымъ, вѣрнымъ, — но развѣ честно — такъ-таки прямо все это и выставлять?... Вѣдь ты самъ могъ бы быть такъ же старъ какъ, и я, если-бы... могъ, какъ ракъ, пятиться назадъ...

Полоній. Хотя это и безуміе, но въ немъ есть что-то методическое... Принцъ, не довольно-ли вы были на воздухѣ? Не пора-ли вамъ?..

Гамлетъ. Въ могилу?

Полоній. Да... дѣйствительно, это значить: «довольно быть на воздухѣ»... (Про себя.) Какъ иногда остроумны бываютъ его замѣчанія,— часто безумные даютъ такіе отвѣты, что здравомыслящимъ за ними не угнаться. Я, однако, пойду и устрою встрѣчу между нимъ и дочерью... (Вслухъ.) Ваше высочество, позвольте получить отъ васъ разрѣшеніе удалиться.

Гамлетъ. Вы ничего не можете получить отъ меня, съ чѣмъ бы я охотнѣе разстался. Еще охотнѣе я разстанусь съ моей жизнью, съ моей жизнью, жизнью.

Полоній. Будьте здоровы, принцъ.

Гамлетъ. Несносные, старые дураки!

(Входятъ Розенкранцъ и Гильденстернъ.)

Полоній. Вы ищете принца Гамлета? — онъ здѣсь.

Розенкранцъ. Благодаримъ васъ...

(Полоній уходитъ.)

Гильденстернъ. Многоуважаемый принцъ...

Розенкранцъ. Дорогой нашъ принцъ...

Гамлетъ. Добрѣйшіе мои друзья! Какъ поживаете? Гильденстернъ, Розенкранцъ! Дорогіе мои, — ну, какъ вы оба живете?

Розенкранцъ. Такъ себѣ, посредственно.

Гильденстернъ. Счастливы тѣмъ, что не очень счастливы, — не на макушкѣ у Фортуны.

Гамлетъ. Но и не на пяткѣ у нея?...

Розенкранцъ. Тоже нѣтъ, принцъ.

Гамлетъ. Значить, вы обитаете въ центрѣ ея благосклонности. Ну, господа, что же новаго?

Розенкранцъ. Ничего. Развѣ только то, что люди все болѣе и болѣе совершенствуются...

Гамлетъ. Значить, скоро свѣтопредставленіе будетъ! Но ваши новости что-то сомнительны, — васъ надо пощупать хорошенько... Чѣмъ это вы, добрые мои друзья, прогнѣвили вашу Фортуну, что она васъ послала сюда, въ тюрьму?

Гильденстернъ. Въ тюрьму, принцъ?

Гамлетъ. Данія — тюрьма.

Розенкранцъ. Такъ и весь свѣтъ тюрьма?

Гамлетъ. Вполнѣ отвѣчающая своему назначенію. Въ ней много камеръ, застѣнковъ, казематовъ. Данія — одно изъ самыхъ поганыхъ отдѣленій...

Розенкранцъ. Мы думаемъ иначе, принцъ.

Гамлетъ. Ну, значить, для васъ свѣтъ — не тюрьма. Вѣдь, въ сущности, нѣтъ ничего ни хорошаго, ни дурного, — все зависитъ отъ взгляда: для меня — это тюрьма.

Розенкранцъ. Значить, ваше властолюбіе сдѣлало ее такою, — она слишкомъ тѣсна для вашей души...

Гамлетъ. О, Боже, — я бы могъ помѣститься въ орѣховую скорлупу и считать себя владыкой безпредѣльнаго пространства... если-бъ только мнѣ не снились дурные сны.

Гильденстернь. Вотъ эти-то сны и есть властолюбіе. Властолюбіе само по себѣ не больше, какъ греза сновидѣнія.

Гамлетъ. Но вѣдь и сонъ, что такое, какъ не греза?

Розенкранцъ. Да, — но властолюбіе есть нѣчто столь легкое и эфирное, что это только тѣнь грезы.

Гамлетъ. Въ такомъ случаѣ, — наши нищіе — настоящіе люди, а монархи и завоеватели — тѣни этихъ нищихъ. Не пойти ли намъ къ королю? я сегодня не могу здраво разсуждать.

Розенкранцъ и Гильденстернь. Мы къ вашимъ услугамъ.

Гамлетъ. Нѣтъ, не надо: я не хочу васъ смѣшивать съ остальными прихвостнями... Говоря по совѣсти, они мнѣ ужасно прислуживаютъ... Скажите мнѣ, въ память старой дружбы, что у васъ за дѣла въ Эльсинорѣ?

Розенкранцъ. Мы пріѣхали повидать васъ, — и только.

Гамлетъ. До чего я бѣденъ! Я даже бѣденъ благодарностью... Но я васъ благодарю, и повѣрьте, милые друзья, что благодарность моя — гроша не стоитъ. За вами посылали? Вы по собственному желанію пріѣхали? Это добровольный визитъ? Ну, по совѣсти! Ну, ну! — нѣтъ, скажите...

Гильденстернь. Что именно сказать, принцъ?

Гамлетъ. Все, что хотите — только относящееся къ дѣлу. За вами посылали, — въ вашихъ взглядахъ есть что-то похожее на признаніе, это «что-то» побѣждаетъ вашу скромность... Я знаю: добрые король и королева посылали за вами.

Розенкранцъ. Съ какою цѣлью, принцъ?

Гамлетъ. А, это. ужъ вы мнѣ должны разсказать... Заклинаю васъ всѣми правами нашего товарищества, взаимными юношескими отношеніями, обязанностью вѣчнаго союза любви, — всѣмъ, чѣмъ могъ бы заклинать лучшій ораторъ — будьте правдивы и откровенны: — посылали за вами, или нѣтъ?

Розенкранцъ. Что сказать?

Гамлетъ (*про себя*). А... надо быть съ вами насторожѣ. (*Вслухъ.*) Если любите меня, — не ломайтесь, скажите...

Розенкранцъ. Принцъ... за нами посылали.

Гамлетъ. А теперь я вамъ скажу съ какою цѣлью, — этимъ предупрежу ваше признаніе и тайна короля и королевы останется во всей ея дѣвственной неприкосновенности... Я за послѣднее время (почему, — право не знаю!) потерялъ всю мою веселость, — оставилъ всѣ мои обычныя занятія. У меня на душѣ такъ тяжело, что это божественное созданіе — земля — кажется мнѣ бесплодной скалою; этотъ прекраснѣйшій наметъ, этотъ воздухъ, — смѣло опрокинувшій надъ нами небесный сводъ, этотъ величественный куполь, сверкающій золотымъ огнемъ, — все это мнѣ кажется гнилымъ, заразительнымъ скопищемъ паровъ. Какое образцовое созданье человѣкъ, какъ благороденъ разумомъ, безграниченъ талантомъ, какъ онъ, подобно ангелу, можетъ постигать существо самого Бога! Краса міра! Совершенство всѣхъ твореній!... А для меня — это квинтъ-эссенція мусора! Человѣка я не люблю... нѣтъ, и женщины тоже... хотя по вашей улыбкѣ видно, что вы этому не вѣрите...

Розенкранцъ. Ваше высочество, у меня такого вздора не было въ мысляхъ.

Гамлетъ. Чему же вы смѣялись, когда я сказалъ, что не люблю человѣка?

Розенкранцъ. Я думалъ, принцъ, если васъ не занимають люди, то какой сухой пріемъ получать комедіанты. Мы ихъ обогнали на дорогѣ, они ѣдутъ сюда — предложите вамъ свои услуги.

Гамлетъ. Напротивъ! — я очень радъ королю—комедіанту: я готовъ заплатить его величеству должную дань; странствующій рыцарь станетъ махать своимъ тупымъ-мечемъ и щитомъ, любовникъ не будетъ вздыхать даромъ, шутъ заставитъ хохотать, кому охота смѣяться. Какіе же это комедіанты?

Розенкранцъ. А тѣ самые, которыми вы такъ, бывало, восхищались, — столичные трагики.

Гамлетъ. Зачѣмъ-же они путешествуютъ? И репутація, и сборы лучше на постоянномъ мѣстожительствѣ?

Розенкранцъ. Имъ помѣшали нововведенія.

Гамлетъ. Ничего нѣтъ удивительнаго. Нововведеній у насъ много. Вѣдь и мой дядя — король Даніи. Тѣ, которые при жизни моего отца бывало строили ему рожи, даютъ теперь 20, 40, 50 и 100 дукатовъ за его миниатюру... Чортъ возьми! Въ этомъ есть что-то сверхъестественное... Если-бъ только философія могла это разрѣшить... *(Звуки трубъ.)*

Гильденстернъ. Вотъ и комедіанты!

Гамлетъ. Очень радъ, господа, видѣть васъ въ Эльсинорѣ, — дайте ваши руки. Спутники пріѣзства — этикетъ и церемоніи. Совершенно вѣрно! — и потому, чтобы мой пріемъ комедіантовъ, — который, я долженъ вамъ сказать, — будетъ очень хорошъ, — чтобы онъ не показался вамъ болѣе любезнымъ, чѣмъ тотъ пріемъ, что я вамъ сдѣлалъ: — очень радъ господа васъ видѣть, очень радъ! Но мой дядюшка-отецъ, и тетюшка-мать заблуждаются.

Гильденстернъ. Въ чемъ, принцъ?

Гамлетъ. Я безуменъ только при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ... Когда-же дуетъ съ юга, то я отличаю сокола отъ цапли.

(Входитъ Полоній.)

Полоній. Господа!

Гамлетъ. Слушай, Гильденстернъ, — и ты — тоже: при каждомъ ухѣ слушатель. Этотъ большой ребенокъ, котораго вы видите, еще до сихъ поръ въ пеленкахъ.

Розенкранцъ. Чего добраго, онъ снова въ нихъ попалъ, вѣдь, говорятъ, старость — второе дѣтство.

Гамлетъ. Я вамъ предсказываю, онъ пришелъ сообщить мнѣ о комедіантахъ. Увидите!... Да, вы правы, государь мой, — въ понедѣльникъ утромъ, — дѣйствительно это было тогда.

Полоній. Мой государь, у меня есть новости для васъ!

Гамлетъ. Государь мой, у меня есть новости для васъ! *(Поетъ)* «Когда въ Римѣ былъ Росцій актеромъ»...

Полоній. Актеры пріѣхали, ваше высочество.

Гамлетъ. Да неужели?!

Полоній. Докладываю вамъ по чести — прїѣхали.

Гажлетъ. Не твоей чести прїѣхали? скверная дорога: развѣ на ослѣ проѣдешь...

Полоній. Самые лучшіе актеры въ мірѣ! Все играютъ: трагедіи, комедіи, драмы историческія, идилліи, идилліи комическія, идилліи историческія, трагедіи историческія, идилліи трагико-комико-историческія. Сенека для нихъ не слишкомъ тяжелъ, Плавтъ не слишкомъ легокъ,— и для готовыхъ пьесъ, и для импровизацій — это единственные люди.

Гамлетъ. О, Іеѡай, Судья Израильскій, какое у тебя было сокровище!

Полоній. Какое у него было сокровище, принцъ?

Гамлетъ. А какъ-же! *(Поетъ)*.

Ты дочь прекрасную взростилъ,
Ее лелѣялъ и любилъ...

Полоній. Все про мою дочь!

Гамлетъ. Ну что, развѣ я не правъ, старый Іеѡай?

Полоній. Если вы меня называете Іеѡаемъ, принцъ, то, конечно, у меня есть дѣйствительно дочь, которую я очень люблю...

Гамлетъ. Нѣтъ, вовсе не это слѣдуетъ...

Полоній. Такъ что же слѣдуетъ, принцъ?

Гамлетъ. Да —

Самъ Богъ велѣлъ...

Вы знаете дальше?

Случился вдругъ у ней недугъ...

Въ первой строфѣ рождественской пѣсни можешь найти подробности. А! вотъ идетъ мой перерывъ.

(Входятъ четыре или пять комедіантовъ.)

Добро пожаловать, любезные мои,— всѣ, всѣ добро пожаловать. Очень радъ видѣть тебя здоровымъ... Очень радъ, господа... О, старый другъ, какъ твое лицо измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я тебя не видѣлъ,— ты явился въ Данію кичиться предо мной своей бородкой!... Добро пожаловать... Ну-съ, приступимъ къ дѣлу сразу, какъ французскіе сокольники: налетимъ на все, что ни увидимъ. Возьмемъ прямо за монологи. — Ну, давайте-ка образчикъ вашего дарованія. Ну! прочувствованную тираду!

1-й комедіантъ. Какую тираду, ваше высочество?

Гамлетъ. Помню, разъ ты декламировалъ ее... Это рассказъ Энея Дидонѣ,— и особенно то мѣсто, гдѣ онъ рассказываетъ объ убійствѣ Пріама. Если ты его еще не забылъ... начни съ этого стиха... Постой... Позволь...

«Суровый Пирръ, какъ левъ гирканскій...»

«Нѣтъ не такъ, но начинается съ Пирра...»

Суровый Пирръ, котораго черны,

Какъ замыслы, какъ ночь, достѣхи были,—

Когда лежалъ въ утробѣ онъ коня,

Теперь смѣнилъ ихъ черный цвѣтъ на новый,

Ужаснѣйшій стократъ: онъ залить весь
Отъ темени до пять троянской кровью
Отцовъ и матерей, сыновъ и женъ,
Стутившейся, запекшейся на немъ
Отъ жгучаго огня пылавшихъ улицъ.
Разгоряченный гнѣвомъ и пожаромъ,
Съ горящими глазами, словно демонъ,
Пирръ всюду ищетъ стараго Пріама!...

Продолжай!...

Полоній. Честное слово, принцъ, отлично прочитано! выразительно,
толково...

1-й Комедіантъ.

И вотъ — находить. Жалкое старанье
Отбить аргивянь! Непослушный мечъ
Скользнулъ изъ рукъ — упалъ, и на землѣ
Въ пыли лежитъ... Неравный врагъ Пріама,
Пирръ, свой тяжелый безпощадный мечъ
Занесъ высоко, и отъ свиста только,
Отъ вѣтра розмаха его — упалъ
Старикъ безсильный... И въ мгновенье это
Самъ Иліонъ безчувственный, казалось,
Почувствовавъ ударъ, внезапно рухнулъ
Къ подножію горящею вершиной...
И трескъ, и гулъ слухъ Пирра поразили.
И мечъ его, грозившій бѣлоснѣжной
Главѣ Пріама, въ воздухѣ застылъ...
Недвиженъ Пирръ, какъ будто на картинѣ
Изображенъ злодѣй — между раздумьемъ
И дѣломъ онъ колеблется. Предъ бурей
Бываетъ такъ: все тихо, въ небѣ тучи
Недвижны, вѣтра нѣтъ и вся земля
Какъ будто замерла, — и вдругъ ужасный
Громъ поразить природу рядомъ взрывовъ...
Вотъ такъ и тутъ — мгновенное раздумье, —
И снова Пирръ покorenъ мести ярой,
И никогда циклоповъ страшный молотъ,
Ковавшій Марсу грозные доспѣхи,
Не наносилъ ударовъ тѣхъ, какими
Обрушился мечъ Пирра на Пріама!...
Прочь, тварь позорная, прочь, прочь Фортуна!
О, Боги! Всѣ, Олимпомъ всѣмъ — лишите
Ее могущества, переломайте
Ей колесо, и ободы, и спицы, —

И ступицу скатите съ высоты
Святыхъ небесъ въ суровый мракъ Аида...

Полоній.

Это слишкомъ длинно...

Гамлетъ. Да, нужно-бы снести къ парикмахеру подрѣзать, вмѣстѣ съ твоей бородой... Одѣлай одолженіе — продолжай. Ему-бы, вѣдь только уличную пѣсню, да что-нибудь сальное, иначе онъ заснетъ. Продолжай,— теперь про Гекубу...

1-й комедіантъ.

О, если-бы увидѣлъ кто царицу
Растерзанную...

Гамлетъ.

Растерзанную царицу?

Полоній.

Это хорошо!... «Растерзанную царицу!»... Это хорошо!...

1-й комедіантъ.

Растерзанную, босикомъ, тряпицей
Повязана глава, еще недавно
Короною увѣнчанная, вмѣсто
Одежды — покрывало обвиваетъ
Худыя чресла, — и она въ испугѣ
По стогнамъ мечется, грозитъ слезами
Залить пожаръ... О, если-бъ кто увидѣлъ
Ее — онъ противъ беспощадной власти
Фортуны возмутился... Если-бъ — боги
(Когда они не чужды нашимъ скорбямъ)
Услышали тотъ вопль, съ какимъ она
Увидѣла, какъ Пирръ, смѣясь, рубить
Ея супруга, — вѣрно, этотъ крикъ
Исторгъ-бы слезы изъ очей небесныхъ,
И зарыдали-бъ жители Олимпа...

Полоній. Посмотрите: онъ поблѣднѣлъ, слезы катятся градомъ... Довольно... Довольно!

Гамлетъ. Хорошо... Ты мнѣ это dokonчишь потомъ... Вы, государь мой, потрудитесь озаботиться объ актерамъ. Слышите? Я хочу, чтобы съ ними хорошо обращались: вѣдь они — портреты, краткія лѣтописи насъ самихъ...

Послѣ вашей смерти вамъ лучше имѣть плохую эпитафію на могилѣ, чѣмъ при жизни заслужить ихъ худое мнѣніе...

Полоній. Ваше высочество, я буду обращаться съ ними по ихъ заслугамъ.

Гамлетъ. О, нѣтъ, нѣтъ — гораздо лучше! Если съ каждымъ обращаться по заслугамъ, то кому же избѣжать хорошей порки? Обращайтесь съ ними сообразно своему собственному достоинству и чести; чѣмъ менѣе они заслуживаютъ, тѣмъ болѣе чести вашей щедрости. Проводите ихъ!

Полоній. Пожалуйте!

Гамлетъ. Отправляйтесь господа, за нимъ. Завтра вы для насъ сыграете.

(Полоній со всѣми комедіантами, кромѣ перваго, уходитъ.)

Послушай, пріятель, можешь-ли ты мнѣ сыграть убійство Гонзаго?

1-й комедіантъ. Извольте, ваше высочество.

Гамлетъ, Такъ завтра мы его и поставимъ... А вы можете для меня, если будетъ нужно, выучить 12—16 строкъ, которыя я напишу и вставлю? Да?

1-й комедіантъ. Извольте, ваше высочество.

Гамлетъ. Прекрасно. — Отправляйтесь за этимъ старикомъ, да смотрите, не издѣвайтесь надъ нимъ.

(Первый комедіантъ уходитъ)

Добрые мои друзья — покидаю васъ до вечера. Очень радъ видѣть васъ въ Эльсинорѣ.

Розенкранцъ. Ваше высочество...

Гамлетъ. Прощайте.

(Розенкранцъ и Гильденстернъ уходятъ.)

Вотъ я одинъ теперь... какой я жалкій,
Ничтожный человѣкъ, презрѣнный рабъ!
Подумать страшно! какъ? комедіантъ,
Охваченный порывомъ страсти ложной,
Мечтою, грезой выдуманной, — весь
Имъ отдается: онъ дрожить, блѣднѣть.
Глаза слезами блещутъ, вдохновеньемъ
Горять, — въ груди спирается дыханье,
Онъ весь подъ властью жгучаго порыва...
И все изъ за чего? Изъ за Гекубы!
Ну, что ему Гекуба? Что такое
Онъ для Гекубы?... Что о ней онъ плачетъ?...
О, что же сдѣлать могъ-бы онъ, когда
Имѣлъ такой призывъ могучій къ страсти,
Какъ я имѣю? — онъ театр-бы залилъ
Морями слезъ, — онъ растерзалъ-бы слухъ
У зрителей, виновныхъ свелъ съ ума,
Сердца невинныхъ трепетать заставилъ,
Всѣхъ поразилъ-бы и увлекъ... А я?
Несчастный, вялый негодяй, бездѣльникъ, —
Я изнываю, неспособный къ дѣлу, —

Нѣтъ силъ, чтобы возвысить голосъ смѣло
За короля, лишеннаго такъ гнусно
Вѣнца, державы, жизни драгоценной!
О, я не трусь, вѣдь, нѣтъ! Кто оскорбитъ
Меня рѣшится, — раскроить мнѣ черепъ,
Рвануть за бороду, въ лицо ударить?
Кто смѣетъ кинуть мнѣ въ глаза названье
Лжеца?.. кто?.. О, проклятье!...
Да нѣтъ, — я все, все снесъ-бы... я, какъ голубь,
Незлюбивъ, — гдѣ же мнѣ обиды горечь
Почувствовать? — во мнѣ нѣтъ желчи! —
Не то — давно бы датскія вороны
Клевали гѣло этого мерзавца...
О, кровожадный, подлый проходимецъ,
Безсовѣстный, коварный и распутный
Мерзавецъ!...
Однако, что-же я! Осель! глупецъ!
Какая храбрость! — Я — сынъ дорогаго,
Убитаго отца, — когда и адъ
И небо призываютъ громко къ мести, —
Какъ дѣвка старая, я облегчаю
Весь наболѣвшій грузъ души словами,
Ругаюсь, какъ базарная торговка. —
Какъ это мерзко... Фа!

Ну, къ дѣлу, къ дѣлу,

Мои мозги... Слыхалъ я, что порою
Преступники въ театрѣ такъ бывали
Поражены, искуснымъ представленьемъ,
Что тутъ же сознавались въ преступленьяхъ
Своихъ. Хотя убійство, правда, нѣмо, —
Но говорить оно безъ языка
Чудеснымъ органомъ... Да, я велю
Сыграть актерамъ передъ дядей сцену,
Подобную убійству моего
Отца, — а самъ вопьюсь въ него глазами, —
Проникну въ глубь его души, — и если
Смутится онъ, — я знаю, что мнѣ дѣлать!...
Быть можетъ, духъ, являвшійся тогда,
Былъ демонъ злой.... онъ можетъ принимать
Такія обольстительныя формы...
Быть можетъ, онъ, воспользовавшись тѣмъ,
Что я такъ слабъ, такъ горемъ удрученъ,
Стремится погубить меня.... Нѣтъ, — скоро
На твердой почвѣ буду я стоять....

Театръ ловушкой будетъ, западней:
Она захлопнетъ совѣсть короля. —

АКТЪ ТРЕТІЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната въ замкъ.

Король, Королева, Полоній, Офелія, Розенкранцъ и Гильденстернь.

Король.

И неужели никакимъ намекомъ
Не удалось дознаться вамъ, зачѣмъ
Онъ напускаетъ на себя разстройство,
Такъ отравившее его покой
Припадками безумья?

Розенкранцъ.

Онъ сознался,
Что чувствуетъ разстроеннымъ себя,
Но о причинахъ говорить не хочетъ.

Гильденстернь.

Къ нему не подойти: онъ, прикрываясь
Безуміемъ, такъ ловко отдаляться
Умѣетъ отъ разспросовъ, отъ признанья
Насчетъ болѣзни....

Королева.

Хорошо васъ принялъ?

Розенкранцъ.

Какъ джентльменъ вполнѣ.

Гильденстернь.

Но, очевидно,
Свое онъ настроенье пересилилъ.

Розенкранцъ.

Быль на отвѣты скупъ, но говорилъ
Охотно съ нами.

Королева.

Вы его старались
Развлечь?

Розенкранцъ.

Да, государыня, — случайно
Дорогой мы актеровъ перегнали,
Когда о нихъ мы доложили принцу —
Въ его лицѣ блеснула радость. Въ замкѣ
Они теперь, и, кажется, сегодня
Приказано имъ вечеромъ играть.

Полоній.

Да, онъ просилъ меня, просить васъ, ваше
Величество, прослушать представленья!

Король.

Отъ всей души! Такому настроенью
Я очень радъ. Прошу васъ, господа,
Возможно поощрять его охоту
Къ подобнымъ развлеченьямъ.

Розенкранцъ.

Мы приложимъ
Старанье наше, государь. —
(Розенкранцъ и Гильденстернъ уходятъ)

Король.

Оставь насъ
И ты, Гертруда милая, — за принцемъ
Мы только что послали; онъ, какъ будто
Случайно, встрѣтится съ Офеліей; ея
Отецъ и я, — (законные шпионы),
Займемъ такое мѣсто, что увидимъ,
Невидимые сами, встрѣчу ихъ,

И заключимъ по поведенью принца,
Страдаетъ-ли онъ, точно, отъ несчастной
Любви, иль нѣтъ.

Королева.

Я повинуюсь вамъ. —
Офелія! Я пламенно желаю,
Чтобъ ваша чудная краса причиной
Безумія Гамлета оказалась.
Тогда надѣяться могу я смѣло,
Что ваша красота и добродѣтель
На прежній путь Гамлета возвратятъ.

Офелія.

О, государыня... я такъ желаю...
(Королева уходитъ.)

Полоній.

Офелія, — ты здѣсь гуляй. Угодно
Вамъ, государь, тутъ помѣститься? Ну,
Офелія, читай; ты этимъ чтеньемъ
Свое уединеніе прикроешь.
Грѣшимъ мы въ этомъ часто: всѣмъ извѣстно,
Что благочестіемъ, да ханжествомъ
Прикрывшись, и чорта мы сумѣемъ
Перехитрить....

Король.

О, это слишкомъ вѣрно!
Его слова мою бичуютъ совѣсть!
Щека продажной твари, штукатуркой
Покрытая, не такъ гадка въ сравненіѣ
Съ своей прикрасою, — какъ преступленье
Мое въ сравненіи съ моею рѣчью....
Какъ тяжело это бремя!

Полоній.

Удалимся!

Идетъ.... (Уходятъ)

Гамлетъ.

Быть, иль не быть? вотъ въ чемъ — вопросъ!
Что благороднѣе: сносить удары
Неистойвой судьбы, — иль противъ моря
Невзгодъ вооружиться, въ бой вступить,
И все покончить разомъ... Умереть...
Уснуть — не больше, — и сознать — что сномъ
Мы заглушимъ всѣ эти муки сердца,
Которыя въ наслѣдье бѣдной плоти
Достались: — о, да это столь желанный
Конецъ!.. Да, умереть — уснуть... Уснуть?
Жить въ мѣрѣ грѣзъ, быть можетъ, — вотъ преграда! —
Какія грѣзы въ этомъ мертвомъ снѣ
Предъ духомъ безтѣлеснымъ рѣять будутъ?...
Вотъ въ чемъ препятствіе — и вотъ причина,
Что скорби долговѣчны на землѣ...
А то кому снести-бы поношенье,
Насмѣшки ближнихъ, дерзкія обиды
Тирановъ, наглость пошлыхъ гордецовъ,
Мученія отвергнутой любви,
Медлительность законовъ, своеволие
Властей... пинки, которые даютъ
Страдальцамъ заслуженнымъ негодяи, —
Когда бы можно было вѣковѣчный
Покой и миръ найти — однимъ ударомъ
Простого шила! Кто бы на землѣ
Несъ этотъ жизни грузъ, изнемогая
Подъ тяжкимъ гнетомъ, — еслибъ страхъ невольный
Чего-то послѣ смерти, та страна
Безвѣстная, откуда никогда
Никто не возвращался, — не смущали
Рѣшенья нашего.... О, мы скорѣе
Перенесемъ всѣ скорби тѣхъ мученій,
Что возлѣ насъ, чѣмъ бросивъ всё, навстрѣчу
Пойдемъ другимъ, невѣдомымъ бѣдамъ....
И эта мысль насъ въ трусовъ обращаетъ....
Могучая рѣшимость остываетъ
При размысленьѣ, и дѣянья наши
Становятся ничтожествомъ... Но тише, тише!
Прелестная Офелія, о нимфа —
Въ своихъ святыхъ молитвахъ помяни
Мои грѣхи....

Офелія.

Ну, какъ здоровье ваше
За эти дни, мой принцъ?

Гамлетъ.

Отлично.
Благодарю васъ,

Офелія.

Принцъ, есть у меня отъ васъ
Подарки, я давно хотѣла вамъ
Ихъ возвратить, прошу теперъ, возьмите
Ихъ отъ меня.

Гамлетъ.

Зачѣмъ? Я никогда
И ничего вамъ не давалъ.

Офелія.

Нѣтъ, ваше
Высочество, — вы знаете отлично,
Что вы дарили мнѣ, сопровождая
Такою нѣжной ласкою подарки,
Что дѣлались они еще цѣннѣй...
Теперь рѣчей исчезло обаянье —
Возьмите-же назадъ то и другое,
Не нужны мнѣ богатые подарки,
Когда они не отъ души....

Гамлетъ.

Ха-ха! Что, вы — честная дѣвушка?

Офелія.

Ваше высочество...

Гамлетъ.

Вы красивы?

Офелія.

Что, ваше высочество, желаете сказать?

Гамлетъ. Что если вы честны и красивы,— то не позволяйте спорить невинности съ красотой....

Офелія. Но какое-же, принцъ, лучшее сообщество для красоты, какъ не невинность?

Гамлетъ. Да, правда, только красота скорѣй доведетъ невинность до разврата, чѣмъ невинность сохранить красоту, во всей ея чистотѣ... Прежде еще сомнѣвались въ этомъ,— теперь это — непреложная истина... Я васъ когда-то любилъ...

Офелія. Да, принцъ, вы заставляли меня этому вѣрить.

Гамлетъ. А вамъ не слѣдовало вѣрить... Я васъ не любилъ...

Офелія. Тѣмъ болѣе я была обманута...

Гамлетъ. Иди въ монастырь — зачѣмъ тебѣ плодить грѣшниковъ? Я самъ довольно честный человѣкъ, а и я могъ бы себя обвинить въ такихъ вещахъ, что лучше было бы моей матери не родить меня. Я очень гордъ, мстителенъ, честолюбивъ.... Да, и всѣ мы поголовно негодяи. Не вѣрь никому изъ насъ; ступай своимъ путемъ — въ монастырь. Гдѣ твой отецъ?

Офелія. Дома, ваше высочество.

Гамлетъ. Пусть онъ сидитъ подъ замкомъ и ломаетъ дурака только у себя дома. Прощай!

Офелія. О, милосердый Боже, помоги ему!

Гамлетъ. Если ты пойдешь замужъ, вотъ, что я дамъ тебѣ, вмѣсто свадебнаго подарка: будь ты чиста какъ ледъ, бѣла какъ снѣгъ — ты не избѣгнешь клеветы. Иди въ монастырь! Прощай! Да если ужъ нужно будетъ тебѣ выйти замужъ — выйди за дурака, а умные люди знаютъ очень хорошо, какихъ чудищъ вы изъ нихъ дѣлаете... Въ монастырь ступай, въ монастырь! Прощай!

Офелія. О, силы небесныя, исцѣлите его!

Гамлетъ. Наслышался я много о вашемъ искусствѣ: Богъ вамъ далъ человѣческой образъ, а вы его коверкаете; вы пляшете, модничаете, кривляетесь, выщучиваете другихъ, называете наивностью ваше распутство. Продолжайте,— а съ меня довольно! Это меня свело съ ума... Я говорю: у насъ больше браковъ не будетъ! Тѣ, кто обвѣнчаны, всѣ будутъ жить — кромѣ одного... Остальные останутся — какъ они есть... Ступай въ монастырь!.. *(Уходитъ.)*

Офелія.

Какой великій умъ погибъ для міра!
Надежда, цвѣтъ роскошный государства,
И зеркало, и образецъ всѣхъ модъ,
Предметъ всѣхъ наблюденій, — все погибло!
И я, несчастная, отверженная, я,

Познавшая его обътовъ прелесть,
Обречена теперь разбитой видѣть, —
Гармонію возвышенной души, —
Чудесный цвѣтъ безумьемъ искаженный!
О, горе, горе! Что пришлось прежде
Мнѣ видѣть — и теперь...

(Отходитъ въ глубину.)

*(Входятъ **Король и Полоній.**)*

Король.

Любовь, — о нѣтъ!

Нѣтъ, не къ любви его стремятся мысли.
Его слова нуждались, правда, въ связи, —
Но не безумье это! У него
Есть что-то на душѣ — созданье скорби, —
И я боюсь недобраго конца.
Въ предупрежденье этого, рѣшилъ
Я наскоро вотъ что: тотчасъ-же онъ
Поѣдетъ въ Англію, чтобъ съ англичанъ
Потребовать запущенную дань.
Быть можетъ, море, и края чужіе,
И впечатлѣнья новыя разгонять
Тоску, которая его къ чему-то
Склоняетъ... А пока его мозги
Упорно заняты одной задачей,
Самъ на себя онъ не похожъ. — Какъ мнѣ
Твое объ этомъ?

Полоній.

Это планъ прекрасный, —

Но все-же я причину считаю
Безумія — несчастную любовь.
Ну, что, Офелія?.. Тебѣ не надо
Передавать, что говорилъ Гамлетъ, —
Мы знаемъ все. —

(Офелія уходитъ.)

Такъ поступайте, ваше

Величество, какъ будетъ вамъ угодно.
Но если вы найдете то удобнымъ, —
Пусть, послѣ представленья, королева
Поговоритъ наединѣ съ Гамлетомъ,
Упроситъ принца высказать свою
Печаль, — пусть съ нимъ поговоритъ серьезно;

А я, съ согласья вашего, сумѣю
Такъ помѣститься, что услышу все.
Когда и тутъ намъ не удастся, — ну,
Тогда ушлите въ Англію его,
Иль въ заключеніе — куда разсудить
Вашъ мудрый разумъ.

Король.

Хорошо... Безумье
Высокихъ лицъ нуждается въ надзорѣ...
(Уходитъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Одна изъ залъ дворца.

Гамлетъ и два или три комедіанта.

Гамлетъ. Вы прочтете монологъ, какъ я вамъ показаль: легко и свободно. Если вы будете орать, какъ большинство нашихъ актеровъ — такъ я предпочель-бы, чтобъ мои стихи прокричалъ уличный разносчикъ. Не машите слишкомъ по воздуху руками, будьте спокойнѣе: въ самомъ потокѣ, бурѣ, такъ сказать, въ вихрѣ страстей, вы должны быть до извѣстной степени сдержанными, для приданія плавности роли. Мнѣ всю душу коробить, когда какой-нибудь здоровенный дѣтина, напяливъ парикъ, рветъ страсть въ клочья и лоскутья, чтобы поразить раекъ, который ничего не смыслить, дальше неизъяснимой пантомимы и крика.

1-й комедіантъ. Я вамъ поручусь, что этого не будетъ, ваше высочество.

Гамлетъ. Но не будьте и вялы. Здравый смыслъ долженъ быть единственнымъ вашимъ учителемъ. Согласуйте движенія со словами, слова съ движеньями такъ, чтобы это не выходило изъ границъ естественности. Цѣль искусства всегда была и прежде, и есть теперь — быть вѣрнымъ отраженіемъ природы — отразить и добродѣтель, и порокъ, и характеръ настоящаго вѣка. Если вы переиграли, или сыграли безцвѣтно, то, хотя невѣждамъ это и покажется смѣшнымъ, истинный цѣнитель останется недоволенъ, а мнѣніе его одного должно въ вашихъ глазахъ перевѣсить мнѣніе всѣхъ остальныхъ... О, есть актеры, которыхъ я видалъ на сценѣ; ихъ хвалили при мнѣ, даже очень хвалили, но они безбожно играли, — безчеловѣчно! Они ломались и ревѣли такъ, что невольно приходила въ голову мысль, что людей надѣлалъ какой-то поденщикъ и прескверно надѣлалъ: ужь очень они далеки отъ природы.

1-й комедіантъ. Кажется, мы почти исправились отъ этого.

Гамлетъ. А вы совсѣмъ исправьтесь... Да, пожалуйста, чтобы шуты ничего отъ себя не прибавляли; есть такіе — скалять зубы, чтобы заставить дураковъ

хохотать во время какой-нибудь серьезной сцены. Такъ это обнаруживаетъ въ нихъ самыя жалкія претензіи... Идите — готовьтсь!

(Комедіанты уходятъ. — Входятъ Полоній, Розенкранцъ и Гильденстернъ.)

Ну, что же, Полоній, — король изволить пожаловать на представленіе?

Полоній. И даже вмѣстѣ съ королевой, — и сію минуту!

Гамлетъ. Ступайте, поторопите комедіантовъ.

(Полоній уходитъ.)

Вы, господа, тоже отправляйтесь на помощь торопить ихъ.

Розенкранцъ и Гильденстернъ. Слушаемъ, ваше высочество. *(Уходятъ.)*

Гамлетъ. Эй, Гораціо!

(Гораціо входитъ.)

Гораціо. Здѣсь, милый принцъ, всегда готовъ къ услугамъ.

Гамлетъ.

Гораціо! Ты лучший изо всѣхъ,

Съ кѣмъ только доводилось мнѣ встрѣчаться.

Гораціо.

О, дорогой мой принцъ...

Гамлетъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не думай

Что это лесть, — какую ждешь мнѣ прибыль

Отъ человѣка, если весь доходъ

Его — лишь бодрый духъ, — онъ имъ одѣтъ

И сытъ! Зачѣмъ льстить бѣднякамъ! Пускай

Языкъ медоточивый лижетъ руки

У богачей, податливья гнутся

Колѣни, получить надѣясь прибыль,

Поклонами... Послушай, — съ той поры,

Какъ научилась различать людей

Моя душа — ты ею избранъ былъ, —

Ты, подъ грозой страданій не страдавшій,

Ты, принимавшій и судьбы удары,

И счастье — одинаково спокойно!

Блаженны тѣ, которые сумѣли

Перемѣшать съ разсудкомъ кровь свою

Настолько, чтобъ не быть несчастной дудкой

Въ рукахъ судьбы, не издавать послушно

Тѣ звуки, что она захочетъ! Дай

Мнѣ человѣка, чтобы не былъ онъ

Рабомъ страстей своихъ, — и я его

Носить въ душѣ... въ душѣ моей души
Всечасно буду, какъ тебя ношу я!...
Однако, будетъ... Я заговорился.
Сегодня, здѣсь, при королѣ, сыграютъ
Пьесу, гдѣ есть сцена, очень близко
Похожая на смерть отца, — ты помнишь
Объ этомъ мой рассказъ? Тебя прошу я:
Когда дойдетъ до этого, — всей силой
Души своей слѣди тогда за дядей, —
И если скрытое его злодѣйство
Не выползетъ изъ конуры своей
При этой сценѣ — то видѣнье наше
Быль злобный духъ, и замыслы мои
Черны, какъ наковальня у Вулкана...
Внимательно слѣди за дядей! Я-же
Вопьюсь въ него глазами. Послѣ мы
Соединимъ взаимно впечатлѣнья
И выводъ сдѣлаемъ.

Гораціо.

Извольте, принцъ!

Когда не уличенный въ преступленьѣ
Онъ ускользнетъ, — я отвѣчаю.

Гамлетъ.

Вотъ

Они идутъ сюда. Теперь я долженъ
Казаться беззаботнымъ... Стань на мѣсто!..

*(Датскій маршъ. — Входятъ: Король, Королева, Полоній, Розенкранцъ,
Гильденстернь и дворъ).*

Король. Какъ поживаетъ нашъ племянникъ Гамлетъ?

Гамлетъ. О, превосходно! Я, какъ хамелеонъ, питаюсь надеждами. Вы
каплуна такъ не откормите.

Король. Я къ такимъ разговорамъ не привыкъ, Гамлетъ.

Гамлетъ. Я — тоже. — *(къ Полонію.)* Вы, государь мой, говорите, что
нѣкогда играли въ университетѣ?

Полоній. Игралъ, ваше высочество, — и считался хорошимъ актеромъ.

Гамлетъ. Кого же вы изображали?

Полоній. Я изображалъ Юлія Цезаря. Я былъ звѣрски убитъ въ Капитоліѣ.
Брутъ меня убилъ.

Гамлетъ. Да, это было звѣрство — зарѣзать такого капитальнаго теленка. —
Что актеры, — готовы?

Розенкранцъ. Да, ваше высочество, — ждутъ вашего приказа.

Королева. Поди сюда, милый мой Гамлетъ, — сядь со мной.

Гамлетъ. Нѣтъ, милая моя матушка, — здѣсь металлъ, сильнѣе притягивающій.

Полоній. Ого, — замѣчаете, королева!

Гамлетъ. Офелія, вы мнѣ позволили-бы лечь возлѣ васъ? (*Ложится къ ея ногамъ.*)

Офелія. Нѣтъ, ваше высочество.

Гамлетъ. То есть, положить голову къ вамъ на колѣни?

Офелія. Извольте, ваше высочество.

Гамлетъ. А вы думали, что я хочу сказать?

Офелія. Право, я ничего не думала.

Гамлетъ. Что же: и ваша мысль — недурна.

Офелія. Что такое, принцъ?

Гамлетъ. Ничего.

Офелія. Вы веселы, принцъ.

Гамлетъ. Кто, я?

Офелія. Да, принцъ.

Гамлетъ. Я — вашъ шутъ — и только. Да что же людямъ и дѣлать, какъ не веселиться! Посмотрите, какъ сіяетъ радостью моя матушка, — а не прошло еще и двухъ часовъ, какъ умеръ мой отецъ!

Офелія. Уже два раза два мѣсяца прошло, ваше высочество.

Гамлетъ. Такъ давно?.. Ну, такъ пусть черти носятъ трауръ, а я наряжусь въ соболя. О, небеса!.. Умереть два мѣсяца тому назадъ, и все еще не быть забытымъ! Значить, есть надежда, что память о великомъ человѣкѣ переживетъ его на полгода.

(Выходитъ Прологъ.)

Прологъ.

Мы просимъ, полные смиренья,
Для насъ, актеровъ, снисхожденья,
А для трагедіи — терпѣнья...

Гамлетъ. И только! Что-же это: Прологъ, или надпись на кольцѣ?

Офелія. Коротко, что-то.

Гамлетъ. Какъ женская любовь!

(Театральные Король и Королева входятъ.)

Король-актеръ.

Тридцать разъ въ колесницѣ промчался — вокругъ влаги соленой
Стихи Нептуна и круга земель — Аполлонъ,
Тридцать разъ по двѣнадцати мѣсяца блескъ отраженный
То потухаль, то горѣль, озаряя ночной небосклонъ,

Съ той поры, какъ въ сердцахъ ощутили любовный мы пылъ,
Съ той поры, какъ священный союзъ Гименей освятилъ.

Королева-актриса.

О, пусть и солнце и мѣсяцъ обычной плывутъ чередою,
Столько-же разъ обойдя нашу землю, любовь же все краше
Будеть цвѣсти... Но ты боленъ?.. Мой другъ, что съ тобою?
Ты невеселъ, ты блѣденъ... Боюсь я за счастье наше!
Но не пугайся, мой другъ, — и не вѣрь нашимъ женскимъ
сомнѣньямъ
И безпокойствамъ: — у женщинъ сплелись такъ глубоко
Страхъ и любовь, — всей душою отдавшись сердечнымъ
волненьямъ,
Всею душой мы трепещемъ предъ грознымъ велѣнiемъ рока.
Иль не любовь и не страхъ, или крайность и той и другого...
Любовь ты извѣдалъ мою, такъ пойми-же и страхъ мой, — со
страстью
Онъ неразлученъ. Чѣмъ больше она, — тѣмъ и страха слѣпого
Больше, — чѣмъ болѣе страхъ, — тѣмъ больше любовнаго
счастья...

Король-актеръ.

Да, моя радость, мы скоро разстанемся, — гнетомъ
Тяжкимъ мнѣ жизнь моя стала, и жизни слабѣютъ основы.
Ты одинокой останешься въ мiрѣ, любовью, почетомъ
Окружена, и, быть можетъ, супруга другого,
Полнаго ласки...

Королева-актриса.

Ни слова, стой! Пусть проклятье
Мнѣ на главу упадетъ!.. Развѣ это любовь?
Кто отдается другому супругу въ объятя,
Тотъ проливаетъ супруга законнаго кровь!

Гамлетъ. Это должно быть горьковатымъ.

Королева-актриса.

Гнусный расчетъ и не болѣе — выборъ другого супруга,
Но не любовь, — и когда я его лобызаю,
То поцѣлую на брачномъ одрѣ — убиваю
Снова убитаго нѣкогда мужа...

Король-актеръ.

Подруга

Милая, — я убѣжденъ — вѣришь ты въ рѣчи твои:
Но вѣдь намѣреньямъ нашимъ часто грозятъ разрушенья,
Часто они забываются, сильны они въ мигъ рожденья,
Послѣ слабѣютъ, хилѣютъ, силы теряютъ свои.
Это такъ просто и ясно: долгъ нашъ забудется нами,
Если мы сами себѣ долгъ свой должны уплатить,
Что, подѣ влияніемъ страсти, мы часто себѣ обѣщаемъ,
Тѣмъ (если страсть промелькнетъ) мы потомъ беззаботно играемъ.

Королева-актриса.

Свѣтъ небесный, померкни! Земля не питай меня! Вѣчно
Пусть не найду я покоя, — въ отчаянье пусть обратится
Вѣра моя... Пусть я въ кельѣ пустынной томиться
Буду, — пусть все, что ласкаетъ насъ въ жизни безпечной,
Лучшія наши мечты и желанья и грезы,
Будутъ низвержены, — горе, страданія, слезы,
Вѣчныя муки пусть будутъ моею подругой,
Если я стану другого супруга супругой...

Гамлетъ. Ну, а если она эту клятву нарушить?..

Король-актеръ.

Клятва ужасная!.. Какъ тяжело мнѣ... усталость смежаетъ
Вѣки мои... Я прилягу — пусть сонъ облегчитъ мнѣ мученья...

Королева-актриса.

Спи, — можетъ быть, тебѣ сонъ и подастъ облегченье...
О, пусть всегда добрый геній нашъ миръ охраняетъ!..
(*Она уходитъ.*)

Гамлетъ. Королева, какъ вамъ нравится пьеса?

Королева. Мнѣ кажется, она слишкомъ много наобѣщала...

Гамлетъ. О, она все это исполнитъ!

Король. Вы знаете сюжетъ пьесы? Тутъ ничего нѣтъ нарушающаго приличіе?..

Гамлетъ. Нѣтъ, нѣтъ!.. Они только шутятъ! Они шутя отравляютъ... Ни малѣйшаго неприличія!..

Король. Какъ называется пьеса?

Гамлетъ. «Мышеловка ». Вы спросите,— почему? — Это аллегорія! Эта пьеса — воспроизведеніе убійства въ Вѣнѣ; Гонзаго — имя герцога, его жена — Баптиста.— Вы сейчасъ увидите:— это очень гнусная исторія.— Но это ничего,— и у вашего величества, и у насъ совѣсть чиста,— насъ это не касается... Кошка знаетъ, чье мясо съѣла,— а мы не причемъ..

(Входитъ Люціанъ.)

А это нѣкій Люціанъ, племянникъ герцога. Начинай, убійца, — оставь свои проклятыя ужимки, начинай!.. Ну!

.....Воронъ каркая къ мести зоветъ!...

Люціанъ.

Замысль черенъ, готова рука, ядъ готовъ, все готово;
Время удобно, никто не увидитъ средь сада пустого.—
Ты, горькій сокъ чудныхъ травъ расцвѣтавшихъ въ полночи,
Трижды заклятый ужаснымъ заклятьемъ Гекаты,
Сномъ непробуднымъ на вѣки смежи эти очи,
Пусть улетаетъ изъ тѣла душа безъ возврата...

(Вливаетъ ядъ въ ухо спящаго.)

Гамлетъ. Это онъ отравляетъ его въ саду, чтобы захватить его владѣнія. Его имя — Гонзаго. Вся эта исторія описана на превосходномъ итальянскомъ языкѣ. Вотъ вы сейчасъ увидите, какъ убійца овладѣетъ любовью жены Гонзаго.

Офелія. Король встаетъ?

Гамлетъ. Какъ — испугался холостыхъ выстрѣловъ?

Королева. Государь, что съ вами?

Полоній. Прекратите представленіе!

Король. Посвѣтите мнѣ! Прочь отсюда!..

Полоній. Огня, огня, огня!..

(Всѣ уходятъ, кромѣ Гамлета и Гораціо.)

Гамлетъ.

Пусть плачетъ раненный олень,
Здоровый веселится,
Для спящихъ — ночь,— для бодрыхъ день,
На этомъ міръ вертится!

Что,— развѣ эта шутка не доставила бы мнѣ, въ крайнемъ случаѣ, мѣсто въ трупшѣ актеровъ?..

Гораціо. На вторыя роли...

Гамлетъ. Нѣтъ — на первыя!

О, мой Дамонъ! Здѣсь на престолѣ
Былъ самъ Зевесъ!.. Но мигъ прошелъ —
Зевеса нѣтъ — и поневолѣ
На тронъ взбирается... павлинь...

Гораціо. Вы могли бы поставитъ риѳму.

Гамлетъ. Дорогой Гораціо,— теперъ слова духа для меня тысячи червонцевъ... Замѣтилъ?

Гораціо. Превосходно замѣтилъ, принцъ...

Гамлетъ. Едва дошло до отравленія...

Гораціо. Я внимательно наблюдалъ...

Гамлетъ. Ха-ха! Ну,— музыки, флейты!.. Когда король не любитъ представленья, Такъ значить... онъ его не любитъ, безъ сомнѣнья...

(Розенкранцъ и Гильденстернъ входятъ.)

Музыканты!

Гильденстернъ. Ваше высочество, соблаговолите выслушать два слова...

Гамлетъ. Даже цѣлую исторію!

Гильденстернъ. Государь,— король...

Гамлетъ. Да — ну, что же онъ?

Гильденстернъ. Онъ находится въ собственныхъ покояхъ — и очень возбуждёнъ...

Гамлетъ. Виномъ?..

Гильденстернъ. Разлитіемъ желчи, ваше высочество.

Гамлетъ. Ваша мудрость могла проявиться въ болѣе блестящей формѣ, если бы вы пригласили доктора, потому что когда я пропишу ему очистительное, — желчь разольется еще сильнѣе.

Гильденстернъ. Принцъ,— приведите вашу рѣчь въ порядокъ, не кидайтесь въ сторону отъ нашего разговора.

Гамлетъ. Смиряюсь.— Повѣствуйте!

Гильденстернъ. Королева, ваша матушка, съ душевнымъ прискорбіемъ посылаетъ меня къ вамъ...

Гамлетъ. Милости просимъ!

Гильденстернъ. Ваше высочество,— эта вѣжливость неумѣстна. Если вамъ угодно будетъ дать мнѣ здравый отвѣтъ — я исполню приказаніе вашей матушки; если нѣтъ, то я уйду — и этимъ кончу дѣло.

Гамлетъ. Я не могу...

Гильденстернъ. Что, принцъ?

Гамлетъ. Дать вамъ здравый отвѣтъ: мой умъ разслабленъ. — Но какой только я въ состояніи дать отвѣтъ — онъ къ услугамъ вашимъ — или, вѣрнѣе — къ услугамъ моей матушки. Ну, довольно объ этомъ. Прямо къ дѣлу. Вы говорите мнѣ,— моя матушка...

Розенкранцъ. Она говоритъ: — ваше поведеніе ее поразило и удивило.

Гамлетъ. О, удивительный сынъ, который можетъ такъ удивить свою мать... Но по пятамъ этого материнскаго удивленія, не слѣдуетъ-ли какое-нибудь продолженіе?

Розенкранцъ. Она желаетъ съ вами поговорить у себя, прежде чѣмъ вы ляжете.

Гамлетъ. Мы повинемся, хоть будь она десять разъ нашей матерью. Имѣете вы еще что сообщить?

Розенкранцъ. Ваше высочество — вы меня когда-то любили.

Гамлетъ. Люблю и теперь, — беру въ свидѣтели всѣхъ воровъ и мошенниковъ.

Розенкранцъ. Дорогой мой принцъ,— что за причина вашего разстройства? Вы, право, сами стѣсняете свою свободу, не довѣряясь друзьямъ.

Гамлетъ. Видите... я не могу возвыситься...

Розенкранцъ. Этого не можетъ быть:— вы самимъ королемъ назначены наслѣдникомъ датскаго престола...

Гамлетъ. Да... но «пока солнышко взойдетъ»... пословица эта очень старая....

(Входятъ Флейтчики.)

А, флейты!... Дай мнѣ одну... Надо съ вами покончить... Вы, кажется, меня травите по слѣдамъ?

Гильденстернъ. О, ваше высочество, если моя обязанность слишкомъ дерзка, — дерзка и любовь моя.

Гамлетъ. Я что-то не могу этого понять... Не сыграете-ли вы на этой дудкѣ?..

Гильденстернъ. Не могу, ваше высочество.

Гамлетъ. Я васъ прошу...

Гильденстернъ. Увѣряю васъ — я не умѣю.

Гамлетъ. Я умоляю васъ...

Гильденстернъ. Ни одного звука не могу издать, ваше высочество.

Гамлетъ. Да это такъ же легко, какъ лгать. Приставьте пальцы къ клапанамъ, дуньте, будетъ превосходная музыка. Смотрите, вотъ клапаны...

Гильденстернъ. Да я именно и не умѣю ими-то дѣйствовать, я не издамъ гармоническихъ звуковъ: я не учился...

Гамлетъ. Такъ поймите-жъ теперь всю гнусность вашего поведенія со мной. Вы бы желали играть на мнѣ, вамъ бы хотѣлось вырвать мою тайну,— проиграть на мнѣ съ самой низкой ноты до верху... Сколько музыки въ этомъ маленькомъ инструментѣ, а вы не можете справиться съ нимъ — неужели же вы думаете, на мнѣ легче играть, чѣмъ на дудкѣ!.. Считайте меня какимъ хотите инструментомъ — разстроить вы меня можете,— но играть вамъ мной не придется. — *(Входитъ Полоній.)*

Гамлетъ. Благословеніе Господне на васъ...

Полоній. Принцъ, королева хотѣла бы объясниться съ вами — и не далѣе, какъ сейчасъ.

Гамлетъ. Видите вы то облако? Какъ оно похоже на крота?

Полоній. Правда, похоже на крота.

Гамлетъ. Мнѣ кажется, оно похоже... на кота?

Полоній. Со спины... точно котъ.

Гамлетъ. Или оно похоже... на кита?

Полоній. Ужасно похоже на кита.

Гамлетъ. Такъ я, немного погодя, приду къ матушкѣ... До чего они дурачатъ меня! Немного погодя, я приду!

Полоній. Такъ я и доложу... (*Уходитъ.*)

Гамлетъ. Немного погодя! — легко сказать!.. Оставьте меня, друзья мои...

(*Всѣ уходятъ.*)

Глухая ночь! Ужасный часъ видѣній!
Теперь гроба раскрылись на кладбищахъ
И духи адъ покинули... я могъ бы
Теперь упиться теплой кровью! Сдѣлать
Такое дѣло страшное, что день —
Его увидѣвъ — задрожалъ бы... Тише!...
Ну — къ матушкѣ пойдёмъ! О, сердце, сердце —
Будь милосердно: пусть душа Нерона
Не властвуетъ тобою... Да, я буду
Жестокъ, но человѣченъ, — какъ кинжаломъ,
Словами я колоть ей сердце буду,
Но мой кинжалъ останется въ ножнахъ.

(*Уходитъ.*)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Комната въ замкѣ. *)

{*) Въ Петербургѣ и Москвѣ сцены III и IV шли въ одной декорации.}

Король, Розенкранцъ и Гильденстернъ.

Король.

Не нравится намъ это: прекратить
Обязаны мы выходки Гамлета —
Онъ небезопасны. Приготовьтесь:
Мы порученье вамъ дадимъ немедля, —
И въ Англию отправитесь вы съ нимъ.
Для блага государства мы не можемъ
Опасности столь явной подвергаться,
Которая растетъ съ его безумьемъ.

Гильденстернъ.

Мы тотчасъ изготовимся. Вашъ страхъ
Длянасъ священъ, предъ нимъ благоговѣемъ
Мы, государь. Себя оберегая,
Вы бережете многихъ, что живутъ
Одними вами...

Розенкранцъ.

Каждый единичный
И частный гражданинъ страны обязанъ
Всею силою и оружіемъ себя
Отъ всякаго вреда оберегать, —
Тѣмъ паче тотъ, отъ благосостоянья
Котораго зависитъ жизнь другихъ.

Король.

Прошу васъ изготовьтесь, господа,
Скорѣе къ путешествію. Безумцамъ
Такой свободы мы давать не можемъ —
Она должна въ оковахъ быть...

Розенкранцъ и Гильденстернъ.

Исполнимъ,
Согласно вашему приказу...
(Уходятъ.)

Король.

О, гнусно преступленіе мое:
Ужасный, страшный грѣхъ — братоубійство,
Первичный грѣхъ, издревле проклятой!
Молиться не могу я; хоть желанье
И велико... Мой грѣхъ осилилъ волю...
Какъ человѣкъ, которому пришлось
Два дѣла сразу дѣлать, я стою
Въ недоумѣніи — за что приняться,
И ничего не дѣлаю... Ужели
Проклятая рука, такъ братской кровью
Забрызгана, — что крови той не смыть
Всѣмъ ливнямъ неба до-бѣла?... Къ чему-же
И милосердые есть, какъ не затѣмъ,
Чтобы прощать виновнымъ?... Вѣдь въ молитвѣ
Должна двойная сила быть: она
Поддерживаетъ до грѣхопаденья,
А если мы падемъ — прощаетъ насъ...
Къ молитвѣ поскорѣе!.. Тяжкій грѣхъ
Я совершилъ... Какую же молитву
Теперь читать? — «О, Господи, прости мнѣ
Мой тяжкій грѣхъ!» Нѣтъ, такъ нельзя молиться!

Вѣдь до сихъ поръ я пользуюся тѣмъ,
Чего добился я своимъ убійствомъ:
Короной, царской властью, королевой!
Могу-ль прощеннымъ быть, и за собою
Все это удержать? Здѣсь, въ брennomъ мѣрѣ,
Виновный можетъ золотомъ засыпать
Законы — и нерѣдко правосудье
Склоняется предъ подкупомъ постыднымъ...
Но *тамъ* не такъ! Тамъ подкупа не знаютъ,
Тамъ настоящимъ свѣтомъ всѣ поступки
Озарены, — мы сами обвиненья
Свои даемъ, и въ преступленьяхъ нашихъ
Открыто сознаёмся... Что же дѣлать?...
Что дѣлать мнѣ?... Покаяться?... Всесильно
Вѣдь покаянье... Но къ чему оно,
Когда нельзя покаяться?... Ужасно,
Ужасно!.. Мука, хуже смерти черной...
Душа трепещетъ, хочетъ поскорѣе
Освободиться, и все больше, больше
Уходитъ въ путы... Вы, святые силы
Небесъ, о, помогите мнѣ!.. Сгибайтесь
Упрямые колѣна, размягчитесь
Стальные струны сердца — будьте мягки,
Младенчески-невинны... О, быть можетъ.
Надежда не потеряна еще!

(Преклоняется на молитву.)

(Входитъ Гамлетъ.)

Гамлетъ.

А! вотъ когда возможно все покончить!
Теперь онъ на молитвѣ, и сейчасъ
Его душа отправится на небо...
Ужели-жь это — мечь?... Конечно, мечь!
Злодѣй отца убилъ, — и я за это,
Я, сынъ убитаго, на небо посылаю
Злодѣя!
О, да вѣдь это плата за труды,
А ужь никакъ не мечь... Онъ захватилъ
Отца врасплохъ, насыщеннаго яствомъ
Въ расцвѣтѣ всѣхъ грѣховъ... И гдѣ теперь
Его душа — то вѣдаетъ Создатель,
Но думаю, что тяжело ей... Ужель
Я отомщу, убивъ его въ тотъ мигъ,

Когда себя молитвой онъ очистилъ,
И въ путь невѣдомый идти готовъ
Нѣтъ!
Прочь шпага, — избери ударъ страшнѣе,
Когда его найду я пьянымъ, соннымъ,
Когда онъ будетъ въ вихрѣ наслажденій
Своей позорной похоти рабомъ,
Когда онъ будетъ занятъ тѣмъ, въ чемъ тѣни
Спасенья нѣтъ — тогда его пронзи,
Швырни его отсюда въ преисподню:
Туда ему, туда какъ разъ дорога...
Меня ждетъ мать... Твои больные дни
Лишь временно продлить отсрочка эта...
(Уходитъ.)

Король.

Слова на небѣ, — мысли на землѣ...
Слова безъ мысли не доходятъ къ небу...

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Кабинетъ Королевы.

Королева и Полоній.

Полоній.

Сейчасъ онъ будетъ. Вы съ нимъ хорошенько
Поговорите. Объясните прямо,
Что всѣ его продѣлки нестерпимы,
Что вы однѣ спасли его отъ гнѣва
Его величества. Прошу васъ — строже
Съ нимъ будьте... Здѣсь я спрячусь...

Королева.

Я ручаюсь,
Не бойтесь за меня. Скорѣ спрячьтесь —
Вотъ онъ идетъ.
(Полоній прячется. Гамлетъ входитъ.)

Гамлетъ.

Что, матушка, случилось?

Королева.

Гамлетъ! ты оскорбилъ отца жестоко!

Гамлетъ.

Отецъ мой вами оскорбленъ жестоко!

Королева.

Отвѣтъ, достойный твоего безумства!

Гамлетъ.

Вопросъ достойный вашего грѣха...

Королева.

Гамлетъ! да что-же это?

Гамлетъ.

Что такое?

Королева.

Да ты забылъ, кто я?

Гамлетъ.

О, нѣтъ, нисколько!

Вы — королева; вашъ супругъ-король —
Братъ вашего умершаго супруга, —
И, къ сожалѣнію, вы — мать моя!

Королева.

Нѣтъ, пусть другіе говорятъ съ тобой!

Гамлетъ.

Ни съ мѣста! Сядьте! Хитростей довольно!
Вы не уйдете, прежде чѣмъ предъ вами
Я зеркала не выставлю такого,
Въ которомъ вы увидите все то,
Что наросло у васъ на сердцѣ.

Королева.

Какъ?

Меня убить ты хочешь... Помогите! —

Полоній (*изъ засады.*)

На помощь, эй!

Гамлетъ.

Что тамъ такое? крыса?

Мертва! Пари на золотой — мертва!

(*Протыкаетъ коверъ.*)

Полоній.

О, я убить! (*Умираетъ.*)

Королева.

О, ужась... что ты сдѣлалъ?

Гамлетъ.

Не знаю! Что? Король?

(*Поднимаетъ коверъ и вытаскиваетъ Полонія.*)

Королева.

Какой поступокъ

Безумный и кровавый!

Гамлетъ.

Да — кровавый!

Да, матушка, почти такой же гнусный,

Какъ мужа-короля убить, и выйти

За брата мужа своего...

Королева.

Убить...

Какъ? мужа-короля...

Гамлетъ.

Ну — да, убить!

Да, матушка, — я именно желалъ

Сказать: *убить!*...

А ты, несчастный шутъ,

Совавшійся непрошенный повсюду, —

Прости!... Тебя я принялъ за другого...

Ты оказался ниже чиномъ... Что-жь, —

Прійми свой жребій отъ судьбы... Ты видишь:

Услужливость порой — небезопасна...

Да не ломайте руки, успокойтесь!...

Садитесь... я сломаю ваше сердце,

Когда оно не вовсе отвердѣло,

Не закалилось, отъ грѣховъ привычныхъ

И свѣтлымъ чувствамъ можетъ быть доступно...

Королева.

Но что-жь я сдѣлала, за что такъ дерзко

Ты можешь говорить со мною?

Гамлетъ.

Что?

Такое дѣло, что передъ нимъ померкла

И женственность, и женская стыдливость,

И добродѣтель въ ложь преобразилась,

И на челѣ любви невинной, вмѣсто

Цвѣтущихъ розъ, раскрылись язвы злыя,

И брачные обѣты стали лживы

Какъ клятвы игроковъ! Такое дѣло,

Что самый духъ священнаго обряда

Исторгнуть имъ и побасенкой стала

Религія... пылаютъ небеса,

Земля и твердь исполнены уныньемъ, —

Какъ въ страшный день послѣдняго суда...

Королева.

Гамлетъ! Гамлетъ, за что ты на меня

Такіе громы призываешь?

Гамлетъ.

Вотъ, —

Вотъ два портрета, — тотъ и этотъ — оба
Изображенья братьевъ. Посмотрите,
Какимъ величьемъ дышетъ этотъ ликъ,
Какой божественной онъ силы полонъ,
Какъ чуденъ взоръ воинственный и грозный,
Какая мощь въ осанкѣ горделивой, —
Вѣдь это божество съ высотъ Олимпа!
Здѣсь каждый богъ вложилъ свое искусство,
Запечатлѣвъ чудесный обликъ формъ,
Чтобъ образецъ создать... И это былъ
Супругъ вашъ. Ну, теперь смотрите дальше...
И это тоже вашъ супругъ... Зараза, —
Сгубившая расцвѣтъ родного брата...
Есть у тебя глаза? Какъ? промѣнять
Цвѣтущихъ горъ чудесныя вершины,
И кинуться сюда, въ болото, въ грязь!
Есть у тебя глаза? Любовью это
Назвать не можешь ты: въ твои года
Пыль крови укрощень, — она покорна,
Она разсудку служить, — а какой
Разсудокъ примирится съ этимъ дѣломъ...
Есть чувство у тебя? Конечно, есть, —
Вѣдь у тебя являются желанья...
Но чувства у тебя въ параличѣ;
Въ подобную ошибку впасть нельзя
И сумасшедшему,.. Всѣ чувства наши
Не могутъ быть подавлены настолько,
Чтобы хоть капли не осталось ихъ —
А капли той для выбора довольно! —
Какой-же дьяволъ одурачилъ васъ,
Играя съ вами въ дьявольскія жмурки!
Все усыпить въ себѣ, всѣ чувства!... Стыдъ! —
Гдѣ твой румянецъ?... Если адъ мятежный
Здѣсь можетъ бушевать, въ костяхъ преклонной
Лѣтами женщины, — такъ пусть, какъ воскъ,
У юности растаетъ добродѣтель
Отъ собственнаго жара, — не корите
Стыдомъ порывовъ пылкой молодежи,
Когда самъ ледъ пылаетъ, — и разсудокъ
Разврату служить...

Королева.

О, Гамлетъ, довольно...
Ни слова больше!... Предо мной раскрылась
Моя душа вся въ черныхъ пятнахъ, язвахъ
Неизгладимыхъ...

Гамлетъ.

Нѣтъ, — но пресмыкаться
Въ такомъ развратѣ мерзостномъ и гнусномъ,
Справлять медовый мѣсяцъ въ этомъ подломъ
Свиномъ хлѣву...

Королева.

О, замолчи, Гамлетъ!
Твои слова, какъ острые кинжалы
Разятъ мое растерзанное сердце...

Гамлетъ.

Убійца и злодѣй! Холопъ негодный
Умершаго владыки. Шутъ въ порфирѣ,
А не король! Воръ царства и державы,
Стянувшій съ полки царскую корону
И въ свой карманъ запрятавшій...

Королева.

Довольно!

Гамлетъ.

Король изъ тряпокъ и лоскутьевъ.
(Является Духъ.)

Силы
Небесныя! Спасите насъ! Прикройте
Своими крыльями! Чего ты хочешь,
Духъ царственный?..

Королева.

О, Боже — онъ помѣшанъ!

Гамлетъ.

Чтобъ упрекнуть медлительнаго сына
Явился ты? и время, и порывъ
Я пропустилъ и грознаго велѣнья
Не выполнилъ...

Что съ вами, королева?...

Королева.

Что съ тобою?

Въ пустой ты уголь смотришь, говоришь
Съ пространствомъ, съ воздухомъ. Въ твоихъ глазахъ
Огонь сверкаетъ дикій, каждый волосъ
Вздывается на головѣ... О, милый
Мой сынъ, — да успокойся, ради Бога...
Какъ ты разстроень... Что ты видишь, что?

Гамлетъ.

Его, его! Смотри, — какой онъ блѣдный
И какъ онъ смотритъ... Это преступленье
И этотъ духъ, — могли-бы даже камни
Воспламенить! О, не смотри такъ грустно.
Колеблется моя рѣшимость... То,
Что совершить я долженъ — не свершится
И, вмѣсто крови, — горькихъ слезъ потоки
Готовы хлынуть...

Королева.

Съ кѣмъ ты говоришь?

Гамлетъ.

Вы никого не видите вонъ тамъ?

Королева.

Нѣтъ, никого, хоть все что тамъ — я вижу —

Гамлетъ.

И ничего не слышите?

Королева.

Я слышу
Нашъ разговоръ и только...

Гамлетъ.

Но смотрите —
Вотъ! Вонъ идетъ онъ тихо-тихо прочь,
Онъ, мой отецъ, въ своемъ обычномъ видѣ...
Смотрите, онъ идетъ, вотъ онъ у двери...
(Духъ исчезаетъ.)

Королева.

Твое воображенье! Очень часто
Рисуешь бредъ подобныя видѣнья...

Гамлетъ.

Бредъ? — Но мой пульсъ спокойно-равномѣренъ, —
Онъ бьется точно такъ же какъ и вашъ...
Хотите испытать: я повторю
Вамъ снова все отъ слова и до слова —
Безумье заблудилось бы... О, нѣтъ,
Нѣтъ, матушка, — тебя я заклинаю —
Отбрось всѣ эти льстивыя лѣкарства —
Они не исцѣлятъ тебя! Не вѣрь,
Что здѣсь мое безумье говорило,
А не твои грѣхи, — вѣдь это только
Плевой покроетъ и затянетъ рану,
А самый ядъ болѣзни будетъ глубже
И глубже все внѣдряется, заражать...
Покайся передъ небомъ въ прегрѣшеньяхъ
Минувшихъ дней — и избѣгай грѣшить
Въ грядущемъ... Матушка, — прости меня, —
За то, что я сказалъ тебѣ всю правду...
Что дѣлать: нынче вѣкъ у насъ таковъ,
Что правда у грѣха прощенья просить,
И пресмыкается и молить позволенья
Добро ему же сдѣлать.

Королева.

О, Гамлетъ, —

Ты надвое мнѣ сердце растерзалъ...

Гамлетъ.

Откиньте злую часть его, — живите
Съ другою половиной... Доброй ночи!...
Но не ходите ныне въ спальню дяди...
Нѣтъ добродѣтели у васъ — прикиньтесь
На время добродѣтельной. Привычка —
Драконъ, готовый здравый смыслъ пожрать;
Но иногда привычка — ангелъ чистый:
И честныя и добрыя дѣла
Она такимъ сіяньемъ озаряетъ,
Что ихъ легко творить... Вотъ вы сегодня
Воздержитесь — на слѣдующій день
Вамъ воздержанье уже легче будетъ,
И такъ все и поидетъ: все легче, легче...
Привычка можетъ побѣдить природу —
И бѣса поселить въ душѣ — и выгнать...
Еще разъ — доброй ночи... Если вы
Испросите себѣ прощенье неба,
Я къ вамъ приду просить себѣ прощенья...
А этотъ... Каюсь я... Судьбѣ, должно быть,
Угодно было, чтобы мы взаимно
Другъ друга наказали... Я исполнилъ
Ея велѣніе... Ну, что-жь — теперь —
Моя вина, и я за смерть отвѣчу.
Итакъ — покойной ночи... я обязанъ
Во имя правды сдѣлаться жестокимъ...
Худое началось... Но позади
Еще осталось худшее... Ну, слово
Одно лишь слово!...

Королева.

Что же дѣлать мнѣ?

Гамлетъ.

Да ужь никакъ не то, что я вамъ дѣлать
Совѣтовалъ... Пусть пухлый вашъ король
Опять въ объятія васъ къ себѣ приманитъ,
И съ нѣжной лаской ущипнувъ за щечку,
Своимъ мышенкомъ назоветъ, принудивъ
Васъ выболтать все наше объясненье.
Вы скажете, что я — не сумасшедшій,
Что я прикидываюсь имъ... И какъ-же

Не рассказать ему?... И вамъ-ли, вамъ-ли?
Прекрасной, скромной, мудрой королевѣ,
Скрывать такое важное извѣстье
Отъ этой гадины, летучей мыши,
Отъ этой жабы?... Нѣтъ!... откройте тайну!...

Королева.

О, будь увѣренъ, если нашу рѣчь
Дыханье составляетъ, а дыханье
Есть жизнь, — то у меня нѣтъ жизни,
Нѣтъ шепота, которымъ бы могла
Я передать слова твои...

Гамлетъ.

Назначень

Я въ Англию... Вы знаете?

Королева.

Ахъ, да!

Я позабыла... Это рѣшено...

Гамлетъ.

Ужь письма и товарищи по школѣ
Готовы въ путь. Я довѣряю имъ
Какъ двумъ ехиднымъ гадамъ. Порученье
Они везутъ, дорогу расчищая
Мнѣ къ западнѣ... Ну что-жь, пускай, пускай!
Вѣдь это превосходно: самъ строитель
Взлетаетъ вверхъ на собственномъ подкопѣ!
Хоть дѣло не легко — я подкопаюсь
На цѣлый ярдъ подъ мину — и взорву
Ихъ на луну! — О, какъ пріятно видѣть,
Когда на линіи одной двѣ силы
Встрѣчаются... Однако, мнѣ съ него
Начать придется сборы... Эту тушу
Я въ комнату сосѣднюю стащу...
Покойной ночи, матушка!... Какъ нынче
Онъ важенъ, молчаливъ, серьезень, строгъ...
А вѣдь при жизни былъ болтливымъ, глупымъ
Наушникомъ... Пожалуйте со мной, —
Пора покончить съ вами, сударь... Ну-съ,

Покойной ночи, матушка! (*Тащитъ трупъ.*)

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ *).

{*} Собственно — вторая сцена. Первая — объяснение короля съ Гертрудой всегда пропускается.}

Комната во дворцѣ

(*Входитъ Гамлетъ.*)

Гамлетъ.

Припрятанъ хорошо!

Розенкранцъ и Гильденстернъ (*за сценой*).

Гамлетъ, принцъ Гамлетъ!

Гамлетъ.

Тс!... Что тамъ за шумъ? Кто Гамлета зоветъ? Идутъ!

(*Входятъ Розенкранцъ и Гильденстернъ.*)

Розенкранцъ.

Принцъ — что вы сдѣлали съ мертвымъ тѣломъ?

Гамлетъ.

Я прахъ смѣшалъ съ прахомъ.

Розенкранцъ.

Скажите, гдѣ тѣло: мы его отнесемъ въ часовню.

Гамлетъ.

Не вѣрьте этому.

Розенкранцъ.

Чему, принцъ?

Гамлетъ.

Не вѣрьте, что ваши интересы дороже мнѣ моихъ собственныхъ. И притомъ, что можно отвѣчать губкѣ?.. Что ей можетъ отвѣтить сынъ короля?

Розенкранцъ.

Ваше высочество считаете меня губкой?..

Гамлетъ.

Да, губкой, которая впитываетъ въ себя милости короля, его награды, его образъ мыслей... Такихъ слугъ берегутъ къ концу. Ихъ держать, какъ обезьяны держать орѣхи за щекой: засунула въ ротъ первыми, а проглотить послѣдними... Когда ему понадобится назадъ то, что вы всосали, васъ стоитъ подавить, — и вы, какъ губка, снова сухи.

Розенкранцъ.

Я васъ не понимаю, принцъ.

Гамлетъ.

Радуюсь: ослинымъ ушамъ такихъ рѣчей не понять.

Розенкранцъ.

Ваше высочество, вы должны сообщить намъ, гдѣ тѣло, и послѣдовать съ нами къ королю.

Гамлетъ.

Тѣло пока еще при королѣ... Но онъ еще не тѣло... Онъ пока еще представляетъ собою что-то...

Гильденстернъ.

Что-то, принцъ?

Гамлетъ.

Да, — что-то весьма ничтожное. Ну-съ, ведите меня къ нему... Травля началась...

(Уходятъ.)

Король со свитой (*входят*). *)

{*} Въ подлинникѣ — сцена III.}

Король.

Я приказалъ найти его немедля,
И тѣло отыскать... О, на свободѣ
Его теперь немислимо оставить...
Но вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ мы его
Судить, какъ всѣхъ, со строгостью законовъ, —
Онъ такъ любимъ безумною толпою, —
Толпа не руководится разсудкомъ, —
Наружный блескъ ей нуженъ, наказанье —
Ужаснѣй для нея, чѣмъ преступленье...
Его отправка въ Англію должна
Обдуманною мѣрою явиться...
Отчаянно-упорную болѣзнь
Отчаянною мѣрой мы излѣчимъ...

(*Входитъ Розенкранцъ.*)

Ну, что, и какъ?

Розенкранцъ.

Куда сокрыто тѣло,
Мы не могли добиться, государь...

Король.

Но гдѣ онъ самъ?

Розенкранцъ.

Онъ здѣсь подѣ стражей ждетъ
Вашъ приговоръ.

Король.

Вести его сюда!

Розенкранцъ.

Эй, Гильденстернъ, — введите принца.

(*Гамлетъ и Гильденстернъ входят.*)

Король.

Ну, Гамлетъ — гдѣ Полоній?

Гамлетъ.

Онъ на ужинѣ.

Король.

На ужинѣ, — гдѣ?

Гамлетъ.

Не тамъ, гдѣ онъ ѣсть, а гдѣ его ѣдятъ. Дипломатическое собраніе червей теперь старается около него. О этотъ червь, — величайшій король въ дѣлѣ ѣды! Мы откармливаемъ всѣхъ животныхъ, чтобъ откормить себя, а себя мы откармливаемъ для червей... Откормленный король и тощій нищій — двѣ перемѣны, два блюда за однимъ столомъ... Этимъ все кончается.

Король.

Ужасно! ужасно!

Гамлетъ.

Человѣкъ удить рыбу на червяка, который кушалъ самого короля, — потомъ онъ ѣсть рыбу, скушавшую этого червяка.

Король.

Что ты хочешь этимъ сказать?

Гамлетъ.

Ничего, я только хотѣлъ доказать, какъ иногда король можетъ проѣхаться по кишкамъ нищаго.

Король.

Гдѣ Полоній?

Гамлетъ.

На небѣ! Пошлите кого-нибудь туда справиться... Если посланный не найдетъ его тамъ — ищите въ другомъ мѣстѣ сами. Но вообще, если втеченіе

мѣсяца не найдете его, — то вамъ поможетъ вашъ носъ, когда пойдете вверхъ по лѣстницѣ на галлерею.

Король.

Скорѣ идите, ищите его тамъ.

Гамлетъ.

Не торопитесь, — онъ подождетъ...

(Нѣсколько придворныхъ уходятъ.)

Король.

Мы сильно опечалены поступкомъ
Твоимъ, Гамлетъ... Заботясь о тебѣ,
О безопасности твоей, должны мы
Съ возможною поспѣшностью отправить
Тебя отсюда... Поскорѣй собирайся:
Корабль готовъ, попутный вѣтеръ дуетъ,
Команда ждетъ, чтобъ въ Англiю идти...

Гамлетъ.

Въ Англiю?

Король.

Да, Гамлетъ.

Гамлетъ.

Хорошо.

Король.

Если-бъ ты зналъ наши мысли, — ты бы видѣлъ, какъ онѣ чисты.

Гамлетъ.

Я вижу херувима, который видитъ ваши мысли. Ну, что-жь, ѣдемъ въ Англiю. Прощайте, дорогая матушка!

Король.

Твой любящий отец, Гамлеть.

Гамлетъ.

Мать моя! Отецъ и мать — мужъ и жена, — мужъ и жена — одно тѣло...
Итакъ, моя матушка, — прощайте!.. Мы ѣдемъ въ Англiю...

(Король и свита быстро уходятъ.)

(За сценой маршъ.)

Гамлетъ *(у окна)* *)

{*} У Шекспира дѣйствiе переносится на приморскую равнину, и принцъ разговариваетъ съ норвежскимъ капитаномъ. Но при исполненiи „Гамлета“ въ Москвѣ, обѣ сцены соединились въ одну, по тому образцу, какъ ихъ соединялъ Сальвини, и реплики капитана давались Гильденстерномъ.}

Послушайте — чье это войско?

Гильденстернъ.

Это?

Норвежское.

Гамлетъ.

Скажите, а куда
Оно идетъ?

Гильденстернъ.

На Польшу.

Гамлетъ.

Ну, а кто
Ихъ полководецъ?

Гильденстернъ.

Фортинбрасъ — племянникъ
Норвежскаго монарха.

Гамлетъ.

Что-же,
Вся Польша — цѣль его похода, — или
Изь-за окраинъ только онъ предпринять?

Гильденстернь.

По правдѣ говоря, они идутъ,
Чтобы отнять такой клочекъ земли,
Что весь доходъ его — въ его названѣ
Пять золотыхъ... Да и пяти бы не далъ
Я за его аренду. Больше онъ
Ни Польшѣ, ни Норвегіи не дастъ,
Продай его хоть въ вѣчное владѣнье.

Гамлетъ.

Его, пожалуй, имъ сдадутъ безъ боя?

Гильденстернь.

О, нѣтъ, всѣ гарнизоны на мѣстахъ!...

Гамлетъ.

Благодарю васъ.

Розенкранць.

Не пора-ли намъ
Въ дорогу, принць?

Гамлетъ.

Я буду вслѣдъ за вами.

Впередъ ступайте, — я приду.

(Розенкранць и Гильденстернь уходятъ.)

Гамлетъ.

Какъ все, что вкругъ меня изобличаетъ
Медлительность мою, торопитъ къ мщенью!..
Ужели въ томъ все счастье человѣка,
Вся жизнь его, весь смыслъ существованья,
Чтобъ ѣсть да спать, какъ твари? Нашъ Создатель
Ужель затѣмъ вложилъ въ насъ свѣтлый разумъ,
И далъ способность взоры обращать
И въ прошлое, и къ временамъ грядущимъ,
Чтобъ чувства въ насъ безъ всякой пользы глохли?
Забывчивость-ли подлая во мнѣ,

Иль это боязливое сомнѣнье,
И мысли о послѣдствіяхъ... Но въ этихъ
Серьезныхъ размышленьяхъ, (знаю я!)
Гораздо больше трусости, чѣмъ смысла!
Я чувствую одно, что я живу,
Затѣмъ, чтобъ вѣчно повторять все то же:
«Да, — это дѣло надо, надо кончить!»
Есть у меня для мщенія причина,
И сила, и желанье есть, и средства...
Передо мной великіе, какъ міръ,
Примѣры встаютъ... Смотрите: вотъ
Несмѣтныя войска гремятъ оружьемъ,
Ихъ принцъ ведетъ, изнѣженный и юный, —
Онъ честолюбьемъ полонъ, онъ смѣется
Надъ неизвѣстной участью похода, —
Онъ смѣло жизнью жертвуетъ своей,
Идя навстрѣчу счастью и тревогамъ,
И самой смерти, — и изъ-за чего-же? —
Изъ-за яичной скорлупы! О, да:
Быть истинно-великимъ: не возстать
Безъ повода великаго, — и биться
На смерть изъ-за соломенки ничтожной,
Когда задѣта честь!.. Но я, чего-же,
Чего я медлю?.. Мой отецъ убить,
Мать опозорена, я жажду мести,
И въ то же время медлю! Предъ собой,
Горя стыдомъ, я вижу это войско,..
Здѣсь двадцать тысячъ идутъ прямо на смерть,
Изъ-за какихъ-то призрачныхъ мечтаній,
Изъ-за какой-то мимолетной славы!
Они идутъ къ гробамъ, какъ на постели,
Они идутъ, чтобъ биться за такой
Клочекъ земли, который не вмѣститъ
Ихъ арміи, котораго не хватитъ
Имъ на могилы, гдѣ не будетъ мѣста
Зарыть всѣхъ въ битвѣ павшихъ.... Нѣтъ, довольно!
Мнѣ надо крови!.. Иль я обращусь
Въ ничтожество... (*Уходитъ.*)

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СЦЕНА ВТОРАЯ *).

{*} Въ Петербургѣ съ этой сцены начинали актъ.}

Эльсиноръ. Комната въ замкѣ.

Королева.

Я не желаю съ нею говорить...

Гораціо.

Она такъ проситъ васъ... Она совсѣмъ
Помѣшана... Такое состоянье
Достойно сожалѣнья...

Королева.

Что ей нужно?

Гораціо.

Все про отца твердитъ она, клянеть
Нашъ міръ, и тяжело, глубоко вздыхаетъ.
Бьетъ въ грудь себя, — ее намекъ малѣйшій
Волнуетъ... Въ беспорядочныхъ словахъ
Съ трудомъ возможно уловить нить мысли...
...Что-то хочетъ

Она сказать, но что — понять нельзя, —
Во всякомъ случаѣ, ея разсказъ
Не изъ веселыхъ...

Королева.

Да, — мнѣ надо съ ней
Поговорить... Вели впустить ее...

(Гораціо уходитъ.)

...Когда на сердцѣ
Темно, и совѣсть нечиста, — игрушка
Намъ кажется предвѣстникомъ несчастья.
Грѣхъ подозрителенъ, — боясь, чтобы его
Не обнаружили, онъ самъ себя порой
Предъ всѣми выставляетъ на показъ.

(Входятъ Гораціо и Офелія.)

Офелія.

Гдѣ прелестная королева Даніи?

Королева.

Ну, что, Офелія?

Офелія (*поетъ*).

Проходятъ люди мимо, — *)

Гдѣ-же милый твой?

Онъ въ шляпѣ пилигрима,

Съ посохомъ, съ сумой...

{*) Музыка къ этимъ пѣснямъ — см. „Артистъ“, № 4.}

Королева.

О, Боже! Что значить это пѣніе... Офелія?..

Офелія.

И вы спрашиваете?.. Слушайте, слушайте!

Онъ умеръ — схоронили,

Онъ въ землѣ сырой;

Могилу придавили

Дерномъ и плитой.

Видите!

Королева.

Офелія, — милая...

Офелія.

Да нѣтъ — вы слушайте:

Былъ саванъ бѣлоснѣжный

(*Входитъ Король.*)

Королева.

Взгляните на нее, государь!..

Офелія.

Весь въ гирляндахъ розъ!

Друзей толпою нѣжной
Пролило много слезь...

Король.

Что съ вами, милая Офелія?

Офелія.

Все прекрасно!.. Очень вамъ благодарна... Вѣдь вотъ рассказываютъ, что дочь булочника обратилась въ сову... Ваше величество, мы знаемъ, что мы такое, но не знаемъ, что насъ ожидаетъ въ будущемъ.... Господь Богъ да сохранить вась...

Король.

Все объ отцѣ...

Офелія.

Не будемъ объ этомъ говорить, пожалуйста! А когда спросятъ, что это все значитъ, можете отвѣтить:

Вотъ Валентиновъ день насталь,
Я поднялась съ зарей...
«—Я, Валентина, милый другъ,
Стою передъ тобой...»

* * *

Вскочивъ съ постели, отворилъ
Предъ дѣвушкой онъ дверь...
Она вошла... Потомъ ушла...
Дѣвицы нѣтъ теперь!

Король.

Офелія, дорогая...

Офелія.

А! что клятвы!.. Я уже закончу:

О, Боже, Боже! Обмануть
Несчастную — за что?
Ахъ, что за важность! родъ мужской
И созданъ вѣдь на то...

* * *

— Ты обѣщаль вести къ вѣнцу?..
Увы, мои мечты!..
— Я обѣщаль дѣвицѣ — да!
Дѣвица развѣ ты?..

Король.

Давно-ли это съ ней?

Офелія.

Я надѣюсь, что все кончится хорошо: надо быть терпѣливыми. Но мнѣ ничего не осталось, какъ только плакать, когда вспомню, что онъ въ холодной землѣ. Мой братъ, конечно, долженъ узнать про это,— и я благодарю васъ за добрый совѣтъ. Велите подать карету. Покойной ночи милья, прелестныя дамы.... покойной ночи... покойной ночи.... (*Уходитъ.*)

Король.

Гораціо — прошу васъ хорошенько
За ней слѣдите — очень васъ прошу.
(**Гораціо** *уходитъ.*)
Какъ глубоко, какъ страшно это горе!
Безспорно, смерть отца — его причина
Гертруда, о, Гертруда! знай: печали
Не ходять одиночно, — цѣлымъ войскомъ
Онъ идуть на насъ... Убить Полоній, —
Твой сынъ въ изгнаньѣ, — (заслужилъ вполнѣ
Своимъ поступкомъ онъ изгнанье это) —
Народъ взволнованъ, — говоръ тутъ и тамъ
Идетъ насчетъ убійства... Мы большую
Ошибку сдѣлали, похоронивъ
Его тайкомъ, безъ почестей народныхъ...
Теперь — Офелія! ея разсудокъ
Затмился, и она уже себѣ
Принадлежать не можетъ: человекъ
Безъ разума — картина — звѣрь, не больше....
И наконецъ, послѣдняя бѣда,
Важнѣйшая быть можетъ: воротился
Изъ Франціи сюда тайкомъ Лаэртъ...
Его душа сомнѣньями полна, —
Сомнительные слухи о кончинѣ

Его отца передаются всюду —
Потребность въ этихъ гнусныхъ клеветахъ
Остановить нельзя: изъ устъ въ уста
Передаваться будетъ наше имя...
О, милая Гертруда, это все
Смертельнымъ для меня грозить исходомъ.

(Шумъ за дверями.)

Королева.

Что тамъ за шумъ!

(Входитъ Придворный.)

Король.

Послушай — что такое?

Тѣлохранителей позвать скорѣе
И двери охранять, — въ чемъ дѣло?

Придворный.

Ваше

Величество, спасайтесь!... Тамъ Лаэртъ,
Съ толпою возмущенной, опрокинулъ
Всѣхъ вашихъ слугъ... Его толпа вождемъ
Своимъ зоветъ: бывшее позабыто, —
Толпа реветъ: «Тебя мы избираемъ,
Ты будешь королемъ! Лаэртъ — король!»

Королева.

Съ какимъ восторгомъ, подлѣя собаки,
Измѣнники, ревутъ на ложный слѣдъ...

Король.

Ворвались...

(Шумъ за сценой. Лаэртъ вооруженный, за нимъ Датчане.)

Лаэртъ.

Гдѣ король? А вы, друзья,
Останьтесь тамъ, оберегайте дверь.
Мерзавецъ! Отвѣчай — гдѣ мой отецъ?

Король.

О, успокойся, милый мой Лаэртъ!

Лаэртъ.

Малѣйшая частица, капля крови,
Которая теперь во мнѣ могла бы
Спокойною остаться, — будетъ явнымъ
Свидѣтельствомъ, что мой отецъ обмануть
Былъ матерью, что я не сынъ его...

Король.

Что за причина этого возстанья?...
Оставь его, Гертруда, — не страшись
За нашу жизнь, — особа короля
Окружена священнымъ ореоломъ, —
Свои мечи измѣна преклоняетъ
Передъ лицомъ монарха... Говори,
Лаэртъ, — чѣмъ раздраженъ ты? О, Гертруда,
Оставь его!... Ну, что же — говори!

Лаэртъ.

Гдѣ мой отецъ?

Король.

Онъ умеръ.

Королева.

Но король
Невиненъ въ смерти...

Король.

Дальше!

Лаэртъ.

Какъ онъ умеръ?

Я шутокъ не терплю!...
Я не боюсь мукъ ада! Я надъ этой
И надъ грядущей жизнью смѣюсь!

Пусть будет то, что будет! Все равно!
Вот до чего дошелъ я! — я отмщу
За смерть отца во что бы то ни стало!

Король.

Что-жь можетъ помѣшать тебѣ?

Лаэртъ.

Ничто!

Ничто не помѣшаетъ! Цѣлый міръ
Не остановитъ... Силь настолько хватить,
Что совершу я все!

Король.

Лаэртъ, послушай:

Ужели ты, желая правду знать
О смерти твоего отца, желаешь,
Охваченный порывомъ мести, всѣхъ
Губить — и друга и врага? —

Лаэртъ.

Врага!

Врага и только...

Король.

Хочешь знать, кто онъ?

Лаэртъ.

Друзьямъ я вотъ какъ широко раскрою
Объятія свои, — какъ пеликанъ,
Я кровію своей ихъ напою.

Король.

Ну, вотъ теперь, Лаэртъ, ты говоришь,
Какъ добрый сынъ, какъ представитель рода. —
Я въ смерти твоего отца невиненъ,
И опечаленъ ею чрезвычайно, —

Тебѣ сейчасъ все это ясно станеть,
Какъ Божій день...

Датчане (за сценой).

Пускай она войдетъ!

Лаэртъ.

Что тамъ! что тамъ за шумъ?
(Входитъ Офелія, фантастически убранная цвѣтами.)

О Боже, Боже!

Огонь небесный, изсуши мнѣ мозгъ,
Вы, слезы, — выжгите мои глаза,
Клянусь, клянусь я за твое безумье
Возмездіемъ ужаснымъ отплачу!..
Цвѣтокъ весенній мой, сестра моя,
Офелія!... О Господи!

Офелія (поетъ).

Несли его въ гробъ съ открытымъ лицомъ...
И плакали всѣ и рыдали...
Прощай, голубокъ мой!...

Лаэртъ.

Останься у тебя разсудокъ, ты не возбудила бы меня къ мести больше,
чѣмъ теперь...

Офелія.

А вы спойте какъ пряжи поютъ: «къ концу, къ концу, — скорѣй къ концу!»
Хорошая пѣсня. Это былъ лживый управляющій: онъ укралъ у господина
дочь...

Лаэртъ.

Это бредъ, но сколько въ немъ смысла!

Офелія.

Вотъ розмаринъ — это для памяти... Помни обо мнѣ, милый, дорогой!..
Вотъ незабудка, — чтобъ мысли всегда обо мнѣ были...

Лаэртъ.

Безуміе и правда вмѣстѣ... Былыя воспоминанія еще свѣжи...

Офелія.

Вотъ вамъ укропъ и водосборъ... Вотъ вамъ рута... Мнѣ тоже рута,— для меня она трава воскресной молитвы... Вы можете руту носить съ другимъ девизомъ. А вотъ маргаритка... А фіалокъ нѣтъ, онѣ всѣ завяли, когда отецъ мой умеръ... Говорять, онъ такъ спокойно умеръ... *(Поеть.)*

Тебѣ моя радость, о, счастье мое!...

Лаэртъ.

И страсть и горе, даже самый адъ,
Въ ея устахъ красой небесной дышуть!

Офелія *(поеть)*.

Онъ больше не придетъ!
Онъ больше не придетъ!
Онъ больше не вернется!...
Онъ умеръ,— сердце не бьется,
Онъ больше не придетъ! —
Онъ весь былъ съдиной
Украшень снѣговъ бѣлѣй,
Въ могилѣ онъ подъ землей,—
Не надо плакать надъ ней:
Боже,— душу его упокой!

И души всѣхъ христіанъ!.. Молю Господа!.. Да не оставитъ васъ Богъ...
(Уходитъ.)

Лаэртъ.

Боже, видишь-ли Ты это?

Король.

Лаэртъ,— когда ты хочешь справедливымъ
Быть предо мной,— съ тобою раздѣлить
Твою печаль я долженъ... Но сначала
Ты избереши среди своихъ друзей
Мудрѣйшихъ,— пусть они рѣшатъ нашъ споръ,

Всѣ выслушаютъ пререканья наши,
И будутъ судьями межъ нами. Если
Они найдутъ, что я причастенъ къ дѣлу
Убійства твоего отца, — готовъ
Отдать я все: корону, жизнь и царство, —
Все, что своимъ теперь считаю я —
Но если нѣтъ, — то долженъ терпѣливымъ
Ты быть, — съ тобою мы соединимся,
Чтобъ вмѣстѣ объ отмщеньѣ помышлять.

Лаэртъ.

Пусть будетъ такъ!.. Я мести жажду, мести!

Король.

Повѣрь: ты будешь удовлетворенъ, —
И гдѣ вина — тамъ упадетъ ударъ
Возмездія... *) Пойдемъ со мной...

{*} Возможенъ прямо переходъ къ вопросу Лаэрта — «Но что-жъ теперь» и т. д. Сцена же
Гораціо пропускается.}

(Уходятъ.)

(Входятъ Гораціо и Слуга.)

Гораціо.

Кто спрашивалъ меня?

Слуга.

Матросы, сударь, —
Они пришли съ письмомъ какимъ-то къ вамъ.

Гораціо.

Пускай войдутъ! *(Слуга уходитъ.)* Матросы и письмо, —
Откуда, изъ какой земли?... Кто, кромѣ
Гамлета, можетъ написать ко мнѣ?

(Матросы входятъ.)

Матрость.

Господь васъ благослови, сударь!

Гораціо.

И васъ также...

Матросъ.

На все воля Божья... Вотъ письмо отъ посланника, что въ Англию отправлень. Если вы — Гораціо, какъ мнѣ сказали, такъ это къ вамъ.

Гораціо (*читаетъ*).

«Гораціо, когда ты прочтешь это посланіе, — дай средство этимъ ребятамъ дойти до короля; у нихъ есть къ нему письма. На второй день нашего плаванія, за нами погнался корабль съ пиратами и притомъ очень внушительный. Видя, что намъ отъ него на нашихъ парусахъ не уйти, пришлось напустить на себя храбрость. Въ горячей схваткѣ, я перепрыгнулъ на ихъ палубу, — въ эту минуту они отчалили, и я остался у нихъ единственнымъ плѣнникомъ; вели себя они со мною, какъ могутъ вести себя мерзавцы, прикидывающіеся порядочными людьми... Но они знали что дѣлали, — и я долженъ сослужить имъ службу. Пусть передадутъ королю мои письма, а ты спѣши ко мнѣ, съ такой быстротой, словно ты спасался бы отъ смерти. У меня есть для тебя такое повѣствованіе, которое заставитъ тебя окаменѣть, — и все-таки оно не передастъ того, что случилось. Эти молодцы проводятъ тебя ко мнѣ. Розенкранцъ и Гильденстернъ держатъ свой курсъ на Англию, — о нихъ у меня тоже есть что поразсказать. Прощай, твой, какъ всегда, Гамлетъ».

Пойдемте! Я васъ провожу, куда
Отдать должны вы письма, — поскорѣе...
Потомъ меня сведете вы къ тому
Кто васъ сюда послалъ... (*Уходятъ*)
(*Входятъ* **Король и Лаэртъ.**)

Король.

Теперь съ меня ты снимешь обвиненье, —
Теперь меня зачислить долженъ ты
Въ число друзей твоихъ, друзей ближайшихъ
Ты знаешь все: убійца твоего
Отца, — имѣлъ посягнуенье также —
И на меня...

Лаэртъ.

Но что-жь теперь?.. Отецъ
Лежитъ въ могилѣ, — а сестра безумна;
Она была живое воплощенье
Всѣхъ совершенствъ... О, мечь моя настанетъ! —

Король.

Оставь печаль свою, Лаэртъ, — не думай
Что мы настолько вялы и безпечны,
Чтобъ позволять смѣяться надъ собою —
И находить забавнымъ это... Нѣтъ, —
Ты самъ увидишь очень скоро. Я
Любилъ Полонія, — самихъ себя
Мы тоже любимъ... Можешь самъ понять...

(Входитъ Слуга.)

Ну что? какія новости?

Слуга.

Отъ принца

Гамлета письма... Королевъ, ваше
Величество, и вамъ...

Король.

Какъ? отъ Гамлета?

Кто ихъ принесъ?

Слуга.

Какіе-то матросы,

Я ихъ не видѣлъ, — письма отдалъ Клавдій...

Король.

Я ихъ прочту тебѣ, Лаэртъ... Ступай! *(Слуга уходитъ.)* *(Читаетъ.)*
«Высочайшій и могущественнѣйшій монархъ. Узнайте: я нагой высаженъ на
берегъ вашего королевства. Завтра я буду просить дозволеніе предстать предъ
ваши королевскія очи и тогда, извинившись предварительно за то, что
осмѣлился васъ обезпокоить, изложу вамъ исторію моего внезапнаго и
страннаго возвращенія. Гамлетъ».

Что это значить?... Неужели всѣ
Обратно возвратились? иль, быть можетъ, —
Все это штуки и ломанье, вздоръ...

Лаэртъ.

Рука знакома вамъ?

Король.

Да — это
Писалъ Гамлетъ... «Нагой!»
А тутъ внизу въ постъ-скриптомѣ приписка:
«Одинъ»... Что скажешь ты, Лаэртъ,
Что посоветуешь?

Лаэртъ.

Я, право, ваше
Величество, не понимаю, какъ
Все это вышло; чувствую одно —
Онъ возвратится: эта мысль мою
Печаль утѣшила... Его увижу,
Ему въ лицо швырну его поступкомъ,
Скажу: «смотри, ты вотъ что сдѣлалъ»!...

Король (*про себя*)

Такъ!
Иначе и не можетъ быть... Иначе
И поступить нельзя... (*Вслухъ.*) Лаэртъ, ты будешь
Во всемъ повиноваться мнѣ?

Лаэртъ.

О, да!
Но только если, государь, вы къ миру
Меня склонять не станете...

Король.

Я дамъ
Миръ для души твоей... Когда назадъ
Онъ возвратился самовольно, если
Онъ не желаетъ предпринять пути,
Назначеннаго нами, я устрою
Ему такое дѣло, — (совершенно
Оно теперь въ моемъ умѣ созрѣло)
Что для него нѣтъ выбора иного,
Какъ быть убитымъ... Легкій вѣтерокъ —
И тотъ не пролепечетъ обвиненья, —
И даже королева согласится,
Что это все случайность и не больше.
Два мѣсяца тому назадъ здѣсь былъ
Ламонъ, нормандецъ. Часто въ разговорѣ

Давалъ онъ лестный отзывъ о тебѣ
И о твоёмъ искусствѣ фехтованья,
И наконецъ, однажды въ восхищеньѣ
Воскликнулъ: «вотъ бы вышелъ поединокъ,
Когда бы равный съ нимъ боецъ нашелся»...
Онъ увѣрялъ, что предъ тобой нормандцы
Теряли осторожность, глазъ, проворство...
И этотъ отзывъ отравилъ Гамлету
Его покой, — онъ, завистью стора,
Лишь объ одномъ мечталъ, чтобъ ты скорѣе
Сюда прѣхалъ, чтобъ съ тобой поспорить...
Теперь ты видишь...

Лаэртъ.

Что?

Король.

Лаэртъ! послушай:

Любилъ-ли ты покойнаго отца?
На что бы ты рѣшился, доказать
Желая, что дѣйствительно въ тебѣ
Кровь твоего отца?... Одни слова
Тутъ не помогутъ...

Лаэртъ.

Я ему готовъ

Хоть въ церкви перерѣзать горло.

Король.

Да —

Нѣтъ мѣста непригоднаго убійству, —
Мечь не должна себѣ имѣть предѣловъ.
Но лучше это все, Лаэртъ, покончить
Домашнимъ образомъ. Гамлетъ узнаеть,
Что возвратился ты; мы передъ нимъ
Все восхвалять твое искусство будемъ,
Усилимъ вдвое то, что говорилъ
Тогда французъ, — и, наконецъ, устроимъ
Вашъ поединокъ, и закладъ положимъ.
Онъ такъ безпечень, такъ великодушень,
Онъ такъ далекъ отъ козней, что не станетъ
Смотрѣть рапирь, — и ты сумѣешь ловко

Затупленный конецъ перемѣнить
На остріе: одинъ ударъ искусный —
И смерть отца оплачена вполнѣ.

Лаэртъ.

Я это сдѣлаю. Для вѣрной цѣли,
Я остріе свое намажу ядомъ,
Бродячій лѣкаръ мнѣ его ссудилъ.
Конецъ рапиры намочить немного
И никакія зелья и припарки
Цѣлебныхъ травъ во всемъ подлунномъ мірѣ
Отъ смерти не спасутъ, хотя бы только
Царапина пустила каплю крови...
Я этимъ ядомъ шпагу омочу, —
Пусть легкое мое прикосновенье
Ему дастъ смерть.

Король.

Объ этомъ хорошенько
Подумать надо: время, обстановку,
Все надо взвѣсить, — если подозрѣнье
Прокрадется въ намѣреніе наше
Со стороны кого-нибудь, — такъ лучше
Не трогать этотъ планъ... Должны мы крѣпко
Стоять на нашей почвѣ, — если рухнетъ
Все наше предпріятіе — должны
По-прежнему стоять мы также твердо...
Постой... Есть у меня соображенье...
Большой закладъ положимъ мы предъ боемъ...
Да, это ясно, такъ!...
Когда васъ бой разгорячитъ, и жажду
Почувствуете вы (а ты старайся,
Чтобъ ваши стычки были горячѣй),
Когда онъ пить попроситъ, — я ему
Такую чашу поднесу — что будетъ
Глотка довольно, чтобы неудачный
Ударъ поправить твой... Но что такое?

(Входитъ Королева.)

Что, королева?

Королева.

Горе

Одно другому вслѣдъ идетъ такъ быстро!...
Лаэртъ, твоя сестра въ волнахъ погибла.

Лаэртъ.

Погибла, гдѣ?

Королева.

Гдѣ надъ водой растетъ склонившись ива,
Глядясь въ волну серебряной листвою,
Туда пришла Офелія съ цвѣтами,
Вся въ лиліяхъ, фіалкахъ и крапивѣ, —
Она хотѣла пестрые вѣнки
Развѣсить средь вѣтвей на этой ивѣ,
Но вѣтвь сломилась — въ плачущій потокъ
Попадали душистыя гирлянды,
Она сама упала вслѣдъ за ними...
Широко распустившись по водѣ,
Не держало платье какъ русалку...
Она, свою не замѣчая гибель,
Обрывки пѣла изъ старинныхъ пѣсень, —
Казалось, что съ водой она сроднилась...
Но долго это длиться не могло:
Намокло платье; пѣніе замолкло, —
И ложе изъ подводныхъ травъ объятъ
Раскрыло ей.

Лаэртъ.

Она погибла?

Королева.

Да!...

Лаэртъ.

Въ потокѣ много для тебя воды,
Офелія, — зачѣмъ же слезъ потоки
Невольно хлынули изъ глазъ моихъ?...
Не надо плакать!.. Слезы — дѣло женщинъ!
Но нѣтъ — сильна природа... совладать
Съ ней невозможно... Государь! простите!...
Есть огненные рѣчи у меня,

Онѣ могли бы вспыхнуть съ мощной силой...
Но видите — я плачу... глупыхъ слезъ
Волна весь пылъ, весь пламень загасила...
(Уходитъ.)

АКТЪ ПЯТЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Кладбище.

(Входятъ два могильщика съ лопатами и проч.)

1-й могильщикъ. Развѣ по христіански хоронять тѣхъ, которые сами отправляютъ себя въ царствіе небесное?

2-й могильщикъ. Вѣдь тебѣ сказано! ну, и ровнай могилу. Слѣдователь ее долго осматривалъ и рѣшилъ: «это христіанскій обрядъ!»

1-й могильщикъ. Какъ-же это можетъ быть, — вѣдь это самоубійство не было защитой отъ нападенія?

2-й могильщикъ. Такъ рѣшили!

1-й могильщикъ. Должно быть это было самонападеніе! Иначе быть не можетъ! Вѣдь тутъ вотъ въ чемъ дѣло: если я топлюсь сознательно, — значитъ я совершаю дѣяніе. Всякое дѣяніе имѣетъ три степени: дѣйствіе, совершеніе и исполненіе. Значитъ, она утопилась сознательно.

2-й могильщикъ. А вотъ, ты, дѣдь, послушай!

1-й могильщикъ. Постой! Вотъ тутъ вода... Хорошо. Здѣсь человѣкъ стоитъ... Хорошо. Если человѣкъ идетъ къ этой водѣ и топится, — значитъ ужъ хочешь-не-хочешь, а ужъ это такъ... Замѣчаешь?.. Ну, а если вода къ нему пойдетъ и топить его, такъ онъ самъ себя не топить. Значитъ, кто самъ себя не лишилъ жизни, тотъ не самоубійца.

2-й могильщикъ. Это законъ такой?

1-й могильщикъ. Это законъ для слѣдствія о самоубійцахъ!

2-й могильщикъ. А знаешь, не будь она благородная, — ее бы вѣдь по христіанскому обряду не хоронили...

1-й могильщикъ. Это вѣрно: важные люди имѣютъ всегда больше права топиться и вѣшаться, чѣмъ прочіе христіане... Ну-тка за лопаты! Нѣтъ древнѣе дворянъ, какъ садовники, землекопы, и могильщики: они поддерживаютъ ремесло Адама.

2-й могильщикъ. Да развѣ онъ былъ дворянинъ?

1-й могильщикъ. Онъ былъ первый, имѣвшій право держать при себѣ орудія...

2-й могильщикъ. Ну, орудій-то у него не могло быть...

1-й могильщикъ. Что! язычникъ ты, что-ли? Въ писаніи сказано: Адамъ копалъ. А какъ же онъ безъ орудій копалъ? А вотъ тебѣ еще вопросъ: только не отвѣтишь складно, сознайся...

2-й могильщикъ. Ну!

1-й могильщикъ. Кто строитъ прочнѣе: каменщики, корабельщики или плотники?

2-й могильщикъ. Тотъ, кто висѣлицу дѣлаетъ: тысячу жильцовъ переживетъ такое помѣщеніе.

1-й могильщикъ. А ты, братъ, уменъ, нечего сказать! Висѣлица тутъ пришла къ мѣсту... Только для кого?... Она по мѣркѣ приходится тѣмъ, кто скверно поступаетъ... Ты, напримѣръ, поступаешь скверно, говоря, что висѣлица прочнѣе церкви. Значитъ для тебя тутъ висѣлица какъ разъ на мѣстѣ. — Ну, начинай снова! Ну!

2-й могильщикъ. Кто строитъ крѣпче: каменщики, корабельщики или плотники?

1-й могильщикъ. Ну, ну, — стаскивай хомутъ, что-ли!

2-й могильщикъ. А я знаю!...

1-й могильщикъ. Ну!

2-й могильщикъ. Нѣтъ, не знаю!

(Входятъ Гамлетъ и Гораціо.)

1-й могильщикъ. Не колоти себя по мозгамъ: осель отъ колотушекъ скорѣй не пойдетъ. А когда тебѣ такой вопросъ предложить, говори: — могильщикъ, — домовъ, которые онъ строитъ, хватить до страшнаго суда. — Сбѣгай-ка къ Юганну, да принеси мнѣ выпить.

(Второй могильщикъ уходитъ.)

1-й могильщикъ *(копаетъ и поетъ)*.

Я молодъ былъ, любилъ,
Жениться собирался,
Я молодъ, веселъ былъ,
Мнѣ шуткой міръ казался...

Гамлетъ. Неужели у него нѣтъ сознанія, что онъ дѣлаетъ: роетъ могилу и поетъ?

Гораціо. Привычка: онъ легко на это смотритъ!

Гамлетъ. Да, чтобы развить тонкость чувствъ, надо ничего не дѣлать.

1-й могильщикъ *(поетъ)*.

Но старость подлая тишкомъ
Подкралась... Все пропало!
Въ бокахъ лишь колики да ломъ,
Любви какъ не бывало!
(Выкидываетъ черепъ).

Гамлетъ. Въ этомъ черепѣ былъ языкъ, — вѣдь и онъ могъ пѣть... Какъ этотъ негодяй его швыряетъ на землю, — словно это кости Каина-первоубійцы... Быть можетъ, то была голова дипломата, а теперь этотъ осель ею распоряжается... Голова, которая, быть можетъ, могла перехитрить Бога... Какъ ты думаешь?

Гораціо. Возможно, принцъ.

Гамлетъ. Или, быть можетъ, то былъ придворный, который говорилъ: осмѣлюсь пожелать вамъ добраго утра, ваше высочество!... Какъ вы изволите себя чувствовать, ваше высочество!...

Гораціо. Очень возможно, ваше высочество.

Гамлетъ. Да,— а теперь это собственность властелина-червя, — челюсть потеряна, по скуламъ стучитъ лопата могильщика... Что за переворотъ!... Если бы мы могли его постигнуть? Неужели эти кости для того только были созданы, чтобы играть ими, какъ кеглями...

1-й могильщикъ (*поетъ*).

Лишь саванъ нуженъ гробовой,
Да яма въ жидкой глинь...
Вотъ все — въ чемъ только родъ людской
Нуждается понынѣ.
(*Выкидываетъ черепъ*).

Гамлетъ. Вотъ еще одинъ!.. Не черепъ-ли это какого нибудь адвоката? Гдѣ теперь его крючки, ябеды, дѣла, условія, его продѣлки?.. Какъ онъ позволяетъ этому грубому дураку колотить себя грязнымъ заступомъ по затылку,— не скажетъ ему, что притянетъ его къ суду за оскорбленіе? Неужели въ томъ заключалась цѣль его статей и неустойки-неустоекъ, чтобы его прекрасный затылокъ наполнился прекрасной грязью?... Всѣ его поручительства ручаются за его покупку, которую въ длину и ширину можно прикрыть двумя контрактами... Да одни его вводы во владѣніе не помѣстились бы въ такомъ ящикѣ. Вѣдь пергаментъ дѣлается изъ бараньихъ шкуръ?

Гораціо. Да, принцъ, и изъ телячьихъ тоже.

Гамлетъ. Какіе бараны и телята тѣ, что вѣрятъ въ прочность того, что пишется на пергаментѣ! Я хочу поговорить съ этимъ... Любезный, это чья могила?

1-й могильщикъ. Моя-съ (*поетъ*).

Вотъ все, въ чемъ только родъ людской
Нуждается понынѣ...

Гамлетъ. Ну да, твоя, потому что ты копаешь ее и копая ее мелешь вздоръ.

1-й могильщикъ. Ну, а вы вздоръ мелете, а ее не копаете,— значитъ она не ваша. А я вотъ хоть и не мелю стоя здѣсь, а она моя.

Гамлетъ. Да вѣдь ты мелешь, говоря, что она твоя, она для мертваго, а не для живаго...

1-й могильщикъ. Вранье-то живое... отъ меня, да къ вамъ — такъ и идетъ...

Гамлетъ. Для какого это господина ты готовишь ее?

1-й могильщикъ. Да ни для какого...

Гамлетъ. Ну, для какой женщины?

1-й могильщикъ. Тоже ни для какой.

Гамлетъ. Такъ кого-же хоронитъ будутъ?

1-й могильщикъ. А была она, царствіе ей небесное, женщиной, а теперь умерла...

Гамлетъ. Какъ этотъ плутъ любить точность! Съ нимъ надо говорить осторожно,— онъ насъ загоняетъ двусмысленностями... Ей Богу, Гораціо, я замѣтилъ, что за послѣдніе года свѣтъ такъ изощрился, что носокъ прохвоста наступаетъ на пятку придворнаго,— и даже сдираетъ съ нея кожу... Давно-ли ты могильщикомъ?

1-й могильщикъ. А я взялся за свое ремесло въ тотъ день, когда покойный нашъ король побѣдилъ Фортинбраса.

Гамлетъ. Давно это было?

1-й могильщикъ. Развѣ вы не знаете?— Всякій дуракъ это знаетъ! Случилось это въ тотъ самый день, когда молодой Гамлетъ родился:— вотъ тотъ, что теперь съума сошелъ и отосланъ въ Англію.

Гамлетъ. Почему же онъ отосланъ въ Англію?

1-й могильщикъ. Почему? Потому, что онъ съ ума сошелъ. Онъ тамъ опять умнымъ станетъ... А и не станетъ, такъ не велика бѣда.

Гамлетъ. Что такъ?

1-й могильщикъ. Тамъ оно замѣтно не будетъ; тамъ всѣ такіе же полоумные, какъ и онъ.

Гамлетъ. Какъ-же онъ съ ума сошелъ?

1-й могильщикъ. Престраннымъ манеромъ.

Гамлетъ. Какимъ-же это престраннымъ манеромъ?...

1-й могильщикъ. Взялъ, да и помѣшался!

Гамлетъ. На чемъ-же онъ помѣшался?

1-й могильщикъ. Да должно быть на землѣ здѣшной... Такъ вотъ, значитъ, я могильщикомъ всего навсего,— тридцать лѣтъ.

Гамлетъ. А что, долго человѣкъ пролежитъ въ землѣ прежде чѣмъ сніетъ?

1-й могильщикъ. Да если не сніетъ заживо,— (у насъ такихъ труповъ много: едва въ гробъ уложить можно, чтобъ не развалились) ну, тогда продержится кое какъ восемь, девять лѣтъ... Кожевенникъ девять лѣтъ выдержитъ.

Гамлетъ. Почему-же кожевенникъ дольше?

1-й могильщикъ. Потому, что его шкура такъ продубится отъ его занятій, что не пропуститъ въ себя воды долгое время,— а вода самый злой врагъ для вашихъ золотушныхъ труповъ. Вотъ вѣдь этотъ черепъ: лежитъ въ землѣ двадцать три года.

Гамлетъ. Чей онъ?

1-й могильщикъ. Одного золотушнаго мерзавца... Чей бы вы думали?

Гамлетъ. Не знаю.

1-й могильщикъ. Будь онъ проклятъ за свои полоумныя шутки! Онъ мнѣ разъ вылилъ на голову кубокъ рейнскаго вина. Этотъ черепъ, сударь, черепъ Йорика, королевскаго шута.

Гамлетъ. Этотъ? (*беретъ черепъ*).

1-й могильщикъ. Этотъ самый.

Гамлетъ. Увы! бѣдный Йорикъ! Я его зналъ, Гораціо. Это былъ малый безпредѣльнаго остроумія, съ неистощимой фантазіей. Тысячу разъ онъ носилъ

меня на своихъ плечахъ... А теперь какъ онъ отвратителенъ... мнѣ даже тошно дѣлается... Вотъ тутъ были тѣ губы, что я цѣловалъ такъ часто. Гдѣ теперь твои остроты, шутки твои, твои пѣсни, твои порывы веселья, заставлявшіе, бывало, весь столъ заливаться смѣхомъ? Ничего не осталось, чтобъ посмѣяться надъ твоей гримасой... Даже челюсти нѣтъ... Теперь бы тебѣ пробраться къ какой-нибудь барынѣ въ уборную, да сказать: накладывайте, сударыня, бѣлилъ и румянъ хоть на цѣлый дюймъ на лицо, а въ концѣ концовъ вы все-таки будете на меня похожи... Пусть она похочетъ надъ этимъ... Гораціо, — скажи мнѣ, пожалуйста, одну вещь...

Гораціо. А именно, ваше высочество?...

Гамлетъ. Какъ ты думаешь: Александръ Великій такимъ-же выглядѣлъ въ землѣ?

Гораціо. Точно такимъ-же.

Гамлетъ. И отъ него пахло такъ-же? Пха!... *(Бросаетъ черепъ.)*

Гораціо. Совершенно такъ-же, принцъ.

Гамлетъ. До какого жалкаго употребленія мы можемъ низойти, Гораціо. Наше воображеніе можетъ прослѣдить благородный прахъ Александра до того времени, когда имъ законопатятъ пивную бочку.

Гораціо. Странная мысль!

Гамлетъ. Но вѣдь это вѣрно: мы можемъ дойти до нея очень просто, логично, — ну хоть такъ: Александръ умеръ, Александръ погребенъ, Александръ превратился въ прахъ. Прахъ — это земля, изъ земли добывается известь и глина. Почему же этой известью, въ которую онъ превратился, не могли законопатить пивнаго боченка?

Великій цезарь, въ глину превращенный,
Вдругъ на замазку дыръ пошелъ въ домахъ, —
Что поражало міръ колѣнопреклоненный, —
То служитъ для замазки на стѣнахъ!

Но тише! Отойдемъ! Сюда идутъ....

(Идетъ процессія; гробъ Офеліи, Лаэртъ; родственники, Король, Королева, свита и пр. За сценой погребальный колоколъ и похоронный маршъ).

Король и королева... дворъ за ними...
Кого они хоронятъ..? Что за скромность...
То несомнѣнно былъ самоубійца,
Въ отчаянны покончившій съ собой, —
Но ктонибудь изъ знати, — отойдемъ,
Укроемся на время и посмотримъ. —
(Отходитъ съ Гораціо).

Лаэртъ

Еще обрядъ!...

Гамлетъ

Вѣдь это благородный
Лаэртъ, смотри....

Лаэртъ

Еще обрядъ, еще!

Отшельникъ.

Насколько было права — погребальный
Обрядъ исполнить — нами онъ свершень....
Темна ея кончина, — и когда-бы
Не получилъ нашъ орденъ приказанья
Отъ короля, — лежала бы она
Не на святомъ кладбищѣ до суда
Послѣдняго, — ее бы проводили
Въ могилу не горячія молитвы,
А черепки, кремни и камни.... Здѣсь-же
Допущены и дѣвичьи вѣнки,
И покрывала дѣвичьи, и вынось,
И погребальный звонъ....

Лаэртъ

И это все?

Отшельникъ.

Все. Еслибъ мы надъ нею прочитали
Потребныя для похоронъ молитвы,
То тѣмъ бы осквернили нашъ обрядъ.

Лаэртъ

Спускайте-же ее въ могилу. Пусть
Изъ чистаго и чуднаго созданья
Растутъ весеннія фіалки....

Гамлетъ

Что?

Офелія.... Краса моя....

Королева (*бросая цвѣты*)

Цвѣты

Цвѣтку! Прости!.. Надѣялась я видѣть
Тебя женой Гамлета и цвѣтами
Усыпать ложе брачное твое,
Не крышку гробовую....

Лаэртъ

Еслибъ горе

Тягчайшее упало на главу
Проклятаго, своимъ поступкомъ гнуснымъ
Исторгшаго твой свѣтлый, чистый разумъ!
О, не бросайте землю, дайте мнѣ
Въ послѣдній разъ обнять ее!...

(Спрыгиваетъ въ могилу).

Теперь

Валите глину вашу на живаго
И мертвую, пока не вознесете
Такую гору, что главой превыситъ
Олимпъ и Пеліонъ лазурный...

Гамлетъ *(Приближаясь.)*

Кто

Такъ громко здѣсь высказываетъ горе?
Кто въ небѣ звѣзды заклинаетъ?... Я —
Гамлетъ, наслѣдникъ датскаго престола.

(Прыгаетъ въ могилу.)

Лаэртъ

Чтобъ сатана

Твою взялъ душу!

(Схватывается съ принцемъ.)

Гамлетъ

Скверная молитва!

Прошу отнять отъ горла моего
Скорѣе руки... Я хотя не золь
И не горячь, — но что-то есть во мнѣ
Опасное, чего должно страшиться
Твое благоразуміе! Прочь руки!

Король

Разнять их!

Королева

О, Гамлетъ! Гамлетъ!..

Голоса

Постойте!

Гораціо

Принцъ, дорогой мой, успокойтесь!
(Ихъ разнимаютъ. Они выходятъ изъ могилы.)

Гамлетъ

Да!

Да, — я объ этомъ съ нимъ готовъ поспорить
Пока дышу....

Королева

О чемъ, мой сынъ, о чемъ?

Гамлетъ

Ее любилъ я. Сорокъ тысячъ братьевъ
Сильнѣй меня любить ее не могутъ...
Что для нея ты сдѣлаешь?...

Король

Лаэртъ —

Вѣдь это сумасшедшій!

Королева

Пощадите

Его, — я умоляю!

Гамлетъ

Чортъ возьми!

Да что-жь ты хочешь дѣлать? Хочешь плакать?
Поститься? драться? истязать себя?
Пить уксусъ, крокодиловъ ѣсть? — и я,
Я тоже сдѣлаю! теперь ты воешь,
Чтобъ разбѣсить меня, спрыгнуль въ могилу,
Кричишь — живаго зарывайте съ ней!
Я тоже сдѣлаю! ты можешь голосить: —
Я бѣсноваться точно также буду!

Королева

Но это помѣшательство. Припадокъ
Минуетъ скоро... Кроткимъ какъ голубка
Потомъ опять онъ будетъ....

Гамлетъ

Нѣтъ — послушай:
Зачѣмъ ты такъ относишься ко мнѣ?...
Я такъ любилъ тебя!.. Но все равно!
Чтобъ Геркулесь ни совершалъ, — все кошка
Мяукать будетъ, — а собака ждать,
Когда ея чередъ визжать настанетъ...
(Уходитъ.)

Король

Иди, Гораціо, слѣди за нимъ.
Гертруда, учреди надзоръ за сыномъ.
Не долго ждать — часы успокоенья
Для всѣхъ для насъ теперь наступятъ скоро...

АКТЪ ПЯТЫЙ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

**Комната въ замкѣ.
(Гамлетъ и Гораціо).**

Гамлетъ.

Объ этомъ будетъ... О другомъ теперь...
Ты помнишь обстоятельства?...

Гораціо.

Еще бы!

Гамлетъ.

Въ моей душѣ какая-то борьба
Кипѣла, не давала спать. Порою
Казалось мнѣ, что я лежу въ оковахъ,
Какъ бунтовщикъ-матросъ. Потомъ, внезапно,
Накинувъ плащъ, я вышелъ изъ каюты,
И ощупью найдя пакеты, снова
Къ себѣ вернулся. Всякое приличье,
Отбросивъ, вскрылъ я письма, и нашель,
Гораціо... О, гнусное холопство!
Я въ нихъ нашель приказъ... Онъ подкрѣпленъ
Быль доводами важными: для блага
И Даніи, и Англіи — нужна
Моя погибель тотчасъ-же, немедля:—
Едва ступлю я на британскій берегъ
Мнѣ надо голову срубить...

Гораціо.

Возможно-ль?

Гамлетъ.

Вотъ эти письма, — можешь на свободѣ
Прочешь ихъ! Хочешь знать, что дальше было?

Гораціо.

Прошу васъ, принцъ.

Гамлетъ.

Опутанный сѣтями

Интриги подлой, не успѣлъ я мысли
Въ порядокъ привести, когда невольно
Ужъ дѣло было сдѣлано. Я сѣлъ
И сочинилъ посланіе другое.
Когда то я считалъ позорнымъ дѣломъ
Нашъ стиль напыщенный и все старался
Его забыть. Теперь онъ очень кстати

Пришелся мнѣ. Ты хочешь знать, что я
Имъ написалъ?

Гораціо.

Конечно, принцъ, хочу!

Гамлетъ.

«Отъ Даніи монарха. Очень важно.
«Такъ какъ Британія была всегда
«Его вѣрнѣйшей данницей, то чтобы
«Любовь межъ ними процвѣла какъ пальма,
«Чтобъ вѣчный миръ не пересталъ носить
«Своей гирлянды изъ золотыхъ колосьевъ»...
Ну и такъ далѣе, — все «чтобы, чтобы».... —
«Британія немедленно должна
«Прочтя письмо, безъ дальнихъ проволочекъ
«Казнить подателей его, не давши
«Для покаянія имъ времени»...

Гораціо.

Но какъ-же

Вы запечатали?

Гамлетъ.

О, даже въ этомъ
Небесное я вижу Провидѣнье!
Я у себя нашелъ печать отца:
Моделью государственной печати
Она была. Свернулъ я точно также
Мое письмо какъ прежнее, печати
Привѣсилъ, надписалъ и осторожно
На мѣсто положилъ. Потомъ на утро
Случилось намъ съ пиратами столкнуться.
Что было далѣе, — ты это знаешь...

Гораціо.

И такъ, тѣ двое идутъ на смерть?

Гамлетъ.

Да,—

Но, вѣдь, Гораціо,— она же сами
Стремились въ Англію,— и совершенно
Моя покойна совѣсть. Ихъ конецъ —
Лишь слѣдствіе ихъ мерзостей. Опасно
Всегда душенкамъ подленькимъ соваться
Подъ мощные удары великановъ...

Гораціо.

Но нашъ король!

Гамлетъ.

Послушай, не пора-ли
За дѣло взяться мнѣ? Онъ короля-
Отца сгубилъ и мать безчестью предалъ...
Онъ между мною и моимъ престоломъ
Проползъ такъ ловко,— и разставилъ сѣти
На жизнь мою... Не будетъ-ли спокойна
Моя душа, когда я съ нимъ покончу
Вотъ этою рукой?... Не грѣхъ-ли тяжкій
Дозволить язвѣ этой разрастаться?...

Гораціо.

Онъ скоро изъ Британіи получитъ
Извѣстія о результатѣ...

Гамлетъ.

Скоро!

Но промежутокъ мой... А жизнь земная
Не больше, чѣмъ сказать успѣешь: разъ!
Ахъ, мнѣ такъ жаль, Гораціо, что я
Забылся до того передъ Лаэртомъ,—
Въ самомъ себѣ его я вижу душу...
Я постараюсь возвратить себѣ
Его расположеніе, но право
Хвастливая его печаль меня
Взбѣсила.

Гораціо. Тише! Кто-то къ намъ идетъ. (*Входитъ Озрикъ*).

Озрикъ. Имѣю счастье поздравить васъ, ваше высочество, съ
возвращеніемъ въ Данію.

Гамлетъ. Очень вамъ благодаренъ. (*Гораціо.*) Ты знаешь эту стрекозу?

Гораціо. Нѣтъ, ваше высочество.

Гамлетъ. Тѣмъ лучше для тебя: знать его — порокъ.

Озрикъ. Многоуважаемый принцъ! Если бы у вашего высочества была минута свободнаго времени, я бы вамъ осмѣлился передать одну вещь отъ его величества...

Гамлетъ. Отъ всей души готовъ принять эту вещь... Дайте настоящее назначеніе вашей шляпѣ: она сдѣлана для головы.

Озрикъ. Благодарю васъ, ваше высочество, очень жарко.

Гамлетъ. Нѣтъ, право, холодно: сѣверный вѣтеръ.

Озрикъ. Порядочно холодно, ваше высочество.

Гамлетъ. И все-таки мнѣ кажется, что очень душно и жарко... или моя комплекція...

Озрикъ. Душно, ваше высочество, ужасно. Такъ душно, такъ душно... будто... Словъ нѣтъ, какъ душно. Ваше высочество, его величество приказали мнѣ объявить вамъ, что ими положенъ большой закладъ относительно васъ. Дѣло въ томъ, ваше высочество, что...

Гамлетъ. Пожалуйста, надѣньте шляпу! *(Хочетъ ее надѣть на него.)*

Озрикъ. Нѣтъ, ваше высочество, мнѣ, право, такъ удобнѣе. Недавно, ваше высочество, ко двору прибылъ Лаэртъ. Осмѣлюсь васъ завѣрить, что это благороднѣйшій человѣкъ, преисполненный отличныхъ качествъ, обходительный, представительный. Въ немъ вы найдете все, что только можетъ знать свѣтскій человѣкъ...

Гамлетъ. Хотя ваше описаніе и превосходно, но я знаю, что такое исчисленіе смутитъ ариѳметику памяти, мы всегда будемъ лавировать по одному мѣсту сравнительно съ его быстрымъ парусомъ. Но чтобы быть правдивымъ я скажу, что считаю его душу столь необычайно свѣтлой, а его качества столь цѣнными и рѣдкими, что ему, если говорить правду, можетъ быть уподоблено только его отраженіе въ зеркалѣ, и сравняться съ нимъ можетъ только его тѣнь и никто больше.

Озрикъ. Ваше высочество изволили выразиться про него совершенно вѣрно.

Гамлетъ. Но въ чемъ же дѣло? Къ чему наше грубое дыханіе произносить имя этого достойнаго кавалера?

Озрикъ. Я знаю, принцъ, что вы обладаете свѣдѣніями...

Гамлетъ. Мнѣ очень бы хотѣлось, чтобъ вы были увѣрены, что я обладаю свѣдѣніями, хотя, говоря по правдѣ, еслибъ вы и не знали это, то мнѣ это было бы все равно... И такъ?..

Озрикъ. Вы имѣете свѣдѣнія о талантѣ Лаэрта...

Гамлетъ. Не смѣю признаться въ этомъ, чтобы не сравнить себя съ нимъ. Знать хорошо человѣка — это тоже, что знать самого себя.

Озрикъ. Я говорю, принцъ, о его оружіи: судя по той славѣ, которую онъ имѣетъ, ему равнаго нѣтъ.

Гамлетъ. Какое же его оружіе?

Озрикъ. Шпага и кинжалъ.

Гамлетъ. Это ужь два оружія! Но дальше?..

Озрикъ. Его величество, принць, держать съ нимъ пари на шесть арабскихъ коней, противъ которыхъ онъ заложилъ, сколько я знаю, шесть французскихъ рапиръ и кинжаловъ съ принадлежностями, то есть съ портупейями, прицѣпками и прочимъ. Трое изъ снарядовъ, дѣйствительно, драгоцѣнны, очень соотвѣтствуютъ рукояткамъ, очень изящные снаряды, богатой отдѣлки...

Гамлетъ. Что вы называете снарядомъ?

Гораціо. Я зналъ, что придется прибѣгнуть къ комментаріямъ, прежде чѣмъ вы кончите.

Озрикъ. Снарядъ, — это портупея...

Гамлетъ. Такое выраженіе было болѣе бы у мѣста, если бы мы носили на боку пушки, ну а теперь пусть это будетъ портупея. Но дальше. Шесть арабскихъ коней противъ шести французскихъ шпагъ, ихъ приборовъ и трехъ великолѣпно изукрашенныхъ снарядовъ. Это французскій закладъ, противъ датскаго! Но почему же это все заложено, какъ вы выражаетесь?

Озрикъ. Ваше высочество, король полагаетъ, что Лаэртъ изъ двѣнадцати схватокъ уступить вамъ болѣе трехъ ударовъ. Лаэртъ стоитъ за девять ударовъ изъ двѣнадцати. Дѣло тотчасъ же можетъ быть рѣшено, если только вы соблаговолите дать отвѣтъ.

Гамлетъ. А если я отвѣчу — нѣтъ?

Озрикъ. Я подразумѣваю, ваше высочество, что вы своей личной особой отвѣтите на вызовъ.

Гамлетъ. Я прогуливаюсь здѣсь, на террасѣ: съ дозволенія его величества, это то время дня, когда я наслаждаюсь воздухомъ. Пусть принесутъ сюда рапиры, и если этотъ господинъ согласенъ и король остается при своемъ намѣреніи, то я выиграю закладъ, если смогу.

Озрикъ. Такъ и прикажете передать?

Гамлетъ. Такъ, именно такъ и передать, съ прикрасами, какія будутъ угодно вашей душѣ...

Озрикъ. Примите увѣреніе, ваше высочество, въ глубокомъ почтеніи и преданности...

Гамлетъ. И отъ меня также... (Озрикъ уходитъ.) Онъ хорошо дѣлаетъ, что самъ проситъ принять его увѣреніе. Другаго человѣка не найдется, который бы сталъ просить за него...

Гораціо. Это цыпленокъ со скорлупой на головѣ...

Гамлетъ. Онъ не иначе принимался за грудь матери какъ съ комплементаріями. Это не человѣкъ, а какая-то игра дрожжей, дунь на него — и пузыри лопнутъ!..

(Входитъ Придворный.)

Придворный. Принць, его величество отнесли къ вамъ черезъ молодаго Озрика, который передалъ, что вы ждете на террасѣ. Меня послали узнать: соблаговолите-ли вы сейчасъ фехтоваться съ Лаэртомъ, или желаете обождать?

Гамлетъ. Я въ своихъ намѣреніяхъ постояненъ: они слѣдуютъ за желаніями короля. Если онъ готовъ къ поединку, то готовъ и я; теперь, или когда бы то ни было, лишь бы я всегда былъ расположенъ такъ, какъ теперь.

Придворный. Король, королева и всѣ спускаются сюда...

Гамлетъ. Очень радъ.

Придворный. Королева желаетъ, чтобы вы какъ-нибудь привѣтливо поговорили съ Лаэртомъ, прежде чѣмъ приступите къ поединку.

Гамлетъ. Совѣтъ королевы прекрасенъ.

(Придворный уходитъ.)

Гораціо. Вы проиграете закладъ, принцъ.

Гамлетъ. Не думаю. Съ тѣхъ поръ какъ онъ уѣхалъ во Францію, я постоянно упражнялся, — при условіяхъ имъ предложенныхъ, я выиграю. Но ты не можешь себѣ вообразить, какъ скверно мнѣ вотъ здѣсь, на сердцѣ... Это пустяки...

Гораціо. Но, дорогой принцъ...

Гамлетъ. А! это пустяки... Такое предчувствіе можетъ потревожить женщину...

Гораціо. Если сердце говоритъ — вѣрьте ему... Я остановлю ихъ, скажу, что вы не можете сегодня.

Гамлетъ. О, нѣтъ! Не надо вѣрить въ предзнаменованія... Воробей не погибнетъ безъ воли Провидѣнія... Если не теперь, такъ со временемъ, не со временемъ, такъ теперь, если не сегодня — такъ вообще когда-нибудь да случится... Надо всегда быть готовымъ. Со смертию мы все теряемъ, такъ не всели равно: раньше или позже.

(Входятъ Король, Королева, Лаэртъ, Озрикъ, Свита съ рапирами и весь дворъ.)

Король.

Гамлетъ, поди сюда, — ты отъ меня
Вотъ эту руку примешь.
(Кладетъ руку Лаэрта на руку Гамлета.)

Гамлетъ.

Простите, — я нанесъ вамъ оскорбленье;
Простите, будьте рыцаремъ... Здѣсь всѣ,
(И вы, должно быть, въ томъ числѣ) всѣ знаютъ
Что боленъ я, — все сдѣланное мной
Затронуло невольнo вашу честь
И ваше горе, и вашъ гнѣвъ невольный. —
Я объявляю здѣсь, что это было
Безуміе... Ну, развѣ я могу
Лаэрту нанести обиду? Нѣтъ,
Мое признаніе здѣсь, въ собраніи этомъ,
Пусть отвратитъ мысль всякую о злѣ,

Злѣ преднамѣренномъ... Великодушный!
Считайте: мною пущена стрѣла,
Она перелетѣла черезъ домъ
И ранила случайно брата...

Лаэртъ.

Я
Доволенъ объясненіемъ... Конечно,
Моя душа горитъ желаньемъ мести,
И не даетъ мнѣ права перемирья, —
Я буду ждать пока почтенный голосъ
Судей испытанныхъ не разъяснитъ
Насколько честь затронута моя, —
Но до тѣхъ поръ — я принимаю вашу
Пріязнь ко мнѣ за то, чѣмъ быть должна
Пріязнь, — вы можете пока вполнѣ
Увѣрены быть въ этомъ.

Гамлетъ.

Превосходно!
Приступимъ же по братски къ состязанью,
Подайте намъ рапиры... Что-жь, начнемъ?

Лаэртъ.

Начнемъ... Рапиру мнѣ!

Гамлетъ.

Я вамъ мишенью
Прекрасной буду, — я плохой боець,
Искусство ваше яркою звѣздою
На темномъ небосклонѣ засіяетъ.

Лаэртъ.

Изволите шутить?

Гамлетъ.

О, нѣтъ, клянусь
Вамъ честью!

Король.

Озрикъ, дайте имъ рапиры;
Вы знаете, нашъ милый принцъ Гамлетъ,
Въ чемъ состоитъ закладъ?

Гамлетъ.

Отлично: ваше
Величество стоите за слабѣйшимъ.

Король.

Я не боюсь... Я въ дѣлѣ васъ обоихъ
Видалъ не разъ, — но, говорятъ, Лаэртъ
Учился, — и теперь еще прекраснѣй
Фехтуетъ, — потому условия ваши
Уравнены...

Лаэртъ.

Нѣтъ, эта тяжела,
Другую дайте.

Гамлетъ.

Эта по рукѣ...
Что, всѣ одной длины?
(Готовятся къ бою.)

Озрикъ.

Всѣ, ваше
Высочество.

Король.

Поставьте кубки здѣсь,
Передо мною, на столѣ, — и если
Нашъ принцъ при первыхъ стычкахъ дастъ ударъ,
Иль отпарируетъ врага, — пускай
Всѣ батареи замка салютуютъ, —
Король подниметъ чашу за здоровье
Гамлета, опустивъ на дно двойную
Жемчужину, которая цѣннѣй
Жемчужины на царской діадемѣ,

Монарховъ Даніи... Подайте чаши мнѣ;
Пусть барабанъ оповѣститъ трубъ,
Пускай труба дастъ знакъ на батарею,
Пусть пушки небесамъ оповѣстятъ,
А небеса землѣ, — что пьетъ король
За принца! Ну, приступимъ къ состязанью .
Внимательнѣе, судьи!

Гамлетъ.

Что-жь, начнемъ?

Лаэртъ.

Начнемъ.

(Дерутся.)

Гамлетъ.

Ударъ!

Лаэртъ.

О, нѣтъ.

Гамлетъ.

Что скажутъ судьи?

Озрикъ.

Ударъ, ударъ — и очень ясный...

Лаэртъ.

Ну, —

Продолжимъ.

Король.

Погодите! Дайте мнѣ
Вина, — Гамлетъ, твой жемчугъ брошень въ чашу,
Твое здоровье... Передайте кубокъ...
(Трубы, пушки.)

Гамлетъ.

Нѣтъ, мы окончимъ поединокъ. Вы
Поставьте кубокъ въ сторону... (*Дерутся.*) Ну, что же?...
Ударъ, — ударъ, — что скажете?

Лаэртъ.

Задѣли,
Задѣли, — сознаюсь...

Король.

Онъ побѣдитъ.
Навѣрно побѣдитъ!

Королева.

Онъ толстъ, одышка
Ему мѣшаетъ... Вотъ возьми, Гамлетъ,
Платокъ мой, оботри свое лицо....
Теперь я пью за счастье Гамлета.

Гамлетъ.

О, королева....

Король.

Нѣтъ — не пей, Гертруда.

Королева.

Но я желаю, государь, — позвольте....

Король (*про себя*)

Отравленная чаша... Поздно, поздно!

Гамлетъ.

Нѣтъ, государыня, я погода
Немного выпью....

Королева.

Дай хоть обтереть
Тебѣ лицо....

Лаэртъ.

Теперь я, государь,
Возьму ударъ навѣрно.

Король.

Ну, едва-ли.

Лаэртъ (*про себя.*)

И все-таки я чувствую, что это
Безчестно....

Гамлетъ.

Ну, на третій разъ, Лаэртъ!
Ты до сихъ поръ шутиль. Пускай-же въ ходъ
Твое искусство. Право, я боюсь,
Что ты смѣешься надо мной сегодня....

Лаэртъ.

Вы полагаете?.. Начнемъ....
(*Дерутся.*)

Озрикъ.

Ничей, —
Ни тотъ и не другой.

Лаэртъ.

Теперь попалъ!
(*Ранитъ Гамлета. Въ горячей схваткѣ мѣняются рапирами. Гамлетъ ранитъ
Лаэрта.*)

Король.

Разнять ихъ: слишкомъ горячо они
Взялись за дѣло....

Гамлетъ.

Нѣтъ, еще, еще!
(Королева *падаетъ.*)

Озрикъ

Ай, посмотрите... Королева!...

Гораціо.

Оба
Они въ крови, — что это значитъ, принцъ?

Озрикъ.

Лаэртъ, что съ вами?

Лаэртъ.

Я попалъ какъ птица
Въ свои силки — мое же вѣроломство
Мнѣ гибель принесло, — и по-дѣломъ!

Гамлетъ.

Что съ королевою?

Король.

Ей дурно, — кровь
Она увидѣла....

Королева.

Нѣтъ, нѣтъ... Питье...
Питье, мой милый сынъ, питье, питье!
Тамъ ядъ положень... Ядъ...
(*Умираетъ.*)

Гамлетъ

Злодѣйство!
Всѣ входы запереть! У насъ измѣна!
Сыскать измѣнника....

Лаэртъ (*падаетъ.*)

Онъ здѣсь....

Гамлетъ, Гамлетъ, ты мертвъ, — нѣтъ въ мірѣ средства,
Которое могло-бъ тебя спасти....

На полчаса въ тебѣ осталось жизни:

Въ твоей рукѣ отравленный клинокъ,

Онъ заостренъ измѣной... Обратился

Мой замысель преступный на меня —

Я здѣсь лежу, чтобъ не подняться больше...

Мать отъ отравы умерла... Я долѣ

Скрывать не стану: онъ виновникъ, — онъ:

Король, король!

Гамлетъ.

А! это остріе

Отравлено! Такъ пусть-же исполняетъ
Свою работу ядъ....

(Поражаетъ Короля.)

Озрикъ и придворные.

Измѣна!..

Король.

Друзья, о защитите, — я вѣдь раненъ,
Я только раненъ...

Гамлетъ.

Пей, кровосмѣситель,

Пей этотъ кубокъ... Гдѣ твой жемчугъ? — здѣсь?..

Иди-жъ во слѣдъ за матерью моей.

(Король умираетъ.)

Лаэртъ.

Онъ получилъ свое возмездье... Ядъ

Вѣдь имъ-же былъ и приготовленъ.... Принцъ,

Обмѣнимся прощеньемъ. Благородный

Гамлетъ, — пусть смерть отца и смерть моя

Не падаетъ на голову твою, —
И я въ твоей невиненъ буду смерти.
(Умираетъ.)

Гамлетъ.

Прости тебѣ Господь! Я за тобою
Иду во слѣдъ!.. Гораціо, прощай —
Я умираю... Матушка моя,
Несчастливая, — прощай... А вы теперь,
Вы, блѣдные трепещущіе люди —
Невольные свидѣтели зодѣйства —
Имѣй я только время... и не будь
Смерть столь жестокой и неумолимой, —
О, многое я передалъ бы вамъ....
Но такъ и быть... Я умираю. Ты,
Гораціо, останешься въ живыхъ,
Ты недовольнымъ все расскажешь, все
Ты оправдаешь....

Гораціо.

Нѣтъ, я не датчанинъ, —
Я римлянинъ скорѣе! Здѣсь осталось
Еще немного въ кубкѣ....

Гамлетъ.

Остановись, Гораціо! Отдай,
Отдай мнѣ эту чашу: ты обязанъ
Въ глазахъ потомства оправдать меня,
И если ты любилъ меня — то долженъ
Теперь отъ счастья смерти отказаться!
О, подыши еще съ сердечной болью
На этомъ гадкомъ свѣтѣ — и тогда
Повѣдай повѣсть о моихъ страданьяхъ.
(Вдали маршъ и выстрѣлы.)

Что тамъ за клики боевые?

Озрикъ

Это

Изъ Польши юный Фортинбрасъ идетъ, —
И салютуетъ англійскимъ посламъ.

Гамлетъ.

Я умираю, другъ мой, — сила яда
Сковала слабый духъ, и мнѣ теперь
Ужь не слышать изъ Англїи вѣстей....
Я предрекаю выборъ Фортинбраса
На нашъ престоль; ему передаю
Я свой предсмертный голосъ. Ты ему
Все передашь, все.... все какъ это было —
Все передай ему... А остальное —
Молчаніе.....

(Умираетъ.)

Гораціо.

Не бьется благороднѣйшее сердце!
Покойной ночи, милый принцъ! Пусть хоры
Небесныхъ ангеловъ тебѣ успокоенье
Дадутъ и пѣсней тихой укачаютъ....
Все ближе маршъ!
(Маршъ. Фортинбрасъ. Послы изъ Англїи и др.)

Фортинбрасъ.

Гдѣ это, гдѣ?

Гораціо.

Чего вы ищете — ужасныхъ зрѣлищъ
И горя несказаннаго? Такъ дальше
Нейдите — здѣсь они...

Фортибрасъ.

О, — груда жертвъ
О катастрофѣ говоритъ минувшей!
Смерть гордая, какое торжество
Справляешь ты, когда на пиръ кровавый
Здѣсь столько царственныхъ убила жертвъ?

Первый посолъ.

Ужасный видъ! Посольство запоздало —
И глухи уши тѣхъ, кому должны

Мы сообщить изъ Англїи извѣстья...
Приказъ исполненъ: — оба казнены, —
И Розенкранцъ и Гильденстернъ, — но кто-же
Намъ благодарность принесетъ за это?

Гораціо.

Да ужь никакъ не вашъ король, — хотя бы
Внезапно ожилъ онъ и былъ способенъ
На благодарность... Это не его
Желанье было...

Фортибрансъ.

Съ грустью я встрѣчаю
Нежданное мной счастье. Есть за нами
Старинныя права на вашъ престоль, —
Я долженъ заявить о нихъ открыто...
На катафалкъ пусть принца вознесутъ,
Какъ рыцаря, четыре полководца...
Пусть похоронный маршъ гремитъ во время.
Процессїи. Войска пусть салютуютъ...
Идемъ! Дать выстрѣлы!
(Похоронный маршъ. Уходятъ. Выстрѣлы.)